

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АКАДЕМИЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ

II ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы докладов и сообщений
Международной научно-практической
конференции**

Москва, 26–27 апреля 2016 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2016

УДК 80/81:372.881.1:378.147(063)
ББК -9*81.2+80/84
В87

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Председатель –
академик МАН ВШ, д.филол.н., профессор *Н.Ф. Михеева*

Сопредседатели:
проректор по научной работе РУДН, д.филол.н., профессор *Н.С. Кирабаев*;
зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН,
главный научный сотрудник, д.филол.н., профессор *И.И. Чельшева*;
ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, д.полит.н.,
профессор *З.В. Ивановский*

Члены оргкомитета:
декан филологического факультета, д.филол.н., проф. *В.В. Барабаш*;
заведующий кафедрой общего и русского языкознания, д.филол.н., проф. *В.Н. Денисенко*;
проф. кафедры иностранных языков Академии повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования, д.пед.н., проф. *Г.И. Воронина*;
проф. кафедры иностранных языков филологического факультета, д.филол.н.,
проф. *О.С. Чеснокова*;
проф. кафедры иностранных языков филологического факультета, д.филол.н.,
проф. *Т.В. Ларина*;
зам. декана филологического факультета по научной работе, к.филол.н., доц. *Ю.Н. Эбзеева*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, к.филол.н.,
доц. *М.Е. Курпьянова*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, к.филол.н. *А.С. Борисова*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Н.В. Дубинина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета
Г.В. Семянникова;
К.Э. Болотина (ответственный секретарь)

В87 **II Фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития** : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 апреля 2016 г. – Москва : РУДН, 2016. – 326 с. : ил.

ISBN 978-5-209-07220-1

© Коллектив авторов, 2016
© Российский университет
дружбы народов, 2016

Посвящается Н.М. Фирсовой

(1929–2013)

Наталья Михайловна Фирсова с ранних лет проявляла особый интерес к филологии, а в юности увлеклась испанистикой. В деле, которое было ею так любимо, она достигла высот академического признания: доктор филологических наук (1980), профессор (1981), академик МАН ВШ (1993), Заслуженный деятель наук РФ (1994), Почетный работник высшего образования (1997), Почетный профессор РУДН (1999).

Способностью радоваться и удивляться новым открытиям Наталья Михайловна вдохновляла окружающих. Искра ее таланта зажгла немало ярких огней научного сообщества. Под ее чутким руководством были написаны десятки дипломных работ, 39 диссертаций на соискание ученой степени кандидата и три — на соискание ученой степени доктора наук.

Широкий спектр научных интересов Наталии Михайловны отражен в 270 работах. Приоритетными направлениями её исследований были вариативность испанского языка в странах Латинской Америки, национально-культурная специфика коммуникации и сопоставительное изучение языков и культур.

Одной из вершин научной деятельности Наталии Михайловны Фирсовой стало создание под ее редакцией первого в мировой лексикографии испанско-русского словаря латиноамериканизмов.

Кропотливая работа над словарем, вошедшим в список Лучших книг России (1998), способствовала разработке новаторских концепций и научных направлений в области сопоставительных лексикологии, фразеологии и грамматики.

Страстно преданная науке, Наталия Михайловна умела увлечь и вести за собой. Удивительна была ее способность всегда видеть вокруг себя чудеса и помогать их открывать другим. Терпеливая, добрая, внимательная — она проявляла живое участие в судьбе каждого, кому посчастливилось встретить ее на своем пути.

Три года назад ушла из жизни выдающийся Ученый, яркая Личность, мудрый Учитель — Человек с большой буквы. Память о Наталии Михайловне будет вдохновлять не одно поколение ученых и согревать душу всех тех, чьей судьбы она коснулась.

Оргкомитет конференции

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Чельшева И.И.
(Россия, Москва)

Роль диахронических лингвистических дисциплин в подготовке филолога-романиста

В последние годы, как хорошо известно, произошли существенные изменения в программах высшего лингвистического образования. Традиционный для романского языкознания подход к диахроническим филологическим курсам, предусматривавший выделение их в отдельную дисциплину, хорошее знание латыни студентами и кропотливую работу над текстами, во многом неизбежно уходит в прошлое и из-за недостатка времени в учебном процессе, и из-за некоторого, вполне оправданного, смещения основных целей лингвистического образования, и из-за обилия интересной для студентов информации совсем иного плана.

Вместе с тем, ясно, что никак нельзя считать завершенной подготовку филолога-романиста без основательного теоретического багажа и знаний о состоянии языка и литературы в прошлом. Кроме того, в современных условиях глобализации особое значение приобретает «панорамность» и «объемность» профессионального взгляда лингвиста, а становлению таких качеств способствует овладение сравнительно-сопоставительным, в том числе, и сравнительно-историческим материалом в применении к языкам. Мы бы хотели в докладе остановиться на некоторых моментах возможного включения элементов исторического и сравнительно-сопоставительного языкознания в актуальную для преподавания современную проблематику.

Романский языковой ареал отличается удивительным разнообразием языковых ситуаций, варьированием в статусе

идиомов, культурно-языковым своеобразием отдельных ареалов, что не перечеркивает общероманского языкового единства. Это разнообразие активно исследуется в приложении к современному состоянию (социолингвистика, вариантология, контактная лингвистика, культурология и т.д.), но не будем забывать, что современное состояние подготовлено и обусловлено развитием языков в диахронии. Исторический материал может достаточно гармонично вписываться в проблематику сегодняшнего дня; например, описание языковых вариантов Новой Романии (Латинской Америки, франкоязычных ареалов Нового Света) выводит на проблему соотношения этих вариантов и соответствующих языков отдаленных периодов, как периода их утверждения на новых территориях, так и более ранней эпохи.

Актуальная для настоящего момента проблема демократизации языкового узуса, связанная, в том числе, с проникновением в разные языковые регистры характеристик устной речи, находит свои параллели в истории языков. Нередко современные характеристики разговорного языка воспроизводят на новом этапе развития черты древнего, а иногда и древнейшего состояния этого языка (например, известные параллели между разговорным французским и старофранцузским).

Антропоцентричные методы современной лингвистики и таких ее направлений, как семантика, прагматика, коммуникативная лингвистика, приложимы (с определенными оговорками) к диахронии, которая, в свою очередь, может дать объяснение явлениям, воспринимаемым в современном языке как данность. Семантические переходы во многом универсальны в разных языках мира, а полисемия или метафоризация лексических единиц в современных языках может повторять диахронические семантические переходы от народной латыни к романским языкам.

Видимо, сегодня уже мало приемлем традиционный курс сравнительной грамматики романских языков,

выдержанный в стиле младограмматиков. Но сравнительно-сопоставительное изучение (даже при знании студентами только одного романского языка при неизбежном английском) может оказаться не только полезным, но и необходимым. Во-первых, многое в романских языках связано с активными контактами разного уровня в прошлом. Во-вторых, есть тенденции, которые проявляются в разных романских языках, но в каждом из них достигают различного уровня и без разъяснений остаются незамеченными и неправильно оцениваемыми. Сопоставление в этом случае позволяет избежать некорректных выводов об уникальности и единственности того или иного языкового факта.

Хотелось бы отметить, что история языка приобретает особое звучание при «персонификации». Яркие личности (короли и духовные особы, писатели и грамматисты, военачальники и путешественники т.д.) известны даже тем, кто имеет слабое представление о лингвистической диахронии, но их имена связаны с очень заметными страницами в языковой истории, более того, они иногда становятся знаменем этой самой истории.

Михеева Н.Ф.

(Россия, Москва)

Билингвальное образование в Испании

В начале 1978 г. в Испании были приняты так называемые «Декреты о билингвизме», согласно которым на территориях, где говорили на других языках (а не на кастильском), было обязательным их изучение в системе образования. Декреты представляли из себя коренное изменение традиционной политики в сфере образования, которая ранее была ориентирована только на испанский язык. Позже Конституция Испании 1978 г. и Законодательства автономных сообществ укрепили это направление,

предоставив языкам автономных сообществ категорию вторых официальных (коофициальных) языков на соответствующих территориях.

Однако существует много вопросов относительно того, как, при помощи каких возможностей достичь поставленных задач.

К этому стоит прибавить существующую большую разницу в языках и социолингвистической ситуации в автономиях: в уровне знания и степени использования своего языка, его престижности; политической власти и в отношениях между языком и националистическими чувствами. Также необходимо иметь в виду, что некоторые языки с лингвистической точки зрения похожи (каталанский, галисийский и кастильский); другие — очень далеки (эускера и кастильский).

Основная цель, которую ставили перед собой «Декреты о билингвальном образовании», в большинстве случаев была достигнута. Не меньший результат — это и профессиональная подготовка преподавателей, создание учебно-методических материалов и соответствующих технологий. В любом случае, вскоре стало ясно, что лишь обучение языку (как одному из предметов) недостаточно для формирования «активной компетенции». В результате правительство Каталонии приняло решение, что в начальной школе в каждом классе, кроме предмета «каталанский язык», изучается еще, как минимум, один предмет на каталанском языке. Подобные решения были приняты и другими автономиями.

В 70^х гг. XX века каталонское правительство провозгласило, что школа с преподаванием на каталанском языке — это его основная цель, но решение будет приниматься по каждому конкретному случаю, когда коллективы учителей и родителей, во-первых, выразят желание по этому поводу, а, во-вторых, будут подготовлены педагогические кадры и учебно-методическое обеспечение. С

1983 г. «каталанский язык становится единственным официальным языком в образовании» («El catalán se convierte en la única lengua oficial en la enseñanza»)¹. Например, в настоящее время в Барселоне не осталось ни одной государственной школы с основным испанским языком. В государственных школах все предметы, за исключением испанского языка и литературы (всего 3 часа в неделю), а также иностранного языка, преподаются на каталанском. Но необходимо также иметь в виду, что треть населения Каталонии ходит в частные школы, где, как минимум, один предмет на курс преподается на каталанском, остальные — на испанском. А при окончании средней школы Вам гарантируют владение обоими языками. Но процесс каталанизации средней школы — более длительный. И до сих пор некоторые преподаватели выступают за выбор учеником того или иного языка (в случае владения обоими) для получения среднего образования.

На Балеарских Островах, по решению Правительства, не менее половины предметов должны читаться по-каталански.

Ситуация в Галисии примерно такая же. В Валенсии ситуация с языком, на котором ведется обучение в школе, несколько иная. Здесь уместно вспомнить о дискуссии, является ли валенсийский язык разновидностью каталанского, или это — другой язык. При этом часто в одном и том же образовательном учреждении идет параллельное обучение на валенсийском и кастильском.

В Стране басков — свои собственные характеристики. Особенность языка и небольшое число его носителей «контрастируют» с решением «активизировать» его использование. К тому времени, когда вышел в свет «Декрет о билингвизме», в стране уже существовала сеть школ с преподаванием на euskera.

¹ См.: <http://www.lavozlibre/noticias/ampliar/2852/el-catalan-se-convierte-en-unica-lengua-oficial-de-la-ensenanza>

В настоящее время в Стране басков появились школы с тремя моделями преподавания языков. В школах модели А занятия проводятся на трех языках: испанском, баскском и одном из иностранных языков; в школах модели Б от 80 % до 50 % занятий проводятся на баскском, а остальные – на испанском. В школах модели В занятия проходят на баскском, а испанский является лишь отдельным предметом. В наши дни более 70% школьников учатся в школах модели В².

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, хотя в европейской научной литературе о билингвальном образовании опыт Испании представлен крайне слабо, тяжело обнаружить более яркие примеры его применения на практике.

Во-первых, более 40% жителей Испании проживают на территориях, где система образования предлагает владение двумя языками (национальным и региональным).

Во-вторых, хотелось бы сказать несколько слов относительно столь популярной сегодня «теории погружения», когда речь идет о получении образования на неродном языке. Ведь, начиная с 1972 г., в промышленной зоне Барселоны с кварталами, где жили иммигранты, которые разговаривали на испанском, уже существовали школы с преподаванием на каталанском языке. И далее этот процесс в иммигрантских районах Испании только развивался.

В-третьих, введение второго языка в качестве языка образования, не усложняет, а упрощает последующее возможное введение третьего языка в системе образования не только Испании, но и Европы.

И еще один штрих. Школа формирует граждан общества с определенной идентичностью, а язык — это один из элементов коллективной идентичности. Принятие

² См.: *Фирсова Н.М.* Влияние политико-социальных факторов на языковые изменения в испаноязычных странах // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире. – М.: Изд-во РУДН, 2013, С. 27.

билингвизма в образовании, как может показаться, подразумевает некую форму множественной идентичности. Этот вопрос в последнее время усложняется по двум причинам: с одной стороны, Совет Европы стремится к созданию единой европейской идентичности с обязательным изучением национального языка и других иностранных языков. А одновременно – присутствие в школах каждый раз все более ощутимого числа иммигрантов из неевропейских стран не только ставит проблемы овладения несколькими языками, но и «заставляет» Европу перейти к многокультурному и многоязычному образованию.

Безусловно, данный вопрос требует специальных исследований.

Оболенская Ю.Л.

(Россия, Москва)

Результаты 600 лет взаимодействия цыганской и испанской (кастильской) лингвокультурных традиций

Исследования современного испанского языка традиционно уделяют внимание роли языковых и — шире — лингвокультурных контактов иберов с кельтами, финикийцами, вест-готами и арабами в формировании лексического и фонетического облика испанского (кастильского) языка. При этом по причинам скорее экстралингвистическим и социокультурным лингвисты оставляют без внимания последствия последней (если не принимать во внимание общемировую англосаксонскую экспансию) на полуострове лингвокультурной экспансии — цыганской.

Эта культурная экспансия произошла в начале XV в. на исходе семивекового арабского владычества, когда несколькими потоками с севера (из Франции) и с юга (из Африки) потянулись обозы мнимых паломников, чтобы

поклониться останкам Св. Иакова в Галисию. Затем они занялись жестяными работами и коневодством, и, продвигаясь двумя потоками — по побережьям Леванте и Атлантики к югу полуострова — они развлекали народ и знать по праздникам песнями и танцами. Так в иберийский мир вторглась тысячелетняя цыганская традиция, однако результаты культурного контакта, язык и жизнь цыганской диаспоры в Испании по-прежнему остаются темой достаточно закрытой и болезненной как для цыган, так и для представителей других национальностей этой мультикультурной страны. Язык и культура испанских цыган до сих пор не стали темами серьезного научного изучения, по объективным причинам цыгане остаются изгоями в сознании испанских обывателей и поэтизируются европейцами.

Без цыганской культурной традиции представить андалузскую культуру сегодня невозможно, но ее влияние не менее ярко проявилось в речи представителей всех без исключения областей Испании. Цыганский испанский язык — калó — обогатил лексику не только маргиналов и преступников или андалузского диалекта испанского языка, но и отразился в разных стилистических регистрах литературного испанского языка не только Испании, но и стран Латинской Америки, а искусство испанских цыган — фламенко, впитав в себя арабскую, иудейскую и христианскую традиции стало визитной карточкой Испании. Без сомнения, самый яркий и очевидный культурный итог цыганской культурной экспансии, длящейся уже почти 600 лет — это именно фламенко, которое по своей сути представляет собой особый культурный код, в котором музыкальная тема, ритм и характер танца, техника горлового пения (канте хондо) способствуют воплощению, а точнее — фиксации мифа о довлеющем над цыганами роке и трагическом противоборстве судьбе и смерти.

Язык музыки и танца чрезвычайно важен для характеристики языкового сознания цыган, но существует и

язык обиходный. Сегодняшние испанские цыгане — по-прежнему билингвы, а цыганский язык с XVI в. и по сей день остается языком семейного общения, а также активно проникает в жаргоны маргиналов и преступников, оставаясь языком герметичным, своего рода языковым кодом для посвященных. Что касается современного испанского языка, отметим что лексика калó и некоторые словообразовательные форманты, действительно, богато представлены в испанской разговорно-фамильярной речи, и особенно ярко в воровских и молодежных жаргонах, начиная с древнейших *jermanías* и заканчивая молодежными жаргонами XX-XXI века — *pasota* и *cheli*. Сегодня цыганизмы активно используются языком Интернета.

Более пятисот лет цыганский язык, преследуемый и запрещаемый властями, развивался во взаимодействии и под сильным влиянием испанского (кастильского) языка. Цыганский калó использует испанский алфавит, придерживаясь в целом норм испанской орфографии. Влияние испанского проявляется на лексическом и на морфограмматическом уровне: из кастильского языка пришли продуктивные суффиксы и словообразовательные модели, спряжение глаголов в цыганском калó схоже с испанским. Фонологический и фонетический уровни калó также обнаруживают черты сходства с испанскими³. В докладе анализируются примеры ассимиляции и адаптации кастильских лексем и словообразовательных моделей в кало, а также базовые концепты цыганского языкового сознания и среди них — такие как *jach*. Для закрытого, тайного

³ Исследование черт сходства языка цыган с испанским или другими языками (включая многочисленные лексические заимствования), а также этимологии цыганских слов не входило в задачи данной публикации и должно содержание специального исследования, однако, нам показалось целесообразным продемонстрировать некоторые характерные словообразовательные модели, свидетельствующие о тесном взаимодействии языка цыган с кастильским.

цыганского мира не менее важно использование своей топонимии и антропонимикона.

Испанские исследователи утверждают, что языком цыган сегодня не владеет никто, что он стал неотъемлемой частью андалузского диалекта (хотя точнее было бы сказать, что этот диалект использует язык цыган) и что можно говорить об искусственно реконструируемом на основе цыганской лексики цыганском эсперанто, не понятном даже цыганам других стран. Однако, учитывая тенденцию к национальной самоидентификации этносов Испании, можно предположить, что цыганский калó в будущем не растворится в жаргонах, андалузском диалекте или литературном испанском языке.

Заемствования из калó, по мнениям испанских и зарубежных лингвистов, составляют от 20% до 85% испанских молодежных и воровских жаргонов, причем в словарях — как толковых испанских, так и двуязычных — большое количество подобных заимствований сопровождается пометами «андалусизм». Андалусизмы (цыганизмы) используются ораторами и СМИ для «оживления» речи, сокращения дистанции адресантом и адресатом, используясь как мощное средство для создания условий для достижения успешной коммуникации.

Результатом языкового контакта цыганских диалектов и кастильского (испанского) языка стало создание уникального испанского калó и значительное расширение разговорной лексики испанского, обогащение его фразеологии. Цыганский языковой и общекультурный *адстрат* лег на богатейший субстрат испанской культурной почвы, что привело к дальнейшему развитию андалузского диалекта и завершению формирования того, что теперь принято называть культурной специфичностью столь романтизированной мировой культурой национальной автономии Испании — Андалусии.

Раевская М.М.

(Россия, Москва)

**Quiénes son los hispanohablantes contemporáneos:
reflexiones sobre la realidad lingüística hispánica**

Se sabe que el español ahora es una forma de hablar desplegada en contextos sociales multilingües por hablantes multilingües (incluyendo contextos bilingües y hablantes bilingües). Como la lengua siempre ha tenido la importancia identitaria, los investigadores contemporáneos deben ser muy sensitivos a los procesos emergentes para «captar» las tendencias en las configuraciones nuevas del sentimiento étnico en un vasto mundo hispanohablante.

Historicamente el multilingüismo ha sido y es la característica central del mundo hispanohablante. Los hispanoparlantes de dos continentes han evolucionado de las múltiples formas de hablar de la gente en la Península Ibérica y sus dependencias coloniales, sobre todo en las Américas. En todos estos contextos geográficos y sociales durante todo el período histórico el bilingüismo en sus territorios ha sido la norma [1], aunque la Corona y el Estado han hecho muchos esfuerzos para asegurar la unidad nacional a través de la unificación lingüística habiendo impuesto el castellano en el ámbito hispánico. Pero todos los decretos reales en la esfera lingüística demuestran y comprueban la naturaleza multilingüe de los Reinos de la Corona, o sea, las migraciones y sus consecuencias lingüísticas eran comunes en el mundo hispano desde el siglo XVI hasta el siglo XX.

En el siglo XXI, cuando la globalización y sus nuevas tecnologías han estimulado los grandes movimientos migratorios de población, los miembros de la diáspora hispana utilizando formas de hablar españolas muestran los efectos dinámicos y cambiantes de los acuerdos sociopolíticos. Pero durante este período de más de quinientos años las migraciones y la diversidad

lingüística resultante estuvieron contenidos dentro de las fronteras políticas en los territorios desmesurados de la Corona de Castilla.

En actualidad las prácticas lingüísticas no corresponden a las fronteras nacionales oficiales ni tampoco responden a un solo centro de poder ni expresan una identidad unitaria. Es la heteroglosia que caracteriza los usos que denominamos el Español en el siglo XXI, y es a ella a que se debe el nuevo lema sobre el español como «la lengua de la cultura común» proclamado a principios del nuevo milenio.

Las investigaciones recientes del tema [Escobar, 2013; De Groot, 2011; García, 2013, 2014; Montrul, 2013; Otheguy, 2015] se fundamentan en los siguientes pilares teóricos: el del hablante como figura central del bilingüismo hispano, el del desglose de la competencia lingüística, y el de las prácticas del «translenguar» bilingüe, presentando éstas una forma especial del comportamiento lingüístico en la sociedad heteroglósica. Según los autores mencionados, «...no es rentable ver el español como un sistema de lenguaje discreto que existe como una gramática separada, mentalmente representada como algo distinto y aparte de otras lenguas del bilingüe hispano», porque insiste en categorías externas generadas por los sistemas nacionales, políticos, educativos e ideológicos que prevalecen en las sociedades donde viven los bilingües hispanos [3]. El bilingüe en el siglo XXI ya «no es simplemente dos monolingües en uno», en el caso de los Estados Unidos por lo menos [4]. El bilingüe en el siglo XXI vive en las situaciones dinámicas y abarca sus prácticas lingüísticas para construir significados de una manera también dinámica que le sirve para acceder «a todos los aspectos de su vida social con dignidad y libertad» [3].

En la última década los especialistas proponen hablar sobre así llamado «translenguar» o «translingüismo» (porque el término de «bilingüismo tradicional» ya no se tiene por conveniente por algunos): según este enfoque, el español y otras lenguas de los bilingües hispanos no son vistos como sistemas aislados, sino como un conjunto de rasgos lingüísticos desagregados que sirven

para crear mensajes a base de las construcciones mezcladas. En este caso se trata del desglose de la competencia lingüística lo que les permite a los bilingües mezclar y combinar a su gusto las formas de un idioma y otro.

En la sociedad heteroglósica el español es el nombre de un solo aspecto del repertorio lingüístico complejo de los hablantes hispanos multilingües. Ahora se sostiene la idea de que la mentalidad gramatical de los hispanos multilingües contiene las matrices complejas de características estructurales desglosadas (fonéticas, fonológicas, morfosintácticas y semánticas) que no residen en el conocimiento inherentemente diferenciado de dos o más idiomas. Al revés, estas gramáticas están etiquetadas externamente por las conveniencias socioculturales contingentes que en algunas culturas asignan algunos de estos conjuntos de características al español y otros al inglés o quechua, etc.

De esta manera el concepto de «translingüismo» crea el espacio social para el hablante multilingüe reuniendo diferentes dimensiones de su historia personal, la experiencia y el medio ambiente, su actitud, creencia e ideología, su capacidad cognitiva y física en una actuación coordinada y significativa. Pero el concepto de «translenguar» no es lo mismo que «el cambio de código» porque no se refiere a una alternancia entre dos lenguas, sino más bien al uso de las prácticas discursivas interrelacionadas y originales que no pueden ser asignadas fácilmente a uno u otro idioma. Y más aún, el acto de «translenguar» destaca las prácticas lingüísticas que conforman el repertorio lingüístico original del hablante como conjunto de registros étnicamente marcado. Así, además de crear el espacio social nuevo, el «translingüismo» adquiere su propio poder transformatorio combinando y generando identidades y valores también nuevos.

Con todo lo dicho conviene poner la pregunta: ¿quiénes son los hispanohablantes contemporáneos? Según vemos, en diferentes regiones hispanohablantes del mundo son heterogéneos por su naturaleza lingüística lo que se debe a diferentes contextos sociales y culturales donde viven, cada uno con sus propias ideologías

лингüísticas y prácticas lingüísticas. Parece evidente que en el siglo XXI se están conformando por lo menos unos nuevos sentimientos étnicos basados no en la tradicional dicotomía lingüística sino en la experiencia lingüística individual del hablante que tiene a su disposición un recurso más a la hora de realizar su capacidad comunicativa.

Литература

[1] Escobar A.M. Variación lingüística del español. En: Hualde J.L., Olarrea A., Escobar A.M., Travis C. (eds.). Introducción a la Lingüística hispánica. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

[2] Escobar A.M. Bilingualism in Latin America. En: Bhatia T.K., Ritchie W.C. (Eds.). The Handbook of Bilingualism (pp. 642-661). Oxford: Blackwell, 2013.

[3] García O., Otheguy R. Spanish and Hispanic bilingualism. En M. Lacorte (Ed.), The Routledge Handbook of Hispanic Applied Linguistics (pp. 639-658). New York, NY: Routledge, 2015.

[4] Grosjean E. Studying bilinguals: Methodological and conceptual issues. En: Bhatia T.K., Ritchie W.C. (Eds.). The Handbook of Bilingualism (pp. 32-64). Malden, MA: Blackwell, 2004.

Сапрыкина О.А.

(Россия, Москва)

В мире лузофонии:

лингвокультурный профиль Мозамбика

Мозамбик — одна из крупнейших стран португальской речи. Социолингвистическая ситуация в Мозамбике сложная, многокомпонентная. Её важнейший стержень — португальский язык — взаимодействует с банту-языками. Португальский язык погружен в *вертикальный языковой континуум* и существует в нескольких разновидностях, среди которых выделяются *базилект*, *мезолект* и *акролект*. Под акролектом традиционно понимается базовый литературный язык — европейский португальский в письменной и устной формах, мезолект — устная разговорная разновидность языка,

сформировавшаяся в регионе и, наконец, базилект — иерархически самая низкая разновидность речи, просторечие. Акролект задаёт языковую норму, мезолект может её модифицировать, базилект — сфера интенсивного воспроизведения койне как основного повседневного средства общения между носителями разных этнолектов.

Впервые португальцы, входившие в состав экспедиции Васко да Гамы, появились на территории Мозамбика в конце XV века. В юго-восточной Африке (на территории современных государств Зимбабве и Мозамбика) в это время процветало царство Мономотапа (Мвенемутапа, Муэнемутапа, Мономатапа). Могущество царства было связано с добычей золота. В 1505 году на побережье Индийского океана в основанной арабами Софале возникла первая португальская фактория под названием Сена.

Христианизация новых земель началась в 1560 году, когда первые португальские миссионеры появились в Мономотапе. В катехизации участвовали не только иезуиты, но и доминиканцы. С течением времени — с XVII века на территории Мозамбика, главным образом, в Мономотапе и на прилегающих островах стала формироваться колония, в которую устремились переселенцы из Португалии.

Этногенез в юго-восточной Африке имел целый ряд особенностей. Коренное население говорило на разных языках группы банту и расселялось в четырёх языковых зонах.

Сначала португальский язык функционировал в качестве *лингва франка*, языка повседневного межэтнического общения. К XVII веку его функциональная нагрузка возросла: он стал широко использоваться в органах власти, в суде и в церкви.

Проводимая португальцами политика внутри страны была известна как политика ассимиляции. Ассимиляция, один из вариантов аккультурации, сводилась к навязыванию собственной идентичности автохтонному населению.

В колониальный период португальский язык давал возможность жителям страны добиваться более высокого общественного положения и повышать материальный статус. На португальском языке говорили, в основном, горожане. В деревнях главными средствами общения были банту-языки (90% от всех бывших в обиходе африканских языков).

Статус португальского языка как официального языка страны утвержден в *Конституции республики Мозамбик* (параграф 1 статья 5). Во втором параграфе говорится также, что государство признает национальные языки и поддерживает их развитие и возрастающее употребление в качестве средств общения, а также в области образования граждан страны.

В политическом дискурсе Мозамбика португальский язык обозначается как *язык национального единства и двигатель социальной интеграции **língua de união nacional e promotora da integração social***.

В португальском языке Мозамбика на уровне мезолекта сформировался целый ряд особенностей — в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. На уровне мезолекта заданы векторы *нативизации (креолизации)* португальского языка в Мозамбике.

Фонологически релевантны для португальского языка Мозамбика (ПМ):

- оглушение звонких взрывных согласных: gato [gatu] > [katu]
- образование щелевого звука на месте звонкого взрывного: golo [golu] > [yolu].

В лексике ПМ есть заимствования из местных языков банту — они входят в состав африканизмов — регионализмов: **Khanimambo** спасибо < из языков ронга и шангана; **Navelar** желать чего-либо < ku-navela; **Imbabala** антилопа.

Значительный пласт лексики в ПМ составляют неологизмы — лексические, семантические и заимствования.

Лексико-морфологические неологизмы образованы по типичным для португальского языка словообразовательным моделям. *Семантические* неологизмы обладают новыми значениями по сравнению с семантикой слов в словаре европейского португальского.

Одной из важных грамматических особенностей португальского языка Мозамбика является неcodифицированное употребление безударных форм личных местоимений: замещая одушевленное существительное, в ПМ часто появляются формы **lhe**, **lhes**, тогда как в португальском Португалии требуются формы прямых дополнений **o**, **a**, **os**, **as**.

Португальский язык в Мозамбике прошел сложную эволюцию и в постколониальный период укрепил свой статус и, развиваясь как самостоятельная система, обслуживает разнообразные сферы общественной жизни.

Ларина Т.В.

(Россия, Москва)

**Функционально-прагматические особенности
эмоциональной коммуникации в межкультурном
контексте**

Эмоции, как известно, являются неотъемлемой составляющей коммуникации и, подобно всем ее компонентам, могут быть универсальными, культурно специфичными и индивидуальными. Доклад посвящен эмоциональной коммуникации на этнокультурном уровне, т.е. в нем будут рассмотрены те черты, которые делают представителей одной культуры похожими друг на друга и отличают их от представителей других культур, что оправдывает необходимость достаточно высокого уровня генерализации.

При рассмотрении этнокультурных особенностей эмоциональной коммуникации в качестве иллюстраций будут

приведены факты из разных языков и культур, однако основное внимание будет уделено английской и русской лингвокультурам и выявлению их особенностей. Материалом послужили теоретические источники, словари, данные эмпирических исследований, полученные методом анкетирования и непосредственного наблюдения и подвергнутые прагматическому, дискурсивному, сопоставительному и лингвокультурологическому анализу.

Обращение к эмоциональной составляющей межкультурного общения имеет особое значение при обучении иностранным языкам, так как различия в эмоциональной коммуникации могут привести к серьезным коммуникативным неудачам и сбоям, причины которых весьма разнообразны. Ими могут быть расхождения в семантике эмотивных номинаций в разных языках, лакунарность в номинации эмоций, не дающая возможности найти в иностранном языке нужное слово, разная степень эмоциональной открытости/сдержанности, контролируемости/неконтролируемости эмоций, разная эмоциональная реакция на одни и те же события, различия в степени эмоциональной экспрессии и др.

Как показывают исследования, серьезной причиной непонимания в межкультурном контексте являются различия в прагматике эмоциональных актов, игнорирование которых часто приводит к неадекватной интерпретации поведения инокультурного собеседника, его действий, коммуникативных намерений и эмоционального состояния, что становится причиной непонимания и коммуникативных неудач. Сопоставительный анализ эмоциональной коммуникации в различных культурах дает многочисленные свидетельства того, что один и тот же (или похожий) эмоциональный акт может иметь различную прагматическую направленность и выполнять разные функции [Wierzbicka, 1999; Шагаль, 2001; Ларина 2009, 2015; Гладкова 2010; Besemeres, Wierzbicka 2007 и многие др.].

Асимметрия семантики и прагматики эмоциональных/эмотивных знаков наблюдается как в вербальной, так и невербальной коммуникации. При этом позитивные коммуникативные действия (например, улыбка) могут выражать негативные эмоции (огорчение, разочарование, смущение и др.), негативные коммуникативные действия (сквернословие) могут совершаться в позитивных целях. Обсценная лексика в этом случае выполняет не инвективную функцию, а выступает маркером внутригрупповой солидарности и употребляется в бесконфликтной коммуникации для выражения положительных эмоций и оценок. В результате формально невежливые действия совершаются в вежливых целях и не противоречат узуальной норме.

Прагматический аспект эмоциональной/эмотивной коммуникации тесно связан с нормативным аспектом. Так как норма — это то, что считается общепринятым в данном языковом коллективе и на данном отрезке времени, вариативность норм выражения эмоций касается как культурного, так и временного плана, т.е. она может различаться как в разных культурах, так и в разные временные периоды.

Для объяснения многих, на первый взгляд, противоречивых фактов в эмоциональном поведении представителей различных лингвокультур необходимо различать *эмоциональную* и *эмотивную коммуникацию*. Поскольку эмотивная коммуникация наблюдается в сфере фатической коммуникации, целесообразно выделять *фатические эмотивы* — единицы фатической коммуникации, ориентированные на собеседника и имеющие ярко выраженную стратегическую направленность [2, с. 121].

В докладе будет показано, что различия в эмоциональной/эмотивной коммуникации являются не случайными, они носят системный характер и связаны с типом культуры, в первую очередь, с такими ее параметрами,

как дистанция и терпимость к неопределенности (uncertainty avoidance [5]), они соотносятся с коммуникативными ценностями и стратегиями вежливости.

Для успешной межкультурной коммуникации необходимо формирование эмотивно-прагматической компетенции, которая включает знания, умения и навыки, дающие возможность адекватно интерпретировать эмотивные действия (вербальные и невербальные) представителей иных лингвокультур, понимать их прагматическое значение и функциональную направленность.

Литература

[1] Гладкова А. Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010.

[2] Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура)

[3] Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015, 1. С. 144–163.

[4] Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.: Институт востоковедения РАН, 2001.

[5] Hofstede G. Culture's consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills CA: Sage Publications, 1984.

[6] Besemers M., Wierzbicka A. (eds.) Translating lives: Living with Two Languages and Cultures. Australia: UQP, 2007.

[7] Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Чеснокова О.С.
(Россия, Москва)

Баскская топонимия в пространстве и времени⁴

Современная баскская топонимия представляет результат контактов языков и культур в местах исконного проживания басков (*Euskal Herria*; реже в настоящее время используется термин *Vasconia* «Васкония»), а также наличие разнообразных типов баскских топонимов на других территориях.

Ареал исконного проживания басков включает т.н. «Южную Страну Басков» — *Hegoalde* «Южная страна» и «Северную Страну Басков» — *Iparralde* «Северная страна», расположенные в Испании и Франции, соответственно: *País Vasco Español* и *País Vasco Francés*. «Южная Страна Басков» включает в себя Автономное Сообщество Страна Басков (*País Vasco*; *Euskadi*, баск. *Euskal Autonomia Erkidegoa*) с провинциями *Álava* (*Araba*), *Guipúzcoa* (*Gipuzkoa*) и *Vizcaya* (*Bizkaia*) и Автономное Сообщество Наварра (*Comunidad Foral de Navarra*, баск. *Nafarroako Foru Erkidegoa*). «Северная Страна Басков» является частью департамента 64 Франции — Атлантические Пиренеи (фр. *Pyrénées-Atlantiques*, баск. *Pirinio Atlantikoak*). Для обозначения всей совокупности исконно баскских территорий баскским политическим деятелем Сабино Арана (1863–1903) был создан неологизм *Euzkadi*, фонетический вариант которого — *Euskadi* в современном испанском узусе является синонимом топонима *País Vasco*. Вот типичный пример из медийного дискурса:

Todo el mundo coincide en **Euskadi** en que las elecciones vascas de octubre ofrecerán otro mapa político, pero nadie duda tampoco de que la irrupción de Podemos alterará, en algún modo,

⁴ Автор благодарит за помощь лектора баскского языка МГУ им. М.В. Ломоносова *Leïre Zabala Telleria*.

el equilibrio de poder forjado entre PNV y PSE en la legislatura vasca que termina en verano (El País, 12 de enero de 2016).

Изучение топонимии баскского происхождения важно для теории и практики билингвизма, исторической лексикологии, теории языка и языковой политики.

Баскский язык до сих пор является одной из лингвистических загадок. Одна из наиболее распространенных в настоящее время версий происхождения баскского языка связывает его с аквитанским языком [3, с. 33].

Поскольку баскский язык агглютинативный, во многих исконных баскских географических названиях можно четко проследить топоформанты и их границы, тем более, если топоформанты обозначают ландшафт и природу, номинациями которых исключительно богат баскский язык [4, с. 21]. Так, топоним *Zumarraga* (провинция Гипускоа) состоит из корня *zumar* «вяз» и суффикса *-aga* «место», «расположение», что дает фитонимическое прочтение топонима как «место, где растут вязы». Многочисленны топонимы с топоформантами *-ola* «хижина», *-oz(os)* «место», корневыми формантами *ibar* «долина», *berri(barri)* «новый», *uri* «поселение», «город».

Важной чертой современной баскской топонимии Испании является существование двойных названий, находящихся в процессе нормирования в рамках государственной политики и унификации литературного стандарта баскского языка [6].

Испанское название может отличаться от баскского незначительно, например, знаком графического ударения: исп. *Ondárroa*, баск. *Ondarroa*; написанием и произношением: исп. *Bilbao*, баск. *Bilbo*; исп. *Guernica*, баск. *Gernika*; исп. *Güeñes*, баск. *Gueñes*; исп. *Lizarza*, баск. *Lizartza*; может иметь совершенно иной план выражения: исп. *Vitoria*, баск. *Gasteiz*, официальное название *Vitoria-Gasteiz*; исп. *San Sebastián*, баск. *Donostia*, официальное название *Donostia-San Sebastián*, исп. *Pamplona*, коофициальное баскское название — *Iruña*

(*Iruñea*). Примечательны случаи различий плана выражения баскского и испанского топонимов при совпадении плана содержания. Так, баскский топоформант *don* соответствует испанскому *santo* «святой», откуда совпадение значения таких пар топонимов, как *Donemiliaga/San Millán*, *Doneztebe/Santesteban* и *Donostia/San Sebastián*.

Топонимы баскского происхождения представлены в исторической Васконии и близлежащих с ней территориях, в странах Западной Европы, а также за пределами Европы, что позволяет применить к топонимическому корпусу баскского происхождения установление ассоциативных и диалогических связей и параметры семиотики в триединстве семантики, синтактики и прагматики.

Примеры топонимов баскского происхождения за пределами исторической Васконии дают, например, географические имена Ломбардии (Италия), оканчивающиеся на топоформант «*ate*» (баск. «дверь», «вход»): *Albizzate*, *Alzate*, *Lazate*, *Velate*, *Lurate*, *Lainate*, *Azzate*.

Интересные примеры топонимов баскского происхождения содержит топонимия Нового Света, т.к. баски издавна были отважными мореплавателями, рыбаками и матросами-китобоями, сыгравшими свою роль в освоении Нового Света. В частности, баскские миссионеры сыграли особую роль в освоении Калифорнии [5]. Так, например, мыс *Lasuen* в Лос-Анджелесе назван в честь отца Фермина Франсиско де Ласуэна [2, с. 205]. Около трехсот различных по структуре топонимов баскского происхождения канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор имеют различную степень ассимиляции английским языком [1, с. 106–110]. Своеобразно баскское топонимическое влияние в топонимии Латинской Америки. Это, к примеру, аллюзии Страны Басков (ороним *Monte Euzkadi* в Чили); антропотопонимы: город *Lascano* в Уругвае, названный в честь баскского мореплавателя Франсиско де Ласкано; названия колоний в г. Мехико: *Narvarten*, *Echegaray*; городская топонимия

мексиканской столицы: проспекты *Echegaray*, *Juan Sánchez Azcona*, *Concepción Beistegui*. Известная мексиканская сеть супермаркетов называется *Bodegas Aurrera* («вперед» по-баскски).

Баски сыграли важную роль в становлении колумбийской Антиокии и формировании этнотипа «пайса». В департаменте Антиокия имеются многочисленные баскские антропотопонимы: *Puerto Berrío*, *Villa Arteaga*.

Систематизация топонимии баскского происхождения, баскских топонимических аллюзий — интересная и творческая задача, имеющая важное значение для общей и частной лексикологии, ономастики, теории билингвизма и теории языковых контактов.

Литература

[1] Ильина А.Ю. Гетерогенность топонимических номинаций англоязычной Канады как отражение языковой картины мира канадцев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: РУДН, 2013.

[2] Gudde, Erwin G. California Place Names. Berkeley, 2004.

[3] Igartua, Iván, Zabaltza, Xavier. Breve historia de la lengua vasca. Donostia-San Sebastián: Instituto Vasco Etxeparre. 2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.etxepareinstitutua.net. (Дата обращения 5 февраля 2016 г.)

[4] Kurlansky, Mark. The Basque History of the World. New York, Penguin Group, 1999.

[5] O'Hagan, John. When the Basques Ruled California 1784–1834. Caldwell, Idaho, 2015.

[6] Toponimia: Normas para el MTN25. Conceptos básicos y terminología. Publicación Técnica núm. 42. Madrid, 2005.

Чекулай И.В., Прохорова О.Н.

(Россия, Белгород)

**Основные метафорические модели в системе ценностной
концептуализации современного английского языка**

Оценка является выражением ценности. Ноценность создаётся не в языке, а в обществе, обладающем определённым языком. И её относительный характер требует определённых моделей языкового выражения переосмысления деятельности в её различных ракурсах. Таким основным видом переосмысления деятельности является метафора.

Характеризуя общие функциональные свойства метафоры, Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что они направлены на создание индивидуальности предмета [1, с. 348–349]. В таком качестве метафора имеет два семантических измерения. С одной стороны, она действительно даёт образное подчеркивание свойств явления. С другой стороны, как замечает Н.Д. Арутюнова, «метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке» [1, с. 348].

Как представляется, именно такая интерпретация метафоры является наиболее точным выражением сущности этого феномена по сравнению с иными научными интерпретациями метафоры. Едва ли можно оспаривать то, что метафора является средством категоризации опыта и знаний социума, и, прежде всего, языкового социума, в целом. Но роль средства еще не определяет его принципиальной роли в формировании подобной системы ментального опыта. То, что Н.Д. Арутюнова называет «категориальной ошибкой», является фактически целью метафорического переноса — заполнить ту брешь структурной организации человеческого знания, которую невозможно заполнить конвенциональными средствами. С этих позиций метафорические переосмысления

фактов действительности с ценностных позиций действительно представляют собой *связующие* модели формирования концептуальных отношений.

На наш взгляд, основные модели ценностного переосмысления метафорических концептов деятельности можно представить основными моделями:

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ПУТЬ

Семантика метафорического переосмысления деятельности как движения из одной точки в другую является наиболее продуктивной моделью метафоризации в ценностную область-цель. Это обуславливает метафорическое переосмысление таких основных этапов движения, как его начало, продолжительность и окончание в ценностных терминах, что проявляется в речевых оценочных высказываниях.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО РОСТ РАСТЕНИЯ ИЛИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА

Во-первых, сам онтогенез растения предполагает его начальную стадию (посев семени), средства стимуляции роста, сам процесс роста и, наконец, плод как результат роста. Во-вторых, биология онтогенеза и филогенеза флоры и фауны предполагает идентичные стадии, и поэтому физиологическое зачатие животного соответствует посеву семени растения, стимуляция развития и само развитие эмбриона животного соответствует стимуляции развития и росту растения, и, наконец, плод соответствует новорожденному младенцу.

3. Деятельность может также ассоциироваться со средствами сохранения создавшегося и имеющего определенную ценностную характеристику положения, или же, напротив, со средствами его разрушения.

4. Ценностное понимание деятельности может быть также переосмыслено с позиций семантики восприятия. Внутри данной модели выделяется множество более специфических моделей, связанных с особенностями восприятия различными подсистемами восприятия.

Например, в английском и русском языках можно обобщить то положение, что ассоциирование ярких или теплых цветов в целом связано с позитивными эмоционально-оценочными коннотациями, и, напротив, темных или холодных цветов — с негативными эмоцией, настроением, душевным состоянием.

Таким образом, выделенные выше модели метафоризации предметных и перцептивных концептов в сфере ценности и оценки являются релевантными с позиций рассмотрения системы языка в целом, однако с позиций формирования ценностных концептов и метафора, и метонимия представляют собой не основной движущий механизм категоризации, не основу порождения системы ценностных концептов и категорий, а являются несомненно важным и обязательным средством осуществления ассоциативной связи между отдельными ценностными концептами и концептосферами.

Литература:

[1] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.

Моисеенко Л. В.

(Россия, Москва)

Конструирование интегративных единиц смысла в интернет-коммуникации

Современные СМИ создают реальности и насыщают их событиями («Есть картинка — есть событие»), делают событием факты из жизни знаменитостей, производство и маркетинг товаров и др. [2]. В этом ракурсе события рассматриваются нами как созданные дискурсивные образования, основанные на движении информации и смыслов. При этом интегративные единицы смысла становятся все более сложными, их интерпретация требует

выхода за рамки текста, в дискурсивное пространство и интертекст.

С этих позиций представляют интерес набирающие популярность мемы как единицы культурной информации, передаваемые в сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники) посредством речи, письма, видео и др. Под мемом в качестве единицы информации можно понимать научные знания, литературу, кинофильмы, анекдоты, музыку, рекламные слоганы, крылатые выражения, моду и т. п. [Тирон, 2009]. Примером может служить популярный в российской блогосфере мем «Ты кто такой? Давай, до свиданья» (видео с азербайджанской свадьбы, появившееся в YouTube в январе 2012 г.; было спародировано рэпером Тимати и адресовано Филиппу Киркорову, с которым певец был тогда в ссоре). Этот мем, активно применялся в российском сегменте Твиттера в период избирательной кампании 2012 г. в отношении различных политических деятелей [3]. Мемы, наряду с традиционными инструментами маркетинга, являются примерами маркетинговой креативности [1] и используются в рекламе и брендинге. В блогосфере, отвечающей на вызовы гибридной войны, появляются мемы, копирующие советские плакаты, со следующими фразами: *Патриот! Ты в тайге добываешь газ, а в Фейсбуке укропы ругают Донбасс!; Доярка! Бросай ведро и скотину! Интернету важно твое мнение про Украину!; Строитель! Пока ты трудишься в каске, кто-то репостит ложь о Луганске!; Солист! Довольно репетировать арии! Останови войну в Сирии твоим комментарием!*

Проанализированные в испаноязычном киберпространстве интернет-мемы позволили выделить две основные темы — *футбол* и *власть*. Например, реакция на футбольный матч Испания — Голландия на Чемпионате мира в Бразилии 2014 г.

Рис. 1. A pesar del meme, todos te adoramos Iker

Для понимания мемов требуется знание конкретного культурного контекста. Так, фраза *¿Por qué no te largas?* — *Когда же ты уйдешь?* — напоминает другую, произнесенную Королем Испании Хуаном Карлосом Президенту Венесуэлы Уго Чавесу, выступившему с критикой политики Х.-М.Аснара на XVII Ибероамериканской встрече в верхах (2007): *¿Por qué no te callas?* — *Да замолчи ты, наконец!*

Рис. 2.

Рис. 3.

Зародившись в киберпространстве и репродуцируясь через перепостирование, мемы становятся социально-культурным явлением. Например, мем в качестве ответа на террористическую атаку в Брюсселе (22.03.2016),

отражающий солидарность Франции (рис. 2), также ставшей мишенью террористической атаки (13.09.2015). Или мем, комментирующий поездку Обамы на Кубу (рис. 3), где с кубинским юмором Президент США представлен как типичный кубинец, возвращающийся на родину с грудой багажа после многочасового досмотра на гаванской таможне. Эти примеры свидетельствуют о том, что мемы, функционирующие в киберпространстве, становятся фактором формирования общественного мнения.

Литература

[1] Вознюк К. Мемы в рекламе и брендинге. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/memy/>

[2] Клягин С.В. Поэзис времени в пространстве события // Вестник РГГУ. Серия Политология, Социально-коммуникативные науки». № 1/08. 2008. С. 49–66.

[3] Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>

Полякова А.А.

(Россия, Сочи)

О когнитивном моделировании в образовательном пространстве вуза в аспекте межкультурной коммуникации

Вопросы моделирования в лингвистике начинают разрабатываться в области фонологии и синтаксиса уже в 60-е гг. прошлого столетия. Широкое распространение они получают в когнитивной лингвистике в связи с переосмыслением термина «модель» / «моделирование», где «модель» выступает в качестве некой структуры, определяющей восприятие, хранение и передачу информации об окружающем мире. В когнитивистике проблемы моделирования рассматриваются для описания деятельности

человека, реализующейся в языковых структурах. В современной когнитивной лингвистике известны: идентифицирующий, категоризирующий, синтезирующий типы когнитивных моделей.

Среди «первичных» моделей выделяются кинестетические образ-схемы — когнитивные модели восприятия пространства, высокий уровень восприятия действительности – это отображение её во фреймовых моделях. Когнитивная психология изучает новую теорию прототипов на основе идей Л. Витгенштейна. Необходимо отметить, что «вторичные» синтезирующие модели как сложные когнитивные структуры (Ж. Фоконье) представляют собой ментальные модели любых ситуаций продуцируемых говорящим на основе языка как знаковой системы моделирующего типа.

Следующий более сложный модельный конструкт — картина мира, рождающийся в том числе в процессе так называемого аналогового способа мышления. В роли первичной модели здесь рассматриваются метафора и метонимия, механизм мышления предполагает перенесение когнитивной структуры из одной понятийной сферы на другую понятийную сферу.

В аспекте межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам в вузе необходимо выделение в текстах языковых дисциплин контекстов, содержащих лингвокогнитивные модели, и их классификацию. Так, в частности, было выявлено, что наиболее частотной когнитивной моделью, функционирующей в тексте, выступает концептуальная метафора. Исследование метафоры в филологии и лингвистике первоначально связано с функционально-стилистическим направлением. Метафора в филологии и лингвистике изначально рассматривалась как компонент художественного текста, но позже как одна из ключевых категорий языка (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Н.И. Бахмутова, В.Г. Гак, Л.М. Васильев и др.).

Научная картина мира студентов вузов в аспекте межкультурной коммуникации складывается из так называемых «частнонаучных» (Н.А. Мишанкина) языковых картин мира и предполагает объективность отражения реальной действительности, не опосредствованного человеческим восприятием. Научная картина мира является дискурсивным вариантом общенациональной картины мира в рамках национального языка, отражая результаты познавательной деятельности в целом. Она формируется в рамках национальной картины мира и не может не отражать специфики мировосприятия, присущей тому или иному национальному менталитету, хотя при этом стремится к «нивелированию» этнических различий (О.А. Корнилов).

В процессе обучения иностранным языкам как профессии у студентов языковых вузов формируется профессиональная языковая картина мира, представляющая собой фрагмент научной картины мира, отражающей в языке понятия, связанных с определенной отраслью знания, которое, в свою очередь создается и аккумулируется только в процессе мыслительной и речевой познавательной деятельности человека. Вместе с тем, получение, оформление и закрепление профессиональных знаний становится возможным с помощью языка.

Багана Ж.

(Россия, Белгород)

**Семантические особенности лексем,
называющие родственные отношения
(на материале французского языка Африки)**

Тема родственных отношений и уважения к старшим занимает большое место в традиции африканцев. У африканцев, как и у других народов, уважение к старшим

явилось итогом длительного и сложного процесса развития как морально-правовых, так и социальных институтов.

Родственные отношения и особенно мнение старших представляются важной частью жизни африканцев вне зависимости от обстоятельств. Старший родственник или член сообщества прожил долгую жизнь. Соответственно, он обладает большим багажом знаний и более обширным опытом. Большинство африканцев, независимо от страны проживания, прислушиваются к мнению старших.

Лексика, используемая для обращения (например, *ya* «старший», *ma* «мать», *ko* «дедушка/бабушка», *tata* «отец», *bokilo* «свекр/свекровь/тесть/теща», *séméki* «зять/невестка», *po* «дядя», *léki* «младший брат», *ngwankazi* «младший брат отца», *ma* *kulutu* «старшая сестра матери, тетя»), расширяют свое значение. Кроме основного значения, свойственного центрально французскому варианту — обращения к членам семьи (чаще всего старшим по возрасту), эти слова приобретают новые значения, обозначая любого человека определенного возраста (определяется первоначальным значением), с которым есть что-то общее (клан, этнос, страна, континент, дружба).

Например, основное значение — *ya/ya* (из языков группы банту, сокращение от *yaaya*) [фр. *aîné(e)*, *grand frère*, *grande sœur*] — «старший/старшая; старший брат; старшая сестра». При использовании в качестве обращения данное слово ставится перед именем или фамилией и подчеркивает уважение или привязанность к старшему по возрасту человеку. Может служить для обращения к старшему брату или старшей сестре (реже употребляется полная форма *yaaya*, *yâya*, *yàya*):

J'y ai trouvé le couple, qui m'avait précédée d'un an. Ils m'ont accueilli comme une sœur. Thérèse m'appelait yaya (grande sœur) et je crois que ma venue lui apportait un plus. — Я нашла там пару, которая опередила меня на год. Они относились ко

мне как к сестре. Тереза называла меня старшей сестрой, и я считаю, что мой визит много принес ей.

Слово *ya/yaуа* также может обозначать любого человека, старшего по возрасту, с которым есть что-то общее (например, дружба, этнос, страна, континент):

Ya Malongo bientôt viendra chez nous. C'est l'ami de mon père. — Старший брат Малонго скоро приедет к нам. Это друг отца.

Часто *ya/yaуа* используется в составе прозвища, обладающего негативным значением, например *ya mado*. *Mado* [от фр. *Madeleine*] — женское имя еврейского происхождения, восходящее к Марии Магдалене. В среде африканцев так называют женщину, ведущую свободный образ жизни, у которой плохая репутация.

Значение словосочетания может расширяться и служить синонимом для французского выражения «*femme bien en chair*» — «женщина в теле». В этом случае *ya mado* передает национально-культурную специфику Конго, и особенно — Демократической Республики Конго. В этих странах ценятся крупные женщины с пышными формами, которые становятся синонимом идеала женской красоты для конголезцев. Заметим, что это стремление распространено не только в Африке, но и во Франции: некоторые африканки используют все доступные средства, чтобы поправиться и соответствовать идеалу красоты:

Phénomène Ya Mado, femme congolaise cherche fesses rebondies. — Феномен женщин в теле, конголезка стремится к округлым ягодицам.

Фраза «*c'est ya mado*» распространена в среде африканской молодежи в качестве синонима [фр. *c'est mort*] — «это смерть» (в значении, что ожидаемое от индивида действие не будет им выполнено):

«*Tu m'accompagnes au magasin?*»; «*Frère c'est ya mado*». — «Ты пойдешь со мной в магазин?»; «Брат, я не пойду».

Также в сфере обращений к старшим часто встречаются составные слова, обозначающие лицо одного поколения, но немного старше. Например, *yaaya mobali* (киконго, лингала) [фр. *grand frère* — «старший брат»] — лицо мужского пола. Или *yaaya mwasi* (киконго, лингала) [фр. *grande soeur* — «старшая сестра»] — лицо женского пола.

Куприева И.А.

(Россия, Белгород)

**Семиотическая система *Weblish* в аспекте
межкультурной коммуникации**

Доступность и распространение глобальной сети Интернет, ее преимущества и возможности привели к появлению нового средства общения, языка *Weblish*, который существенно отличается от любого классического варианта и ввиду собственной распространенности добавляет в копилку английского языка как *лингва франка*. Такой глобальный английский при категориальной схожести с классическим благодаря компьютеризации и интернетизации имеет ряд собственных отличительных особенностей, которые заключаются в способах ввода в устные и письменные тексты специфического пласта слов, заимствований и адаптации компьютерной и Интернет-лексики, в особенностях восприятия и перевода соответствующей терминологии, в формировании и закреплении за определенной возрастной категорией специфического сленга сети Интернет.

Любой пользователь сети, независимо от уровня владения компьютером, в неформальном общении, электронной переписке, Интернет-чатах и форумах так или иначе сталкивается с языком *Weblish*. Последний представляет собой новый способ взаимодействия коммуникантов в режиме онлайн и условно соответствует категории *письменная разговорная речь*. Он отличается

особым сниженным регистром и строится на обилии аббревиатур, пиктограмм, созвучий и прочих средствах экономии плана выражения и профилирования плана содержания. Таким образом, меньший по объему вербальный фрагмент содержит более емкую в содержательном аспекте информацию и профилирует ее за счет так называемого шифрования или кодирования.

И если понятие сленга известно уже давно, оно постоянно изучается, то первое упоминание об Интернет-сленге принадлежит Р Финкелю (1975), который объединил хакерский язык различных субкультур в своем небольшом сборнике *Jargon File*. С течением времени и появлением глобальной паутины такой словарь приобрел популярность и существенно увеличился в объеме, а стремительное распространение виртуального пространства позволило специфическим лексемам просочиться в реальность. В 2008 году газета *New York Times* впервые публикует подборку Интернет-сленга). Например, сообщается, что пользователи сети *Twitter* могут именоваться *tweeple* (*twitter people*), а адвербиальная лексема *twittastic* эквивалентна слову *fantastic* и т.д. И такие бленды постепенно заняли достойное место в реальном повседневном общении современных американцев. Кроме того, в таком языке слова постоянно намеренно каверкаются (*laBtop* — *laptop*, *alright* — *all right*), намеренно нивелируются грамматические конструкции (*could of* вместо *could have*), что, с одной стороны, является отличительной особенностью специфического коммуникативного Интернет-кода, а с другой, выступает в качестве катализатора безграмотности и формирования специфического совершенно нового сетевого жизненного алгоритма, способного транслироваться в реальную действительность. Соответственно, процесс становления английского языка как *лингва франка* интенсивно и в ускоренном режиме протекает в виртуальной паутине, что объединяет пользователей всех стран, и одновременно выстраивает непреодолимые

коммуникативные преграды для неподвинутых пользователей, осведомленных исключительно о классических нормах национального английского языка. Такими препятствиями выступают некоторые специфические черты *Weblish*. Например, грамматические особенности: (преобладание группа *Simple*) — *met him today (I have met him today)*; нивелирование подлежащего *want to practise my english (I want to practice my English)*; графические особенности: (упрощение в написании слов (*I love you — I luv u, are you — ru* или *r u*), наличие пиктограмм и аббревиатур (*to — 2, for — 4, ..ate.. — 8, than.. — 10*); эмоциональные (замещение эмоциональной составляющей буквенными и символьными пиктограммами (эмотиконами)) (:-) — ваша основная улыбка, ;-) — улыбка с подмигиванием, :-(— хмурая физиономия; графические средства привлечения внимания («капс» (от англ. *Caps Lock* — блокировка верхнего регистра клавиатуры; написание фразы или части ее заглавными буквами), что понимается как повышение голоса во всемирной паутине).

Несмотря на существование в виде письменной формы *Web*-язык достаточно вариативен в субъективном аспекте. В частности, огромную роль здесь играют разные формы редукции и ее степень, варьирующаяся в зависимости от настроения коммуникантов. Это обстоятельство существенно затрудняет коммуникацию и вместе с тем приносит новшества в податливый к изменениям язык виртуального общения. Последний ввиду своей аутентичности и специфических особенностей претендует на существование в качестве новой семиотической системы, требующей постоянного изучения.

Ретинская Т.И.

(Россия, Орел)

**Об основных направлениях исследования
региональных вариантов национального языка
(на материале шампанского и арденнского
региолектов французского языка)⁵**

В настоящее время не ослабевает интерес к изучению как особенностей социально-территориальной вариативности национального языка, так и экспрессивных возможностей локально ограниченных в употреблении лексических единиц в художественных произведениях и текстах средств массовой информации. Одной из центральных задач современного французского языкознания является исследование вариативных элементов французского языка и зон распространения диалектных и региолектных явлений. Анализ региональных разновидностей общенационального языка вскрывает особенности ментального мира его носителей и, в частности, конкретных социумов как компонентов лингвокультурного сообщества.

Два направления, по которым может осуществляться исследование регионального варианта языка, — лексикологическое и лингвостилистическое. Первое направление основано на анализе языкового материала, зарегистрированного и охарактеризованного лексикографами, имеющими возможность фиксировать живую речь территориально обособленных носителей языка. Обозначенное направление предполагает и непосредственное наблюдение за речевым поведением представителей той или иной лингвокультуры. Отечественные исследователи

⁵ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-04-50078 «Региональные варианты французского языка: социолингвистическое и лингвостилистическое описание (на материале шампанского и арденнского региолектов)».

зачастую опираются только на словари зарубежных авторов, в которых не всегда отражены неологизмы и информация о витальности лексических единиц. Целесообразно не только детально изучать словарные работы, в которых собраны языковые особенности французских региолектов, но и привлекать информантов исследуемой референтной группы. Комплексный подход к инвентаризации языковых фактов позволит детально описать специфику проявления регионального варианта французского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях; факторы, влияющие на лингвистическое своеобразие анализируемого варианта языка, и определить современные тенденции и закономерности его развития.

Второе направление предполагает стилистико-прагматический анализ регионализмов в художественном и публицистическом текстах и сопоставительное описание региональных лексем, используемых французскими писателями и журналистами XX — начала XXI века. Посредством комплекса регионализмов, являющегося одной из значимых констант французского регионального романа и региональной прессы, и разнообразных приемов инкорпорации и семантизации, декодирующих локальные особенности лексических единиц и отражающих мировоззрение носителей региолекта, авторам удастся запечатлеть самые характерные черты языка своих соотечественников и тем самым сохранить лингвистическое наследие. Жизнь интересующего нас региона изображает достаточно широкий круг писателей: Ф. Бурдон, Ш. Бребан, А. Дотель, И. Жибо, Ж. Крессо, Г. Леметр, Ж. Леру, Т. Малисе, Ж. Рожиссар, Ж. Сери, Г. Фекан, Л. Шатри, Я. Юро и др. Среди региональных средств массовой информации следует выделить два периодических издания — газеты «L'Union» и «L'Ardennais».

Совместное использование двух видов инвентаризации регионализмов дает возможность охарактеризовать

социолингвистические параметры, лежащие в основе социальной дифференцированности шампанского и арденнского региолектов, и описать локальные лексемы, функционирующие в произведениях региональных авторов.

Методологической основой исследования служит принцип системности в полиаспектном анализе текста как источника информации о внутривидовом развитии национального языка и способах языковой самоидентификации носителей региолекта.

Результаты региолектологических штудий, проведенных как на основе анализа художественного и публицистического текстов, в язык которых проникли элементы регионального варианта национального языка, так и на основе обработки лексикографических источников, лингвистических атласов и данных полевого эксперимента позволят выстроить картину функционирования региолектов, систематизировать единицы региолектного словаря, выявить факторы, влияющие на уровень витальности региональных лексем, и определить место использованных писателями и публицистами регионализмов в лексическом фонде жителей департаментов Марна, Верхняя Марна, Об и Арденны.

Опыт по осуществлению комплексного социолингвистического описания шампанского и арденнского региолектов в диахроническом и синхроническом аспектах включая новейший синхронический срез может быть востребован для совершенствования методологии полевого эксперимента, системного описания регионализмов на материале других языков, а также в практике преподавания социолингвистики, функциональной стилистики и лингвостилистики в высшей школе.

Литвиненко Т.Е.
(Россия, Иркутск)

Интертекстуальные модификации в учебно-педагогическом дискурсе

Изменения в структуре вербальной репрезентации текста как продукта любого существующего дискурса несомненно связаны с изменениями в его концептуальной основе. Затрагивая как уровень взаимодействия дискурсивно маркированных концептов, так и особенности их внутреннего строения, как их позицию в едином макрофрейме, так и их индивидуальный ценностный статус, указанные трансформации обязательно находят отражение в знаках, формируя текстовое пространство с преобразованной лингво-когнитивной структурой.

В свою очередь, любое подобное преобразование, соотносимое с ранее существующим претекстом, любая модификация, «прочитываемая» и узнаваемая на фоне своего источника, позволяет квалифицировать такой текст как интертекст, в том или ином виде «цитирующий» предшествующую дискурсивную версию.

Характерными примерами такого рода текстов могут служить произведения учебно-педагогического дискурса, в том числе, учебники иностранных языков, структура, тематика и сам лексический состав которых меняются вслед за изменениями интертекстуальных концептов.

Так, уже смена имени интертекстуального концепта РОДИНА с *la Unión Soviética* [Родригес-Данилевская, 1978; Родригес-Данилевская, 1988] на *Rusia* в переизданиях Учебника испанского языка [Родригес-Данилевская, 1996 и сл.] свидетельствует о значительной трансформации, которой подвергся и воспроизводимый макрофрейм в целом, и его многочисленные слоты. В частности, изменения в слоте ИСТОРИЯ привели к исключению из учебного плана такой общественно-политической темы, как «Великая Октябрьская

социалистическая революция и ее всемирно-историческое значение» [Родригес-Данилевская, 1978: с.3; Родригес-Данилевская, 1988: с.3] как самостоятельного раздела, что, неизбежно, привело к пересмотру состава лексических единиц уроков и включающих их учебных текстов.

Сопоставление изданий 1988 и 1996 гг. как претекста и интертекста показывает, что «октябрьский» вокабуляр — *Revolución de Octubre, socialista* — и иные историко-политические реалии: *Unión Soviética, la URSS (Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas)* переносятся авторами из одного урока в другой (*Lección 4/11*), а число текстов и упражнений, относящихся к данной теме, значительно сокращается и перерабатывается. При этом, однако, во всех последних переизданиях цитируются многие лексико-грамматические формулы, характеризующие ушедшую эпоху.

Так, в упражнении 15 (*Lección 11*), предлагающем студентам составить небольшой рассказ, используя данные слова и словосочетания, полностью воспроизводятся следующие коммуникативные единицы: «(la revolución democrático-burguesa) estallar; (el zarismo) caer; (los bolcheviques) tomar el poder; (las potencias occidentales) no reconocer a la joven República, tratar de destruirla, organizar la intervención, ocupar parte del territorio ruso; (la guerra civil) estallar» [Родригес-Данилевская, 1978: с. 204; Родригес-Данилевская, 1996: с. 205].

Ряд единиц включается в интертекст 1996 г. частично, утрачивая важные для претекста содержательные и оценочные элементы (выделены нами курсивом. — *T. Литвиненко*): «(los soldados, obreros y campesinos de Rusia) *bajo la dirección del Partido bolchevique* derribar en octubre de 1917 el régimen de capitalistas y terratenientes; constituir el *primer* Estado de los Soviets; (el ejército Rojo, *los soviéticos*) combatir con heroísmo contra la intervención extranjera y contrarrevolución en el país» [Ibid.]. Другие словосочетания,

рассматриваемые как синонимы с более нейтральной или экспрессивной семантикой, меняют свое контекстуальное окружение: «vencer a un enemigo poderoso» – «lograr la victoria».

Наконец, весьма значительным преобразованиям подвергается текстовая рамка, включающая перечисленные дискурсивные клише: в претексте они представлены в качестве элементов, направленных на раскрытие темы «Tomar el poder los bolcheviques», в то время как в интертексте определение темы получает субъективно-оценочное звучание «Un corresponsal argentino hace reportajes sobre 1917». Заключительные элементы также утрачивают тождество: вошедшая в претекст пропозициональная модель «(el Partido Bolchevique, el Gobierno soviético) aplicar una política de coexistencia pacífica con países de diferente régimen social», частично трансформируется и воспроизводится как цитата в другом разделе упражнения как интертекста: «Hablando con un diplomático mexicano». Сам же указанный раздел завершается протофразой, отсутствующей в претексте, не предполагающей наличие разных точек зрения на историю: «en la Rusia de hoy (discutir) la importancia de la Revolución de Octubre en la historia de nuestro país».

В целом же, язык и структура интертекста свидетельствуют о том, что в актуализируемом фрейме ряд субслотов и слотов сместились на периферию в языковом сознании коммуникантов, а также о том, что в дискурсах разных типов нашел отражение новый общественно-исторический консенсус, связанный с темой la Gran Guerra Patria [Ibid., 1996; 2014].

Литература

[1] Родригес-Данилевская Е.И., Патрушев А.И., Степунина И.Л. Учебник испанского языка для I курса. М.: Высш. школа, 1978. 408 с.

[2] Родригес-Данилевская Е.И., Патрушев А.И., Степунина И.Л. Испанский язык для I курса. 2-е изд., испр., М.: Высш. школа, 1988. 407 с.

[3] Родригес-Данилевская Е.И., Патрушев А.И., Степунина И.Л. Учебник испанского языка. Практический курс. (Для начинающих). М.: ЧеРо, 1996. 416 с.

[4] Родригес-Данилевская Е.И., Патрушев А.И., Степунина И.Л. Учебник испанского языка. Практический курс. Книга 1. Начальный этап. 3-е изд. М.: КДУ, 2014. 416 с.

Найденова Н.С.

(Россия, Москва)

**Этнокультурные стереотипы
как основа построения рекламного текста**

Культурные нормы и системы ценностей, принятые определенной национальной общностью, нередко выступают основой стереотипизации представлений о ней. Неизбежность формирования этнокультурных стереотипов и их эмоциональная окрашенность обуславливают их широкое использование в современном рекламном дискурсе. Этнокультурные стереотипы привлекаются в качестве основы для создания рекламного сообщения, призванного подчеркнуть самобытность культуры адресата в современных условиях гомогенизации мировых цивилизационных процессов. Этноспецифический рекламный текст представляет собой семиотическую систему, продуцирующую первичные (денотативные) и вторичные (коннотативные) значения, призванные оказать определенное воздействие на реципиента.

XXI век отличает повышенный интерес к построению брендов территорий различных масштабов — от города до страны — с целью повысить их конкурентоспособность в ключевых для них сферах деятельности.

В 2012 г. в Испании была начата государственная программа *Marca España*, направленная на повышение престижа международного имиджа страны в экономической, социокультурной и научной сферах. В рамках этой программы происходит переход от акцентирования инаковости испанской культуры («*España es diferente*») к ее способности сохранять свою самобытность в условиях глобализации («*Necesito España*»). Особое внимание в новой рекламной концепции уделяется не столько традиционному сочетанию солнца, моря и памятников архитектуры, сколько социальной составляющей (гастрономия, культура, спорт). Основными активами страны признаются ее культура и язык как основа идентичности.

Данное явление находит отражение и в коммерческой сфере. Примером может послужить рекламная кампания фирмы *Citroën*, построенная на транспозиции стереотипов об Испании в коммуникативные ситуации с участием представителей различных лингвокультур (английской, норвежской, немецкой, сингапурской и финской). Столкновение культур неизбежно сопровождается культурным шоком, но в этом случае он носит негативный оттенок, пожалуй, лишь в первой из представленных ситуаций (английская культура). В остальных реакция скорее представляет собой удивление (немецкая культура), которое даже сопровождается положительной оценкой (сингапурская культура) или комичностью (финская культура). В данном случае стереотипы, оказывающиеся в новой для них обстановке, способствуют не разделению культур, а, напротив, их сближению.

Лексическое наполнение и структура рекламного текста свидетельствуют о стремлении его создателей к принципиально новому представлению этнокультурных стереотипов. Так, во всех фразах отмечен повтор лексем *cada* (каждый) и *nuestro* (наш), при этом их использование не сочетается с традиционным в этих случаях принципом

синтаксического параллелизма. Задействуется и прием антитезы (*aquí — todo el mundo*), призванный подчеркнуть интеграцию локального в глобальный контекст.

Выбор лексико-синтаксических и семиотических средств обеспечивает создание эффективного рекламного текста, не только апеллирующего к потребителю, но и отражающего преобладающие черты национального самосознания. При этом специфика построения рекламного сообщения состоит в использовании контраста как на вербальном уровне (антитеза в названии и слогане рекламной кампании), так и невербальном (инкорпорирование элементов культуры адресата в исходно чуждые для них условия).

Идея «инаковости со знаком плюс» представляет собой основу построения рекламной кампании. Выбор лексико-синтаксических и семиотических средств обеспечивает создание эффективного рекламного текста, не только апеллирующего к потребителю, но и отражающего преобладающие черты национального самосознания. «Прибавочную стоимость» кампании добавляет и тот факт, что она создается в русле мощных коммуникационных потоков, обеспечиваемых масштабным проектом *Marca España*, располагающим государственной поддержкой.

Цыбова И.А.

(Россия, Москва)

**Проблемы межъязыковой лакунарности
(на примере отыменных прилагательных
во французском и русском языках)**

Различные языки отображают действительность по-разному [2, с. 82]. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира. «Язык оказывается не в состоянии обозначить “все-все”» [3, с. 6]. Следовательно, в языке

имеются **лакуны**, «несуществующие слова» [1, с. 20], нереализованные лексические единицы.

Лакуны бывают **межъязыковые** и **внутриязыковые**. **Межъязыковые лакуны** возникают при отсутствии соответствующего предмета или явления в действительности народа и, следовательно, также и концепта в ментальной картине мира этого народа. Это **мотивированные** лакуны, **безэквивалентная** лексика: *валенки* в русском по отношению к французскому, английскому и другим языкам, *SMIC* во французском по отношению к русскому. Но в данном случае нас больше интересуют немотивированные лакуны, которые встречаются при отсутствии в одном из языков однословного выражения какого-либо концепта, выраженного лексемой в другом языке: *белоручка*, *кипяток*, *сутки*, *однолюб* в русском по отношению к французскому; *affichiste* (художник, рисующий плакаты), *bricoler* (браться за случайную работу, заниматься поделками), *grands-parents* (дедушка и бабушка).

Рассмотрим один из случаев межъязыковой лакунарности — отсутствие некоторых французских **отыменных прилагательных** при наличии их соответствий в русском языке. На это явление обратил внимание польский ученый М. Гавелко, отметив недостаточность образования этих прилагательных во французском языке по сравнению с немецким и польским [4, с. 271–285]. Разумеется, речь идет не обо всех отыменных прилагательных [ср.: 5, с. 33], а лишь о некоторых их семантических группах. Так, М.Гавелко считает, что во французском языке не образуются прилагательные от наименований **материала**, из которого изготовлен предмет; ср.: *деревянный стол* — *table de bois*. В этих случаях вместо прилагательных употребляются **предложные конструкции**, то есть наблюдаются словообразовательные лакуны. Действительно, от существительных, обозначающих материал, не образуются прилагательные; например: *ail*, *canard*, *chèvre*, *chou*, *cochon*, *étain*, *foin*, *noix*, *oie*, *oignon*, *palme*, *poire*, *pomme*, *raifort*, *raisin*,

vache, viande. Исключение составляют: *argenté* — посеребрённый, *argentin* — серебристый (звук), *argentique* — содержащий серебро, серебристый; *argileux* — глинистый; *boisé* — обшитый деревом; *bronzé* — бронзового цвета, *carboné* — содержащий углерод, углеродный; *carbonique* — угольный, *charbonneux* — черный как уголь; *chanvrier* — конопляный, относящийся к конопле; *cotonnier* — хлопковый; *cuivré* — медного цвета, *cuivreux* — содержащий медь; *diamantin* — алмазный, обладающий свойствами алмаза; *ferré* — окованный железом, *ferreux* — железистый, содержащий железо; *fromager* — сырный, *fromagé* — приправленный сыром; *glacé* — ледяной; *graisseux* — сальный, жирный; *granité* — зернистый, *graniteux* — гранитоносный, *granitique* — гранитный; *ivoirin* — похожий на слоновую кость; *laiteux* — молочный; *métallique* — металлический; *moutonnier* — овечий; *nickelé* — никелированный; *oeuvé* — икристый; *olivaire* — оливкообразный, *olivâtre* — с оливковым оттенком; *raillé* — соломенного цвета, набитый соломой; *pierreux* — каменистый; *poissonneux* — рыбный; *poivré* — перченый; *savonneux* — мыльный; *sirupeux* — сиропный; *taurin* — бычий; *tourbeux* — торфяной, торфянистый. Кроме того, имеются **супплетивные лакуны (народное — книжное)**: *chat* — *félin*, *chien* — *canin*, *lait* — *lacté*, *sel* — *salé*. Однако рассмотренные прилагательные не имеют значения «сделанный из». Таким образом, недостаточность образования отыменных прилагательных во французском языке несколько преувеличена и существует в отношении лишь большинства производных со значением «сделанный из материала», обозначенного производящим существительным.

Литература

[1] Быкова Г.В., Пылаева О.Б. Словарь несуществующих слов: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов/ Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. — Благовещенск, 2003. — с. 20-27.

[2] Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества// Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.

[3] Кубрякова Е.С. Неология: проблемы и перспективы// Материалы научной конференции «Проблемы английской неологии». — М.: Московский государственный лингвистический университет, 2002. — с. 5-11.

[4] Gawelko M. Les déficiences de l'adjectif dénominal en français// Studia neophilologica, vol. XLIX, N 2, Stockholm, 1977. — p. 271-285.

[5] Sauvageot A. Les déficiences de l'adjectif dénominal en français// Le français moderne, 1974, N 4. — p. 32-35.

Садиков А.В.

(Россия, Москва)

**Коммуникативное значение слова
как объект лексикографического описания**

Как известно, *языковая прагматика* — это весь набор языковых фактов, характеризующих отношений между участниками ситуации общения, к каковым относятся: **а) говорящий, б) адресат, и в) сама коммуникативная ситуация.**

Исходя из этого, под *коммуникативным значением* мы подразумеваем ту часть значения слова, которая делает и это слово, и заключающее его высказывание *речевым актом*, т.е. поступком. *Поступок* — это действие, меняющее ситуацию взаимодействия конкретных людей. Классическим случаем здесь является императив глагола: *Иди!* Употребление императива — это поступок говорящего, за которым должно последовать действие адресата речи. Последует оно в действительности или нет — это в любом случае будет поступком адресата.

Возьмем несколько русских слов и посмотрим их определение в «Малом академическом словаре» [МАС].

«**ДА** ... Употребляется при ответе для выражения согласия, утверждения».

«**НЕТ** ... Употребляется как отрицательный ответ или выражение несогласия (может выступать в качестве предложения)».

Мы видим некую унификацию способов описания значений: *употребляется как* и *употребляется при ответе для*, хотя непонятно, зачем нужны две формулировки вместо одной. Еще менее понятно, почему если *нет* «употребляется как отрицательный ответ или выражение несогласия», то *да* «употребляется <лишь> при ответе для выражения согласия», но не *как положительный ответ*. И почему если *нет* «может выступать в качестве предложения», то того же мы не узнаем о *да*? И еще очень важный вопрос: а могут ли эти единицы выступать *не* в качестве предложения? Ответ: нет, не могут, хотя в письменном тексте они могут быть выделены не точками, а запятыми. Но почему словарь этого не констатирует?

А теперь сравним словарные толкования соответствующих единиц, предлагаемые иной лексикографической традицией:

«**sí** ... adv. afirm. que se emplea más comunmente respondiendo a preguntas. | **2.** Ú. para denotar especial aseveración en lo que se dice o se cree, o para ponderar una idea. *Esto sí que es portarse; aquel sí que es buen letrado.* | **3.** Se emplea con énfasis para avivar la afirmación expresada por el verbo con que se junta. *Iré, sí, aunque pierda la vida*» [DRAE].

Как подаются подобные значения в словарях? Наши наблюдения показывают, что в большинстве словарей разных языков задача создания особого метаязыка описания подобных значений не ставится. Не формализуются контексты употребления соответствующих единиц; значения их описываются, но всякий раз применительно к случаю,

четкая граница между типами речевых актов не устанавливается.

То же самое происходит и в подавляющем большинстве испанских толковых словарей. Однако из этого общего правила есть по крайней мере одно заметное исключение — словарь «САЛАМАНКА» [DSLE]. Его авторы исходили из представления о существовании особого вида лексических значений, имеющих непосредственное отношение к коммуникативному намерению (КН) говорящего. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть список условных обозначений, используемых авторами как часть словарного определения:

- afirmación;	- llamada de atención;
- amenaza;	- negación;
- ánimo;	- petición;
- contestación a presentación;	- presentación;
- despedida;	- resumidor final;
- disgusto y enfado;	- saludo;
- insulto;	- sorpresa;
- intensificador;	- tratamiento.

Если присмотреться к данному списку, то мы увидим, что авторы передают данным набором формул различные виды информации. Одни из них характеризуют КН говорящего, например: *afirmación*, *amenaza*, *ánimo*, *disgusto y enfado*, *insulto* и т.д. Другие являются речевыми актами в чистом виде, т.е. фактически актом социального поведения, поступком. Это — такие единицы как: *saludo*, *despedida*, *presentación* и др. Разница между первыми и вторыми заключается в том, что употребление выражений, подпадающих под первую рубрику — это результат свободного выбора говорящего, тогда как формулы второго рода (так называемые *формулы речевого этикета*) представляют собой обязательный, предписанный обществом способ речевого поведения в определенной ситуации общения.

В **НИРССУ** к информации о коммуникативном значении испанской лексики были отнесены:

а) сведения о коммуникативном намерении, присущем междоветию, или сходному с междоветием восклицательному предложению, например: «**ay 1 interj ... 3**): ~ de *N...* [*предостережение, угроза*] горе кому; ¡~ de ti como te sojan! плохо тебе придётся, если тебя поймут!»

б) сведения о типе сообщения, в которых уместно появление данного слова или выражения, например, или «**salud...** ¡a ti, su, etc, ~! [*тост*] за твоё, ваше и т д здоровье!».

в) сведения о структуре речевого произведения, которые намеренно сообщает говорящий, например:

«**atentamente 2)** вежл, офиц [*в конце письма*] с уважением; искренне (Ваш) *N*» [**НИРССУ**].

Литература

[1] **МАС** — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981.

[2] **НИРССУ**: А.В. Садиков. Новый испанско-русский словарь современного употребления. М.: Русский язык — Медиа, 2005.

[3] **DRAE** — Diccionario de la Real Academia Española. Т. I-II. 22^a ed.. Madrid: Espasa-Calpe, 2000.

[4] **DSLE** — Diccionario SALAMANCA de la lengua española. Madrid: Santillana, 1996.

[5] **OALD** — Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010.

СЕКЦИЯ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Арнус М.А.
(Россия, Москва)

Особенности топонимов Сирии

Территория Сирии представляет собой несомненный интерес для топонимических исследований, потому что в Сирии много географических названий древнего происхождения.

Возраст отдельных топонимов Востока насчитывает несколько тысячелетий, поэтому зачастую невозможно установить их языковую принадлежность и значение. Примером может послужить название Дамаск, этимология которого неизвестна, несмотря на многочисленные попытки ученых найти объяснение топонима. Древнейшие гидронимы *دجلة* [диджля] Тигр и *الفرات* [аль-фурат] Евфрат дошли к нам в многократно трансформированном виде через посредство многих языков.

Языковая принадлежность географических названий является одним из ключевых вопросов топонимики. Уяснение сути топонима невозможно без знаний о том, к какому языку принадлежит топоним. Топонимы содержат информацию об истории, географии, языках, культурах, традициях отдельных регионов. Географические названия развивались исторически, их происхождение тесно связано с общественной жизнью и языками народов, населявших те или иные местности.

Часто одни и те же арабские названия пишутся неодинаково на разных картах. Если речь идет о каких-то

малоизвестных топонимах, их иной раз бывает трудно отыскать на карте из-за различий в написании.

По справедливому замечанию Мурзаева Э.М., «Известно, что многие географические названия в национальных формах нередко отличаются от общепринятых, зафиксированных в нормативных словарях»... «Проблема «Топонимы в межнациональном общении» очень сложна. Нередко современные названия наносились на карты ... при помощи третьего языка, посредника. Такой путь чреват накоплением ошибок в написании и произношении географического имени».

При анализе отдельных языков и их топонимии следует учитывать явление диглоссии — лингвистической ситуации, при которой сосуществуют два варианта одного языка в одном лингвистическом сообществе: один («высокий») вариант обычно является официальным и престижным; другой («низкий») вариант используется в повседневном общении, например, в арабском аль-фусха — литературный и аль-аммия — диалект.

Некоторые названия пришли в русский язык через другие языки сильно искаженными, мало похожими на оригинальные формы. Единого правила передачи арабских звуков в русском языке нет, да и произношение сильно отличается в зависимости от региона, поэтому многие арабские географические названия «русифицировались»: так, мы говорим «Сирия» вместо سوريا [сúрия], «Ливан» вместо لبنان [любнán], а коренные жители Сирии столицу Дамаск называют دمشق [димáшк] или الشام [аш-шам].

При передаче звуков арабского языка возникают проблемы. Главная трудность заключается в том, что в русском языке отсутствуют эквиваленты звукам примерно половины всего арабского алфавита. Кириллический или латинский алфавиты не передают точного произношения арабских звуков.

Дилемма «аль» — «ас» или «аль» — «аш» и подобные рождаются из-за конфликта написания и чтения. В арабском языке существует артикль «аль», состоящий из букв *алеф* и *Лям* (первая произносится как что-то среднее между [a] и [э], но в разных случаях может произноситься и иначе; вторая, то есть буква *Лям*, произносится в подавляющем большинстве случаев, как ['л]). При этом, если *Лям* используется в артикле «аль», перед словами, начинающимися на буквы *ت* [та], *ث* [са], *د* [даль], *ض* [дад], *ط* [та], *ظ* [за], *ذ* [заль], *ر* [ра], *ز* [зай], *س* [син], *ش* [шин], *ص* [сад] и *ن* [нун], то она обозначает уже не звук ['л], а звук, аналогичный первому звуку последующего слова.

Например, если слово начинается на букву *س* [син], то первый звук слова будет [с]. В этом случае артикль [аль] ассимилируется и переходит в [ас]. Например, в слове *سورية* [сúрия] (по-арабски значит «Сирия»). Прибавим к нему артикль *ال* [аль], получится «السورية». Хотя артикль графически не изменился и состоит из букв *алеф* и *Лям*, читаться он будет [ас]: [ас-сúрия]. С этим артиклем в начале есть топонимы, которые переданы в русский и через «э», например, *نهر العاصي* [нахр-эль-аси] река Оронт, *قلعة الحصن* [кал'ат-эль-хосн] Крак-де-Шевалье.

Путаница при передаче арабского артикля *ال* [аль] происходит из-за того, что установилась тенденция употреблять арабский артикль *ال* [аль] вместе со словом, не опуская его, а прежняя традиция максимального пренебрежения к артиклям подверглась забвению. Это обстоятельство даёт возможность для возникновения разночтений.

Лишь некоторые арабские топонимы, обладающие в оригинале определенным артиклем, в русском языке по давней традиции принято употреблять без него: Сирия, Иордания, Ливан.

Вопрос корректности пренебрежения арабским артиклем при передаче топонима: в любом случае, артикль

один и тот же — «ال» [аль], Нужно помнить, что название, имеющее артикль, может быть приведено без него.

Балан Е.Г.

(Россия, Москва)

**Проблема топонимов в современной Испании на фоне
смены политического режима**

На протяжении столетий интерпретация исторических событий и роли личностей вызывают споры и дискуссии в обществе. Смена режима и социально-идеологической политики правления в любой стране неизменно приводит к переосмыслению предыдущих лет жизни страны.

Нельзя не согласиться, что вопросы топонимии всегда являлись одним из главных «символов» политики новой власти; переименование улиц, площадей, городов способствовало принятию людьми нового рубежа развития. Так происходило в первые годы существования Советской России, так случилось и в Испании с приходом Франсиско Франко к власти в 1939 году. После крушения режима Франко в Испании вопрос переименования улиц не раз поднимался, но глобальные изменения происходят только в последние годы.

После смерти Франко, в стране существовал негласный запрет на обсуждение диктатуры и репрессивной политики, проводимой Ф. Франко. Процесс открытого общественно-политического обсуждения прошлого начался лишь в конце двадцатого века.

Последствия франкистского режима находят отражение и в сегодняшней Испании, ведутся споры в обществе и дебаты в прессе, на телевидении.

Безусловно, смерть Франко дала Испании возможность вступить на путь демократического развития, однако, и поставила вопрос детального и полного осмысления

«наследства» — тридцати шести лет диктатуры, массовых репрессий и нарушений прав человека. После 1975 года были предприняты первые робкие попытки публичной критики режима. В 1977 году была объявлена и учреждена Конституция, в том же году был принят Закон «Об амнистии», препятствующий уголовному преследованию за преступления против международного права. Это, в свою очередь, означало полное забвение преступлений, совершенных против своего народа правительством Франко.

Однако за последние двадцать лет в стране происходят процессы, направленные на развенчание и отмену «пакта молчания». Темы, избегаемые ранее даже историками, такие, например, как реабилитация жертв репрессий, становятся актуальными и широко обсуждаемыми.

Так, в прошлом году мэрией испанской столицы было принято решение переименовать улицы и площади, названные в честь важных фигур эпохи Франсиско Франко. Инициатором изменения символики и топонимики в Мадриде стала глава мэрии Мануэла Кармена. На муниципальных выборах в мае 2015 года она баллотировалась от AhoraMadrid. Также в своих предвыборных обещаниях она заявляла о своем намерении исполнять в полной мере «**Закон об исторической памяти**» (принятый в 2007), предусматривающий юридическую реабилитацию жителей Испании, пострадавших в годы диктатуры Франко. Согласно этому закону, все упоминания о Франко и его генералах будут стерты с улиц испанской столицы.

Всего речь идет о тридцати названиях, в том числе о площадях: *¡Arriba España!* («Вставай, Испания!» — лозунг Испанской фаланги), *Caudillo* (т.е. Вождя, так называли Франко); названиях улиц: *Caídos de la División Azul* (Голубая дивизия — 250-я дивизия испанских добровольцев, воевавших на стороне нацистов на Восточном фронте и участвовавшая, в том числе, в блокаде Ленинграда), в честь генералов-франкистов *General Mola*, *Queipo de Llano*, *José*

Moscardó, José Millán-Astray. Мэрия будет проводить консультации с местными жителями и муниципалитетами с целью определить мнение большинства граждан в отношении переименования улиц.

Но приведет ли изменение названий улиц к началу формирования единой точки зрения о тоталитарном режиме, просуществовавшем более тридцати лет в Испании? Этот вопрос остаётся открытым.

Литература

[1] Жучкевич В.А. Общая топонимика. — Минск: Вышэйшая школа, 1968. — 432 с.

[2] Красиков А.А. Испания после Франко. — М.: Знание, 1982. — 64 с.

[3] Хью Томас. Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг = *The Spanish Civil War* / пер. И. Полоцка. — М.: Центрполиграф, 2003. — 576 с.

Бобылева Е.С.

(Россия, Москва)

Структурно-семантический анализ оронимов Чили

Чили простирается между Тихим океаном и горными хребтами Анд на юго-западном побережье Южной Америки. Почти 80% чилийской территории занимают горы. Условно страну делят на 3 зоны — это низкие горы на западе побережья, Анды на востоке и зона плато, которая расположена между хребтами и включает в себя центральную долину.

Система латиноамериканских топонимов сформировалась под влиянием объективных факторов географической среды, социокультурного развития латиноамериканских народов, контактов между языками и культурами. Как и все остальные топонимы, оронимы (от греч. *oros* — гора) мало изучены, поэтому они оказываются

сложными для перевода и установления этимологии. Названия вершин можно условно разделить на несколько основных групп, в каждой из которых присутствует общий объединяющий признак.

Это может быть цвет горных пород, слагающих вершину. Например, вершина *Cerro morado* («morado» исп. фиолетовый, темно-лиловый), *Volcán Azul* («azul» исп. голубой), гора *Cerro Amarillo* («amarillo» исп. желтый). По своей структуре можно встретить: простые, состоящие из одного компонента, и составные оронимы. Примером простого оронима может быть вершина *Cerro Bello* (исп. «красивый»). Составные могут быть образованы по модели название предмета + прилагательное: *Cerro Pico Negro* («pico» исп. клюв, «negro» исп. черный), *Cerro punta negra* (исп. «черный пик»).

Ряд оронимов состоит из прилагательных, описывающих орообъект. Например, вулкан *Volcán Mochó* что в переводе с испанского означает «приплюснутый»; вершина *Cerro puntiagudo* и одноименный вулкан *Volcán Puntiagudo* что в переводе с испанского означает «остроконечный».

Языковой материал позволяет выделить ряд оронимов, где прилагательное идентифицирует один ороним из пары по размеру, высоте и т.п. Например, вершина *Cerro Mesón* и двухкомпонентный ороним *Cerro Mesón Alto* («alto» исп. высокий).

В отдельную группу можно выделить оронимы, отражающие форму орообъекта. Например, вершина *Cerro Dedos* — несколько рядом расположенных возвышенностей напоминают пальцы; вершина *Cerro Aleta de Tiburón* похожа на плавник акулы.

Отдельный класс представляют оронимы, названные в честь святых: *Volcán San Pedro*, *Volcán San José*, *Monte San Lorenzo*, *Cerro San Francisco*.

Также выделяется совокупность оронимов, образованных от антропонимов. Например, альпинист Carlos Sepúlveda назвал вершину *Cerro Sandra* в честь своей дочери. *Cerro Punta Rodríguez* названа в честь альпиниста Педро Родригеса.

К отдельной группе можно также отнести оронимы, данные в честь какого-либо события. Например, *Cerro Sesquicentenario* — в честь 150-летия со дня основания независимой республики Чили.

Выделяется целый ряд оронимов, отражающих флору региона. Например, *Nevado Juncal* (исп. «место, где растет тростник»); вершина — (исп. «дубовые леса»).

Еще один класс оронимов отражает фауну. Вершина *Cerro Caracoles* названа по месту обитания улиток; — в этой местности распространены викуньи (вид ламы).

Выделяются оронимы, указывающее на слагающие породы, почвы, минералы, встречающиеся на орообъектах. Например, высочайший вулкан на Земле *Nevado Ojos del Salado*. На песчаных склонах вулкана были обнаружены такие полезные ископаемые как йод, медь, поваренная соль, селитра.

Нередко оронимы отражают местоположение орообъекта. Например, *Cerro Unión* (исп. «соединение, слияние») — отсюда открывается вид на прекрасный пейзаж Анд. — с вершины *El Mirador del Morado* можно хорошо разглядеть пик *el Morado*.

Названия горных вершин относятся к числу древнейших, поэтому многие оронимы имеют индейское происхождение. Например, *Cerro Manquehue* на языке мапундунгун «место, где обитают кондоры». *Volcán Guallatiri* — на языке аймара «место, где обитают андские гуси».

Целый ряд орообъектов эксплицитно остается без названия. Например, *Cerro Punta Sin Nombre* (исп. «гора пик без названия»), *Pico 1920* (1920 соответствует высоте вершины).

Таким образом, проведенный структурно-семантический анализ оронимов позволил выявить как чилийцы воспринимают и оценивают окружающую действительность. Нужно отметить, что проследить этимологию многих оронимов почти невозможно или встречается несколько их трактовок, противоречащих друг другу. Это может быть связано с незнанием картографами языка или диалекта, искажением первоначального названия, невнимательности.

Литература

- [1] Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.С. 3-52
- [2] Armengol Valenzuela P. Glosario etimológico de Nombres de Hombre, Animales, Plantas, Ríos y Lugares, y de Vocablos incorporados en el Lenguaje Vulgar, aborígenes de Chile, y de algún otro país americano. Vol. I y II. Santiago: ImprentaUniversitaria, 1918. 256p.
- [3] Chesnokova, O.S. Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico. – Forma y Función, vol. 24, n. 2 julio-diciembre del 2011. Bogotá, Colombia, issn 0120-338x, 11–24pp.
- [4] Dean Amory. Las principals leyendas, mitos, historias y cuentos de Chile. – Bélgica, 2013. 151p.

Вепренцева М.А.
(Россия, Москва)

Место архитектурной терминологии в лексической системе языка (на материале испанского языка)

В данной работе скажем несколько слов о том, что выделяет термины из общей системы языка и терминологию в пределах лексической системы языка.

Прежде всего, терминология — это очерченная подсистема внутри общей лексической системы данного языка, и притом подсистема наиболее обозримая и исчислимая. Более того, терминология как подсистема в свою

очередь распадается на подподсистемы по тематическим признакам. Иными словами, терминология — совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор (пласт) лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию.

Как раз здесь и кроется одно противоречие. Дело заключается в том, что ограниченность, обозримость и исчислимость терминологии, конечно, удобны и удачны для описания лексической системы. Но...Здесь есть одно, очень существенное «но». В любой терминологии (и чем она «лучше», тем больше) «естественные» лексические связи искажаются необходимой для терминологии связью понятий, определяющей и связи соответствующих терминов. Таким образом, терминология как совокупность слов — это «слуга двух господ»: системы лексики и системы научных понятий. Тем самым термин не может быть идеальным примером идеального члена лексической системы.

Такие термины, как *аркбутан — arbotante m; баннистерий, крестильня — baptisterio m; букраний — bucraneo m, moldura en forma del craneo bovino; горельеф — alto relieve; закомара — zakomar m; машикули — aspilleras inclinadas de una fortaleza; нагода — pagoda f* не поддаются простому «толкованию». Эти термины являются элементами архитектурной теории. Для того, чтобы «понять» данный термин, надо понять всю теорию, и надо знать место, занимаемое данным термином в рамках этой теории. Значение термина в современной науке — это его место в теории.

Тем не менее, для исследования лексической системы терминология все же удобна по целому ряду соображений внутрисистемного порядка.

Системность терминологии особенно ярко сказывается в так называемом «обратном словообразовании» от заимствованных иноязычных терминов. Так, в испанском от французского был заимствован термин *pabellón m* (от французского существительного *pavillon*), чему в русском

языке соответствует термин «павильон», тоже заимствованный из французского языка. К этой же модели относятся термины : *пилястра*(*a*) — *pilastra f* (от французского *pilastre*), *плац* — *plaza f* (от немецкого *Platz*), *фасада* — *fachada f* (от французского *façade*), *фреска* — *fresco* (от итальянского *fresco*), *фронтон* — *frontón m* (от французского *fronton*), *мозаика* — *mosáico m*(от итальянского *mosaico*) и множество других примеров.

Необходимо особо отметить связь лексики языка с развитием стилей и формированием, прежде всего, архитектурных приемов храмостроительства, форм внешнего устройства храмов, произошедшего на протяжении веков, что и потребовало появления новой терминологии. По данным М.С. Дорохиной (2003), «временем введения большинства французских и немецких терминов и обиходное употребление испанского языка можно назвать середину — конец XII века».

Говоря о функционировании архитектурной терминологии в лексической системе испанского языка, необходимо отметить особенность, характерную для лексической системы любого языка. Она заключается в том, что естественное функционирование слов-терминов в языке способствует тому, что они становятся полисемичными единицами в пределах терминосистем, а также в иных, неспециальных сферах употребления (например, художественной, публицистической, научно-фантастической и др.). Следующие термины можно встретить не только в вышеупомянутых типах дискурса, но также в строительной и исторической литературе:

- анфилада — *сгу́ја f*;
- архаичный — *arcáico adj*;
- бастион — *bastión m, baluarte m*;
- вестибюль — *vestíbulo m*;
- город — *ciudad f, población f, villa f*;

- дом — casa f;
- камин — chimenea f;
- квартира — piso m, apartamento m, cuarto m;
- обои — empapelado m, cortinaje de papel pintado m, tapicería f;
- потолок — techo m;
- ранний (этап ситля) — primero adj;
- руины — ruinas pl, paredón m;
- собор — cathedral f;
- старинный — antiguo adj;
- фонтан — fuente f, surtidor m.

Данное явление подтверждает то предположение, что многозначность, присущая общеязыковым и специальным единицам, является продуктивным способом языковой номинации.

Литература

[1] Ахманова О.С. Словарь Лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1969.

[2] Войцева Е.А. Процессы детерминологизации в русском языке: семантико-стилистическая характеристика существительных сферы искусства, военной и профессиональной областей: Автореф дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01): (на материале письменности XVII — XX вв.). Одесса, 1989.

[3] Дорохина М. С. Некоторые проблемы перевода архитектурных терминов культовых сооружений в испанском и русском языке. // Актуальные проблемы современной испанистики. — М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (факультет иностранных языков, кафедра испанского языка), 2003.

[4] В.И. Плужников, Р.А. Агеева, С.В. Илевич, М.Д. Юмжапова. 10 языков — 350 терминов европейской архитектуры. М.: Институт Наследия, 2002.

[5] Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка. // Проблемы структурной лингвистики. М, 1968.

Веселова С.С.
(Россия, Москва)

Испанские пословицы и поговорки о религии

Религия в Испании стоит выше, чем такие индивидуальные страсти, как любовь, зависть, ненависть и честолюбие. Она заключается в связи между индивидом и его Создателем. В наиболее широко изучаемых формах религии свойственно чувство конкретного, которое является неотъемлемой чертой испанцев и которое приносит на землю формы и объекты поклонений с целью изучить их лучше. В религии испанцев присутствует почитание образов и святых в сфере религии, и эта черта схожа с теми чувствами, которые вспыхивают между влюбленными.

В бесчисленных испанских песнях поется о реинкарнации святых существ, что указывает на языческие верования. В точности так же, как язычники населяли леса сатирами и нимфами, испанская крестьянка поет о Деве Марии, стирая детское белье:

La virgen lava panales	Дева стирает пеленки
A la sombra de un romero;	В тени розмарина
A los pajaritos cantan	И птички поют,
Y el agua se va riendo	И вода струится

Страсть, соединяющая творение с Творцом, порождает в испанцах чувство братства, которое для испанца более похоже на ощущение, чем на чувство. Хотя испанцы подвластны страсти, они не всегда подвластны чувству. Чувство есть нечто осознанное, близкое к самосознанию, и поэтому оно не играет важной роли для характера жителей Испании. Тот факт, что вся их нация — братство, есть факт сам собой разумеющийся. Он сопоставим с жестокостью и безразличием. Но в то же время братство — один из важнейших элементов испанской жизни. Оно проявляется в

неординарной симпатии испанцев к усопшим, нарушителям закона и жертвам своей же глупости.

Все события, произошедшие в Испании, тем или иным образом объясняются принадлежностью к католицизму. Из всех догматических религий именно эта в наибольшей степени отражает особенности национального характера испанцев.

Испанцы религиозны, и народные сказания доказывают это в полной мере. Рассмотрим некоторые из этих фразеологических единиц:

Ayúdate y Dios te ayudará. Помоги себе сам, и Бог поможет. (Бог-то Бог, да и сам не будь плох.)

Эта пословица не отрицает существования Бога, но она призывает людей добиваться в жизни всего самим. Без приложенных усилий не поможет ничто. Бог — рассудительный Творец, оказывающий поддержку тем, кому не хватает собственных сил на осуществление своих действий, несмотря на все усилия.

Al pan, pan, y al vino, vino. Хлебу — хлеб, вину — вино.

A Dios lo que es de Dios, a César lo que es del César. Богу — то, что принадлежит, Цезарю — то, что его. (Богу — Богово, а кесарю — кесарево.)

Al que Dios se la dé, San Pedro se la bendiga. То, что дается Богу, Святой Петр благославляет. (Каждому — своё.)

Эта пословица показывает, что в нашей жизни все должны занимать свое место и заниматься своим делом. Каждый человек ответственен только за себя, за свои поступки и действия. Каждый выполняет свою собственную миссию на этой планете. И Бог, существуя, также выполняет свои задачи.

Conciliar al cielo con el infierno. Советоваться и с раем, и с адом.

Poner una vela a Dios y otra al Diablo. Ставить свечу и Богу, и дьяволу.

Servir a Dios y al Diablo. Служить и Богу, и черту.

Будучи людьми, ведомыми страстью и чувствами, испанцы не подвластны разуму. А зачастую то, что мы делаем, слушая сердце, не находит разумных объяснений. То есть задумка была — сделать от всего сердца, а в результате получился поступок именно «не приложив голову». Хороший мотив, плохое исполнение. С одной стороны, в угоду Богу, с другой стороны — на радость дьяволу.

Проанализировав пословицы и поговорки, характеризующие отношение испанцев к религии, можно сделать вывод, что эта нация в большой степени религиозна. Они верят в существование Бога, но не живут по заповедям. А живут, опираясь на свои чувства и страсть. А так как считается, что Бог есть нечто, подвластное разуму, а не чувствам, Божественное начало в Испании не рассматривается как основной источник помощи, поддержки и опоры. Как велят сердце и чувства — так они и поступают.

Журавлева Е.В., Журавлева Н.Ю.

(Россия, Москва)

Национальная культура и фразеология

В нашем исследовании мы рассматривали фразеологические единицы (далее ФЕ), понимаемые нами в широком смысле (были рассмотрены не только собственно идиомы, но и устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, афоризмы).

Идиоматика отражает национальные реалии, составляющие самобытность того или иного народа, формируя национальную картину мира. Фразеологизмы возникают в языке на основе образного представления действительности, которое отображает эмпирический или

духовный опыт языкового коллектива. Являясь продуктом национального сознания, ФЕ отражают все стороны материального и духовного мира. При этом в их образной структуре отражены не только материальные и духовные объекты, обладающие национальной спецификой, но и нравственные, моральные и психологические характеристики, оценки и пристрастия, которые составляют понятия национального духа и национальной личности. Складывавшаяся веками идиоматика — это историческая проекция культуры народа, его менталитета.

Как известно, фразеология является фрагментом языковой картины мира. При этом ФЕ всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся понятия, которые отражают национально-культурную специфику. Семантику таких ФЕ можно анализировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, т.е. в аспекте национальной культуры.

Разные типы фразеологизмов, на что неоднократно указывала В.Н. Телия, по-разному отражают культуру. Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех ФЕ, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. В этих фразеологизмах одним или несколькими компонентами являются названия предметов национальной культуры, или же в них отражена история народа, национальные имена собственные, т.е. в них содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических фактов.

Другую группу составляют образно-эмотивные фразеологизмы, национально-культурная информация содержится в их внутренней форме, в которой присутствует отражение культуры — мифы, архетипы, обычаи, традиции,

исторические события и элементы материальной культуры. При формировании данных ФЕ в отборе образов прослеживается их связь с национально-культурными стереотипами, эталонами, символами, мифологемами. Мифологема может контролировать семантику ФЕ, либо направляет и корректирует её современное функционирование.

В состав сравнительного оборота ФЕ могут входить:

1. Единицы универсального характера (соматический компонент, религиозная лексика, зооморфизмы). Например: *pegarse una hostia; cara de ángel, corazón de diablo; cuando está con ella, su alma de cordero se vuelve de lobo; ella tiene lágrimas de cocodrilo, pues primero me besa y después me deja y llora; ser toda una ardilla rabiosa; convertirse en una bella mariposa*

2. Национально-специфические единицы, содержащие национально-культурный компонент, характерные только для фразеологии определенного национального варианта (топонимы, реалии). Например, Чили, Аргентина: *ser un coati civilizado; ser un armadillo o quirquincho peludo*; Мексика: *subírsele a uno el indio; tener uno hígados de indio; ser gringo de miércoles; ser oferta gringa*.

Национально-культурная информация очень ярко проявляется во фразеологизмах, включающих топонимы. Обладая способностью хранить внеязыковую информацию, топоним придает ФЕ особое фоновое «звучание», способствует «конкретному овеществлению фоновой информации», согласно Мокиенко В.М. Поэтому большая группа идиоматических выражений связана с конкретными историческими событиями, на которые непосредственно намекает топоним. Благодаря тому, что данный факт зафиксирован во фразеологическом словосочетании, в народе живет память об этих событиях, из них извлекается исторический опыт. Приведем примеры: *el grito de Dolores* (аллюзия на начало войны за независимость Мексики, призыв к которой прозвучал 16 сентября 1810 года в городе Долорес,

современном Долорес-Идальго штата Гуанахуато); *proceder de Monclova* (уметь возрождаться как птица Феникс, в память о том, что сам город Монклова за семь лет 112 раз отстраивался заново).

Бытовые представления, трудовые отношения повседневной жизни, социальные отношения и духовная культура — все это находит свое выражение в ярких и подчас очень метких народных изречениях. Играя в ФЕ определяющую роль, они характеризуют ситуацию или объект, одновременно передавая семантически открытую для носителя языка информацию, но скрытую для иностранцев и поэтому воспринимаемую как экзотизм, являясь при этом прецедентным высказыванием: *Fuera de México, todo es Cuautitlán; para chismes y campanas, Zacatlán de las Manzanas.*

Топоним как элемент ФЕ, в отличие от топонима-географического названия хранит в себе эмоционально-оценочную характеристику. Вместе с этим во многих случаях обнаруживается переосмысление основного значения и привнесение нового, то есть происходит расширение традиционных функций топонима.

Таким образом, ФЕ справедливо можно считать самыми насыщенными национально-культурной информацией единицами, поскольку они выполняют роль языковых и культурных знаков одновременно.

Ismagilova D.I.

(Rusia, Moscú)

Acerca del léxico automovilístico en español moderno

La industria automovilística apareció en los años ochenta del siglo 19 en Francia y Alemania. Los fundadores son Karl Benz, que en 1885 construyó un «vehículo con motor de gas» y Gottlieb Daimler, constructor alemán que construyó una bicicleta con el motor. La fabricación industrial empezó en 1890. Al principio los

automóviles eran accesibles solo para los aristócratas, pero poco a poco se han convertido en el medio de transporte conveniente y accesible para todos. Hoy cada familia piensa que es necesario tener un automóvil. Por eso el léxico automovilístico es muy útil y necesario hoy día.

Además, no solo los especialistas utilizan ese tipo del léxico, sino cualquier persona en su vida cotidiana, porque se usa mucho el transporte, personal o público, se compran o se alquilan coches, se utilizan los servicios de taller. Y los conocimientos de este léxico facilitarán los viajes al extranjero, y serán necesarios para leer los manuales de conducción o reglas de la circulación, que son un poco diferentes en cada país.

Se sabe muy bien, que el español de los países de América Latina tiene sus particularidades. Y además difiere mucho de la variante nacional pirinea. Por eso es muy interesante analizar y comparar vocablos, que se usan en diferentes países hispanohablantes.

Entre las particularidades léxicas de la lengua española en América Latina se puede destacar:

- términos que se usan en España y América Latina con el mismo significado (por ejemplo, manejar — conducir);
- palabras que se consideran arcaísmos en España, pero se utilizan en América Latina (angosto — estrecho);
- préstamos del inglés o palabras, que aparecieron bajo la influencia del inglés en América Latina (ponchada, reventón);
- préstamos de las lenguas indígenas (hule, chicle).

En cuanto al léxico automovilístico, cabe destacar que algunas palabras se usan igualmente en todos los países. Por ejemplo «volante» se emplea para denominar una pieza, generalmente en forma de aro, con la que el conductor dirige un vehículo automóvil en todos los países analizados. Pero existen otras palabras, tales como «embrague» que se usa en todos los países excepto México, allá se llama «clutch». Eso se debe a la

influencia de los Estados Unidos, ya que la palabra «clutch» es un préstamo del inglés.

También es muy interesante la etimología de algunos términos automovilísticos. Por ejemplo, el término «capó» igual que muchos términos del léxico automovilístico, proviene del francés. Un «capot» mucho antes de ser la «cubierta del motor del automóvil» fue a finales del siglo XVI un abrigo con capucho, y adquirió su sentido moderno a finales del siglo XIX.

La palabra «coche» es de origen húngaro «kocsique» que significa «de Kocs», es decir «proveniente del pueblo Kocs». Se trataba de un tipo de carro tirado por caballos para transportar personas. El término original sería «kocsi szeker» que significa «carro de Kocs» y después se abrevió hasta la forma «kocsi» (se pronuncia *cochi*). Es interesante, que en la actualidad esta palabra se usa también en sentido de «el automóvil» en húngaro y en castellano, mientras en inglés (coach) se conserva solo el significado original.

Resumiendo podemos decir que el léxico automovilístico entra fácilmente en el vocabulario de cualquier persona moderna. Y es muy interesante y útil estudiarlo porque no se trata solo de algunos aspectos teóricos sino también de lo que podemos llevar a la práctica.

Bibliografía

[1] Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004.

[2] Фирсова Н.М. Лексико-семантические расхождения между пиренейским национальным вариантом и латиноамериканскими национальными вариантами испанского языка // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», №3. М.: Изд-во РУДН, 2002.

Косова Е.Г.

(Россия, Москва)

**Функционирование фразеологизмов
в немецких новостных онлайн-изданиях
(на примере *Deutsche Welle* и *Spiegel Online*)**

Мы живем в мире информационных технологий, в так называемом информационном обществе, где почти у каждого есть доступ к данным, новостям любой сферы жизни. Печатные издания всегда были проводником информации, осуществляли общественную, а не межличностную коммуникацию, имели влияние на представления людей о какой-либо ситуации, своего рода создавали определенный тип читателя, используя язык как средство достижения своих целей. С появлением интернет-изданий газет и журналов информированность общества увеличилась в разы. С ней и способы воздействия на читателя.

При написании статьи автором ставится цель рассмотреть особенности функционирования фразеологизмов в немецком языке на примере онлайн-изданий в разных типах журналистских статей.

За теоретическую основу мы возьмем исследование о «полезности идиом» в текстах СМИ немецкого лингвиста Барбары Зандиг. Изучая фразеологизмы в типе статей «краткий комментарий», она сделала вывод о существовании следующих функций:

1. функция тематизации (введение, обобщение);
2. функция структуризации описываемого (выделение, изюминка);
3. функция представления фактов (конкретизированное, интенсифицированное, аргументированное представление);
4. функция установления связи с читателем (попытка войти в доверие, использование влияния);
5. функция создания собственного представления (ассоциации и вариации);

6. функция заострения внимания читателя (наглядность, точная структуризация описываемого);

7. функция формирования позиции к описываемому (эмоциональная оценка, выражение иронии, неодобрения) [1].

В данной статье мы затронем только те функции, которые призваны воздействовать на читателя, влиять на его мировоззрение: установление связи с читателем, создание собственного представления и формирование позиции к описываемому.

Для использования влияния на читателя в статье должно быть озвучено авторитетное мнение того, к чьим словам прислушиваются. Так в новостной заметке на Deutsche Welle, анализирующей новогоднее обращение канцлера Ангелы Меркель, используется цитирование ее слов: «*Es **steht** völlig **außer Zweifel** (быть вне всякого сомнения), dass der Zuzug so vieler Menschen uns noch einiges abverlangen wird. Das wird Zeit, Kraft und Geld kosten.*» Канцлер демонстрирует уверенность в своей правоте, а значит, убеждает в этом читателей.

Как правило, для осуществления функции создания собственного представления (ассоциации) необходимы идиомы, где отдельные слова приобретают совершенно иной смысл в контексте. Часто здесь одновременно выполняется и другая функция — формирования позиции к описываемому:

*Wenn Migranten staatliche Leistungen erhalten, die ihnen ein menschenwürdiges Leben in Deutschland ermöglichen sollen, **«liegen sie uns monate-, manchmal jahrelang auf der Tasche» und sind «Sozialschmarotzer».** (Дословно «лежат в нашем кармане», т.е. «живут за наш счет»).* Автор данной статьи пишет о нетолерантном отношении многих немцев к приезжающим беженцам. Приводя слова одного из возмущенных происходящим граждан Германии, он с одной стороны оставляет образ кармана, в котором «поселились» беженцы, с другой стороны, показывает негативное

отношение говорящего, последующими фразами призывая переосмыслить это.

С целью выяснить, как часто немецкие СМИ пытаются воздействовать на читателя, используя фразеологизмы, мы отобрали 20 журналистских статей различного типа из раздела «Политика», где было найдено 85 устойчивых сочетаний, выполняющих различные функции. Из них 3 фразеологизма были призваны установить связь с читателем посредством оказания влияния, 12 посредством ассоциаций создавали определенное представление у читателя, 7, имея эмоциональную оценку, формировали позицию к описываемому, а 11 одновременно осуществляли две последние функции.

Таким образом, 33 устойчивых сочетаний, т.е. 39% всех фразеологизмов в данных статьях использовались для воздействия на читателя. Можно сделать вывод, что в немецких СМИ журналисты, прежде всего, стараются *передать* информацию, на основании которой читатель сам может сформировать собственную точку зрения, а не *повлиять* на мнение читателя, используя те или иные языковые средства.

Литература

[1] Wotjak B.: Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen: Niemeyer, 1992.

[2] Spiegel Online, 31.12.2015, Neujahrsansprache: Merkel fürchtet Spaltung Deutschlands.

[3] Spiegel Online, 12.11.2015, Flüchtlinge: Was «besorgte Bürger» sagen wollen (von Hasnain Kazim).

Kotenyatkina I.B.

(Rusia, Moscú)

Algunas innovaciones en el español actual
(a base de la prensa española)

En el artículo «Jugamos tranquilas, ¿eh?» su autor, periodista y filólogo español, A. Grijelmo describe recientes cambios en el español: algunos hombres han empezado a incluirse voluntariamente en el género femenino. El periodista menciona una anécdota: hace unos 19 años un político en un acto electoral dijo «Compañeros y compañeras, lo que defendemos nosotros y nosotras...», y el pronombre «nosotras» en su discurso sonó raro, ya que según la gramática española es un pronombre inclusivo del hablante, de modo que un hombre no puede decir «nosotras», sino solo «**nosotros**». Si aquel político hubiera dicho «nosotros y vosotras» nadie se habría burlado de él. Pero lo que antes provocaba risa, hoy parece natural. A. Grijelmo aduce muchos ejemplos del semejante uso del femenino genérico por parte de algunos hombres que se incluyen en el grupo de mujeres al que se refieren:

- durante la transmisión de un partido de waterpolo femenino en los Juegos Olímpicos el periodista F.J. Delgado dijo: «¡Si ganamos, estamos clasificadas!»;
- el entrenador del equipo femenino de balonmano se dirigió a sus jugadoras: «¡Jugamos tranquilas, eh!»;
- el director del programa «Carusel Olímpico» M. Carreño, hablando de la regatista española, supuso: «Si estamos entre **las** siete primeras vamos a ser oro»;
- el periodista de la emisora SER J.A. Ponseti comentó la puntuación de las nadadoras españolas: «Somos terceras después de las rusas»;
- J. Gallego, hablando de la derrota de las españolas en la final de waterpolo, resumió: «Hemos pecado un poco de **inexpertas**».

Encontramos varios ejemplos del novedoso uso del femenino genérico en el artículo «¿Médicos y enfermeras? ¿O médicas y enfermeros?» de Ricardo de Querol. El periodista cita casos del empleo del término «**las enfermeras**» para referirse al grupo mixto de profesionales tanto entre los miembros de este grupo como en el habla popular, en los diarios y emisoras. R. de Querol señala que existen otros colectivos mixtos que se nombran en el femenino genérico, desde las azafatas a las empleadas de hogar. El autor explica por qué razón se niega a utilizar la construcción «las enfermeras y los enfermeros» — la considera «farragosa, burocrática, incómoda para el que habla y para el que escucha». Según él, tal desdoblamiento es artificioso y «antieconómico» desde el punto de vista lingüístico. Algunos manuales de lenguaje no sexista ofrecen como alternativa vocablos que denominan al colectivo sin marcar el género, por ejemplo «el personal de enfermería», «el alumnado», que también son artificiales a juicio de R. de Querol. Las opiniones de otros periodistas y expertos sobre la posibilidad de usar la forma femenina en plural han divergido.

Actualmente según las normas de la Real Academia Española, el femenino genérico no sirve para los colectivos mixtos, su uso es incorrecto en tales casos. Para los sustantivos que designan seres animados se emplea el masculino genérico para denotar la clase, porque es el masculino el término no marcado en la oposición masculino \ femenino. Por esta razón, según la Academia, no se debe utilizar el femenino para designar un colectivo mixto, con independencia del número de individuos de cada sexo. Resulta que «**los alumnos**» es la única forma correcta para referirse a un grupo mixto, aunque sean 30 alumnas y 1 alumno.

Sin embargo, en cuanto al sexismo lingüístico, queda mucho por resolver y aclarar, y esperamos que la realidad que varía y el fomento de la presencia de la mujer en todos los ámbitos sociales cambien el punto de vista de la Academia española sobre este problema.

Bibliografía

[1] De Querol, R. ¿Médicos y enfermeras? ¿O médicas y enfermeros? // El País, 20-01-2013 / <http://blogs.elpais.com/mujeres/2013/01/m%C3%A9dicos-y-enfermeras-pilotos-y-azafatas.html>.

[2] Grijelmo, A. Jugamos tranquilas, ¿eh? // El País, 19-10-2012 / http://elpais.com/elpais/2012/10/11/opinion/1349975926_432322.html.

[3] Nueva gramática de la lengua española. Morfología y Sintaxis / Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. España: Espasa Libros, S.L.U., 2010.

Куртаева М.О.

(Россия, Иркутск)

Заемствование как способ номинации субъектов в испанской биржевой терминологии

Наиболее важными путями обновления имен подсистемы, актуализирующей фрейм ACTIVIDAD BURSÁTIL в современном испанском языке, являются изменения когнитивно-дискурсивного статуса ксеноэлементов (адаптация заимствований и номинируемых ими понятий из других языков).

В испанской биржевой терминологии чаще всего заимствуются английские ксеноэлементы, поскольку английский язык является авторитетным источником интернациональной биржевой терминологии (Yépez Peálver 2002). Данный сектор экономики высоко развит в англоговорящих странах, поэтому обслуживающие его термины-англицизмы наиболее универсальны и удовлетворяют потребностям глобального развития валютно-кредитной системы.

Престиж биржевых терминов английского происхождения в сфере профессиональной коммуникации настолько высок, что их включение в национальный дискурс

может происходить и при отсутствии в нем понятийной и лексической лакун соответствующих элементов.

Кроме того, интересны случаи, когда в рамках одного глоссария, для обозначения одного субслота используются два синонимичных термина (один из них заимствованный), каждый из которых присутствует в данном тезаурусе.

Так, глоссарий Биржи Мадрида насчитывает 5 терминов, вербализующих субслот INTERMEDIARIOS, ключевой процедурный слот фрейма ACTIVIDAD BURSÁTIL.

В определении термина intermediarios bursátiles прямо указываются репрезентанты этого субслота, agencia de valores y bolsa и sociedad de valores y bolsa.

Ср. Glosario de la Bolsa de Madrid:

Intermediarios bursátiles — *Instituciones cuya actividad es la puesta en contacto de la oferta y demanda en bolsa, son las Sociedades y Agencias de Valores y Bolsa (...).*

Термины agencia de valores y bolsa и sociedad de valores y bolsa также кодифицированы в глоссарии.

Agencia de valores y bolsa — *Intermediario bursátil autorizado legalmente para operar en bolsa por cuenta de sus clientes.*

Sociedad de valores y bolsa — *Intermediario bursátil autorizado legalmente para operar en bolsa por cuenta ajena y por cuenta propia.*

Вместе с тем, в глоссарии зафиксированы англоязычные терминологические дублиеты указанных имен: broker и dealer. О дублетном характере заимствованных терминов позволяют судить их определения, приведенные в глоссарии Биржи Мадрида:

Broker — *Término inglés que designa a los intermediarios bursátiles o de los mercados financieros que actúan por cuenta de sus clientes. Se suele aplicar a las Agencias de Valores y Bolsa (...).*

Dealer — *Término anglosajón que se refiere a los intermediarios que además de comprar activos financieros para*

sus clientes, lo hacen para ellos mismos. Compran por cuenta propia y ajena y esta función en España la hacen las Sociedades de Valores y Bolsa.

Определение термина broker совпадает с определением термина agencia de valores y bolsa, причем, в содержании дефиниции дано указание, что этот термин применяется к исследуемому участнику биржевой деятельности. Дефиниции англоязычного термина dealer и испанского sociedad de valores y bolsa совпадают, также с отсылкой на исконный термин.

Следует отметить, что исследуемые терминологические дублиеты заимствуются в биржевую терминосистему без графического изменения, что можно объяснить недостаточной степенью включенности в систему испанского языка.

Вслед за Кодуховым В.И., сосуществование исконных и заимствованных терминов мы определяем как взаимодействие вариантов и конкуренцию факторов их предпочтения.

Участвуя в формировании и структурировании биржевой терминосистемы испанского языка, заимствованные термины способствуют оптимизации профессиональной коммуникации. Прагматическая предпочтительность англоязычных терминов объясняется престижностью данных терминов в связи с доминированием американской экономики на мировой арене.

Литература

[1] Кодухов В.И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» 2-е изд., перераб. и доп. М: Просвещение, 1987. 288 с.

[2] Glosario de la Bolsa de Madrid [Electronic resource]. — URL: <http://www.bolsamadrid.es/>

[3] Yépez Peñalver, A.G. El lenguaje hablado en la bolsa: aproximación a la jerga bursátil / A.G. Yépez Peñalver. Madrid: UCM, 2002. 436 p. // <http://www.ucm.es/BUCM/tesis/inf/ucm-t26360>.

Лаврентьева Н.Б.

(Россия, Москва)

**О некоторых способах усиления речевого воздействия
фразеологизмов в заголовках испанской прессы**

Исследование языка средств массовой информации остается важнейшей задачей лингвистов в условиях увеличения информационного потока и усиления идеологической борьбы за умы и сердца читателей. Использование фразеологических единиц (ФЕ) в заголовках прессы является давней традицией журналистской практики, поскольку наряду с экономией языковых средств позволяет выполнить целый ряд функций, стоящих перед этим структурным компонентом газетной статьи. Речь идет о реализации таких важнейших функций, как информационная, апеллятивная, экспрессивная и рекламная.

Для усиления воздействующего потенциала газетного заголовка адресант воздействия активно использует в составе ФЕ средства экспрессии, лексику с яркой коннотативной окраской и прецедентные феномены. Наполнение ФЕ новыми оттенками значений и переосмысление ФЕ с помощью языковой игры вызывают у адресата сообщения когнитивный диссонанс. Попытки адресата примирить противоречащие друг другу когниции, чтобы снизить испытываемый психологический дискомфорт, зачастую приводят к феномену вынужденного согласия. Иными словами, трансформированные ФЕ снижают критическое восприятие адресатом поступающей информации и оказывают скрытое влияние на его знания и установки.

В качестве иллюстрации подобных преобразований следует привести использование ФЕ с сохранившейся образной основой для одновременного осмысления оборота как фразеологически связанного и как свободного сочетания слов. Характерным примером двойной актуализации ФЕ служит испанская ФЕ «a flote», которая имеет два значения: 1)

на плаву, на поверхности воды и 2) невредимо, благополучно. Оба эти значения реализованы в названии статьи в «El País Semanal» (25-03-2012) «Las casas anfibias salen a flote», рассказывающей об успешном развитии этого направления архитектурной мысли.

Манифестацию воздействующего потенциала ФЕ также можно проследить в случаях окказионального варьирования паремий и прежде всего в замене лексических компонентов, что приводит к возникновению информационно ёмких и легко запоминающихся словосочетаний. В качестве примера стоит привести такие сочетания, как «Año nuevo, comisiones nuevas» («Tiempo», 8-14.01.2016), ср.: «Año nuevo, vida nueva», или заголовок «Rosa nieve y mucho atasco» («La Provincia», 10.01.2014), ср.: «Mucho ruido y pocas nueces».

Использование игры слов требует от адресанта исходного текста значительной изобретательности, что в особенности справедливо для тех случаев, когда комический эффект имплицитно дискредитирует объект шутки. Яркий пример такого использования ФЕ находим в заголовке «Con la soja al cuello» («Tiempo», 8-14.01.2016) статьи, посвященной проблемам расширения посевных площадей генно-модифицированной сои в Парагвае, что создает серьезную опасность для экологической обстановки в стране. Ср.: исходная ФЕ «con la soja al cuello» имеет значения: 1) быть в серьезной опасности и 2) находиться в трудном, отчаянном положении.

Авторские трансформации ФЕ представляют серьезную трудность при переводе статей и не всегда могут быть адекватно и эквивалентно переданы с помощью языковых средств языка перевода.

Изучение материалов испанских СМИ позволяет заключить, что использование многочисленных приемов структурно-семантической трансформации позволяет существенно усилить речевое воздействие на читателя. Как следствие, трансформированные ФЕ испанского языка

требуют особого изучения для анализа используемых языковых средств и поиска путей их передачи в переводе.

Мартыненко И.А.

(Россия, Москва)

**Псевдо-испанская этимология некоторых
топонимов США**

Топонимический корпус США складывался веками под влиянием языковых традиций переселенцев из Англии, Испании, Франции, Голландии, Германии, России и др. стран и, с точки зрения лингвистики, обладает гетерогенным составом. Как следствие бывшего испанского и, позже, мексиканского контроля над территориями, которые в настоящее время являются частью Соединенных Штатов, в стране, в основном на западе и юго-западе, можно наблюдать множество топонимов испанского происхождения.

Но не все по-испански звучащие географические названия на самом деле имеют испанское происхождение. Наряду с явно отыспанскими номинациями типа *Mesa, Buena Vista, Loma Linda, Naranja, Palo Alto* и мн. др., можно наблюдать ряд топонимических единиц, которые мы предлагаем расценивать как единицы псевдо-испанского происхождения.

Ошибочно можно было бы предположить, что черновато-серый цвет почвы или горных пород, цвет маренго, дал название 5 городам: таковые (г. *Marengo*) есть в Огайо, Висконсине, Иллинойсе, Индиане, Айове. Но к испанскому языку и испанцам данное явление отношения не имеет. Указанные города названы в честь битвы при Маренго (Италия), в ходе которой Наполеон Бонапарт со своим войском одержал победу над австрийцами.

То же касается городов *Mayo* в штатах Мэриленд, Флорида, Южная Каролина, Вермонт. Можно было бы

предположить, что их происхождение связано с лексемой *mayo* (исп. «май»). Однако данные топонимы связаны с именем командующего соединением кораблей Исаака Майо, коммандора во времена Американско-мексиканской войны, родившегося в Мэриленде и воевавшего на стороне американцев. Также в его честь назван полуостров (*the Mayo Peninsula*), шоссе (*Mayo Road*) и школа (*Mayo School*). В указанных топонимах испаноязычный компонент представлен опосредованно, через испанскую фамилию гражданина США.

Испаноязычные топонимы США при изучении призывают к крайней степени внимательности и скрупулезности. Как видно из примеров, кажущееся на первый взгляд отыспанским географическое название часто оказывается по своему происхождению далеким от испанского языкового и культурологического материала. Так, например, на карте выделяются 8 городов *Coto* (Висконсин, Индиана, Миннеаполис, Колорадо, Иллинойс, Миссисипи, Теннесси, Техас). *Coto* с испанского можно перевести и «я ем», и «словно», и «в качестве». Королевская академия испанского языка (исп. Real Academia Española, сокр. RAE), регулятор языковой и литературной нормы современного испанского языка, выделяет 13 значений этого слова с ситуативными примерами. [www.rae.es] Но на деле, при тщательной проверке происхождения топонимов, выясняется, что в США это название пришло из Италии. В честь итальянского города Комо названы *Coto* в Индиане, Колорадо (город назвали шахтеры, приехавшие непосредственно оттуда). В Миссисипи поселку дали имя по названию местного пруда, а в Техасе первоначально город назывался *Vacchus*, затем *Carrollton*. Чтобы избежать путаницы с г. Карроллтон неподалеку от Далласа, поселок переименовали в *Комо*, по предложению местных поселенцев, которые были из *Комо*, штат Миссисипи.

По своему происхождению, г. *Caro*, Мичиган, не связан с уровнем цен в регионе («*caro*» в переводе с исп. — «дорогой»). Это топоним-тезка столицы Египта Каира.

Вопреки предположению, ни один из городов *Alba* не связан ни с одним из многочисленных испанских герцогов Альба, ни с городами Альба в Испании и Италии. *Alba* в Техасе получил свое название потому, что он был предназначен только для белых поселенцев (в переводе с латинского «*alba*» означает «белый»); по другой — город назван в честь сына начальника железной дороги. Название *Alba* в Пенсильвании тоже имеет латинские корни и олицетворяет чистый и ясный поток воды, протекающий через этот населенный пункт. А *Alba* в Миссури назван в честь первого почмейстера в городе.

Можно привести множество примеров, где отыспанские, на первый взгляд, названия оказываются дериватами лексических единиц из других языков и культур.

Литература:

- [1] Леонович О.А. Топонимы США. М.: Высшая школа, 2004.
- [2] Мартыненко И.А. Анализ некоторых испаноязычных топонимов США // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика» №4. М.: Изд-во РУДН, 2013.
- [3] Потокова Н. В. Захват Техаса и война с Мексикой. // Американский экспансионизм. Новое время. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 1985.
- [4] Gudde E.G. California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names. Fourth edition, revised and enlarged by W. Bright. University of California Press, 1998.
- [5] RAE: <http://www.rae.es/>

Никифорова С.А.

(Россия, Москва)

Экспрессивность испанских лексико-фразеологических ресурсов в аспекте межкультурной коммуникации

Для достижения взаимопонимания в процессе коммуникации коммуникативный код должен быть известен как отправителю, так и получателю [Ларина, 2015]. Испанский язык, на котором сейчас говорит почти полмиллиарда человек, полинационален и мультивариативен, а говорящий на нём постоянно прибегает к различным способам интенсификации своей речи — зачастую через использование фразеологизмов и стилистически окрашенных лексических единиц, — выходя за пределы нормы, с целью сделать высказывание более выразительным, экспрессивным [4]. Таким образом, при использовании стилистически окрашенных лексических единиц и фразеологии встает вопрос их правильного отбора и интерпретации для успешной реализации коммуникативного акта [1].

В данном исследовании мы рассмотрим несколько групп испанских лексико-фразеологических ресурсов разговорного стиля, которые указывают на их принадлежность к определенному, по Ю.М. Лотману [3] семиотическому пространству и использование которых в межвариантной и межкультурной коммуникации может привести к неправильному толкованию.

1. Отсылки к **историческим событиям**, которые могут быть неизвестны людям иного семиотического пространства или могут трактоваться с совершенно иной оценкой: «*A buenas horas mangas verdes*» (Испания) — «Поздно явиться, когда уже ничего нельзя сделать». Дословно «Очень во время явились зелёные рукава».

2. **Топонимы**, не известные лицам иной семиосферы или которые могут интерпретироваться с иной оценкой: «*Más*

se perdió en Cuba» (Испания) — «Не переживай уж слишком, бывает и хуже...» Дословно «Больше было потеряно на Кубе».

3. **Региональные индихенизмы**, которые зачастую «характеризуется национально-культурной спецификой и лингвокультурологической вариативностью» [5]: «*Tamal con queso comida de preso» (Никарагуа) — «Перебиваться с хлеба на воду.» Дословно «Тамаль с сыром — еда заключённого».*

4. Лексемы **пола и секса**, обнаруживающие разную стилистическую окраску в разных семиотических пространствах в диапазоне от безобидных до обценных: А) «*Ser un gilipollas» (Испания) — «Быть придурком»; Б) «Ser alguien ríga raja» (Коста-Рика) — «Быть вруном, сказочником, фантазёром». Дословно «Быть чистой соломой».*

5. **Устойчивые словосочетания и фразеологизмы со стертой внутренней формой**: «*Hablar a huto de rajás» (Испания) — «Утверждать что-то наобум, делать заявления с кондачка». Дословно «Говорить в соломенном дыму».*

6. **Компрессия** неизвестных или малоизвестных в определенных семиотических пространствах фразеологических единиц: А) «*Que les den...*» (Испания) — «Дать им...» Полная форма фразеологизма: «*Que les den por donde amargan los pepinos» — «Дать им по заднему месту».*

Б) «*Ser / estar como el chancho (que tiene mazorca en la trompa y sigue gruñendo)*» (Никарагуа) — «Вести себя, как старуха в Сказке о рыбаке и рыбке». Дословно «Вести себя, как поросёнок (который держит кукурузный початок во рту и продолжает хрюкать»).

Зачастую в одном фразеологизме **одновременно** используется несколько из вышеперечисленных ресурсов, что ещё более затрудняет их понимание представителями разных семиотических пространств.

В противовес к вышеперечисленным группам отметим группу фразеологизмов с **прозрачной семантикой**, которые, хотя и используются в определенном семиотическом пространстве, легко могут быть поняты всеми говорящими по-испански: А) «*No tener ni un céntimo/duro/real*» и даже «*kópek*» — «Не имеет ни копейки». Б) «*Irsele la cabeza/ el coco / la olla/ la cebolla/ la pelota a alguien*» в значении «Крыша поехала, сбрендил».

Особо выделим **сравнения**, которые могут не употребляться в определённых семиотических пространствах. Более того, их значение само по себе может быть непрозрачным, однако первая часть фразеологизма полностью раскрывает их смысл: «*Mentir más que un duro sevillano/ un sacatuelas/ la Gaceta/ un bellaco*» — «Врать как сивый мерин». Дословно «Врать больше, чем севильский дура, больше чем, зубодёр, больше чем Ла Гасета, больше чем/ как шельма».

Столкновение в межкультурной коммуникации сравнений, принятых в отдельных семиотических пространствах, обогащает речь всех сторон, а возникающий при этом юмористический эффект, как и эффект неожиданности, ещё более интенсифицирует высказывание, способствуя успешности коммуникации.

Таким образом, несмотря на мультивариативность испанского языка, в процессе межкультурной коммуникации не обязательно обеднять свою речь, отказываясь её интенсифицировать из опасения быть не понятым реципиентом. При следовании ряду вышеперечисленных принципов речь может оставаться богатой и разнообразной, хотя и не вполне соответствующей конкретному семиотическому пространству или национальному варианту.

Литература

[1] Иовенко В.А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации, Вестник МГИМО Филология №: 4 (31) 2013.

[2] Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте. Вестник Российского Университета Дружбы Народов, №1. М., 2015. 260 с.

[3] Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб.: Изд-во Искусство-СПБ, 2000. 701 с.

[4] Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. — 235 с.

[5] Чеснокова О.С. Индихенизмы мексиканского национального варианта испанского языка как культурно значимая лексика. Вопросы филологии. 2006, №3 (24).

Присяжнюк Ю.Г.
(Россия, Москва)

Французские заимствования в английском языке

Заимствование языковых явлений из одного языка в другой по праву считается одним из наиболее древних процессов межъязыкового взаимодействия. Разного рода заимствования и калькирования на современном этапе развития языков являются наиболее репрезентативным способом обогащения словарного состава каждого языка, который представляет собой самый подвижный языковой компонент, находящийся в процессе постоянного изменения, поскольку именно лексика обращена к объективной действительности и непосредственно отражает все, что в ней происходит.

В качестве материала были выбраны статьи и работы многих зарубежных авторов по вопросам английской лексикологии (к примеру, Г.Мак-Найт, Г. Брэдли, Л. Смит, Э. Уикли, О.Есперсен, О. Эмерсон, Дж. Гринаф, Дж. Киттредж и др.). В своих работах они придерживаются того представления, что развитие и обогащение английского словарного состава происходило главным образом за счет

лексических заимствований из других языков. Слова в основном заимствуются из следующих языков: латинский, французский, итальянский, испанский, голландский, русский, немецкий, восточные языки.

Нормандское завоевание повлияло на законодательство, религию, медицину и искусство англичан. Поскольку говорившие на французском и латыни были довлеющей силой, британцам приходилось заимствовать слова хотя бы для того, чтобы понимать новых правителей.

Некоторые новые слова смогли вытеснить английские аналоги, существовавшие несколько столетий, и закрепиться благодаря связям с источником. Англосаксонские слова *king* (король) и *queen* (королева) избежали французского влияния, но с норманнами пришли такие титулы, как *duke* (герцог) и *duchess* (герцогиня). Британцам пришлось узнать значение этих слов и принять их если не в повседневное, то в частое употребление.

Влияние французского языка внесло и другие понятия, которые британцы могли считать более абстрактными определениями своих исконных слов. Примерами могут служить английское *child* (ребенок) против французского *enfant* или английское *freedom* (свобода) в сравнении с французским *liberte*.

Рассматривая источники, можно разделить все слова на две группы: полностью усвоенные и частично усвоенные. Среди частично усвоенных слов сохраняются следы иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических или семантических особенностей, которые не свойственны системе заимствующего языка.

Однако, практически во всех случаях заимствования при переходе из одного языка в другой слово нуждается хотя бы в небольшом изменении фонетической оболочки.

Необходимо принять во внимание, насколько отходящая от норм произношения форма заимствованного слова

изменилась под влиянием новой фонетической системы, или, наоборот, насколько оно сохранило прежнюю фонетическую оболочку. Например, французское выражение *déjà vu* имеет несколько вариантов произношения в английском языке: [deʒa vu], [deʒa vuw], [deʒa vjuw]. Во втором случае происходит замена лабиализованного гласного переднего ряда [y] на более привычный английскому языку гласный /u/, выраженный дифтонгом [uw]. Третий случай иллюстрирует процесс внедрения полугласного [j] между согласным и гласным звуками, таким образом, *vu* читается как *vieu*. Некоторые французские заимствования остались с неизменной фонетической оболочкой, возможно, из-за удобства произношения: *pendant, chalet, bouquet*.

В результате Норманнского завоевания пополнение состава английского языка происходило также и вследствие того, что с приходом норманнов в Англию появились новые виды деятельности, не известные древним англичанам.

Необходимо отметить, что подвергшись различным морфологическим, фонетическим и лексическим изменениям, многие заимствования утратили свой французский облик и не воспринимаются более как иностранные слова. Путь, который прошли заимствования до их полного усвоения языком, был многоэтапным. Подчиняясь законам заимствующего языка, некоторые заимствования развили новые значения, не свойственные их изначальным вариантам.

Наибольшее влияние на английский язык французский язык оказал в среднеанглийский период. Попытки продолжить накопление заимствований в XX веке особого успеха не принесли, так как надобность в заимствованиях отпала, и язык стал самодостаточным.

Литература:

- [1] Аракин В.Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2003.
- [2] Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.

[3] Расторгуева Т.А. История английского языка: Учебник для вузов. М.: АСТ, 2003.

[4] Ярцева В.Н. «Лингвистический энциклопедический словарь». М.: Советская Энциклопедия, 1990.

Прудникова А.А.

(Россия, Москва)

Понятие американизм в его историческом аспекте

Жители Америки говорят на языках, унаследованных от Старого Света — испанском, английском, французском и португальском. При сравнении «американского» узуса с европейскими вариантами этих языков, помимо различных фонологических, морфосинтаксических вариаций, можно отметить, прежде всего, вариации лексического характера, которые отражены и закреплены посредством глоссариев, лексических и энциклопедических словарей. Такие лексические особенности получили название «американизмы». Под термином «американизм» понимается (в лексическом аспекте) как слово, принадлежащее языкам коренных жителей Америки или происходящее от них, так и слово, оборот, типичные для разговорного испанского любой страны Латинской Америки.

Первыми туземцами, с которыми столкнулись испанские завоеватели, было население Антильских островов, говорившее на арауакском (*arahuaca*) и карибском языках. От них-то и был почерпнут первый и самый старый пласт индейских заимствований, распространившихся по всей Америке и проникших во многие языки мира: *tabaco* ‘табак’; *maíz* ‘маис’; *hamaca* ‘гамак’; *huracán* ‘ураган’ и т. д.

Первым документом, в котором можно было найти американизм в испанском языке, является «Письмо Колумба», датированное 15 февраля–14 марта 1493 г. После своего первого путешествия через Атлантический океан Колумб

написал краткий отчет об «Островах Индии, расположенных за Гангом». Колумб хотел объявить о своих последних открытиях и заручиться финансовой и политической поддержкой для нового путешествия. В этих документах несколько раз встречается слово «каное» (canoas):

Estos tienen muchas canoas, con las cuales corren todas las islas de la India (pag.20).

Многие «американизмы» были заимствованы из языков коренных жителей Кубы и Доминиканской Республики, первых колонизированных испанцами земель, так же как и из языков великих американских цивилизаций доколумбовой эпохи, в основном, таких народов, как ацтеки, инки и майя:

Гуарани: *ñandú* ‘нанду’, *ananá* ‘ананас’, *tatú* ‘броненосец’, *cajú* ‘кешью’, *yacaré* ‘аллигатор’ и др;

Тупинамба: *jaguar* ‘ягуар’, *mandioca* ‘корнеплод’, *tucán* ‘тукан’, *tapir* ‘тапир’ и др;

Мапудунгун: *chaucha* ‘бобы’, *gaucho*, *che* и др;

Майя: *cenote* ‘провал’, *cigarro* ‘сигарета’ и др;

Науатль: *aguacate* ‘авокадо’, *chocolate* ‘шоколад’, *cacao* ‘какао’, *tomate* ‘томат’, *coyote* ‘койот’, *hule* ‘резина’, *cacahuate* ‘арахис’, *chile* ‘перец’, *guacamole* ‘соус’, *jícara* ‘тыква’ и др;

Кечуа: *sancha* ‘спорт. площадка’, *carpa* ‘карп’, *caucho* ‘резина’, *choclo* ‘кукуруза сахарная’, *cóndor* ‘кондор’, *curaca* ‘вождь’, *patra* ‘степь’, *rara* ‘картофель’, *puma* ‘пума’ и др;

Таино: *aji* ‘перец чили’, *barbacoa* ‘барбекю’, *batata* ‘батат’, *sacique* ‘землевладелец, вождь’, *canoas* ‘каное’, *caiman* ‘аллигатор’, *saoba* ‘красное дерево’, *Cuba* ‘Куба’, *Habana* ‘Гавана’, *colibri* ‘колибри’, *daiquiri* ‘дайкири’, *hamaca* ‘гамак’, *huracán* ‘ураган’, *iguana* ‘игуана’, *jejen* ‘мошка’, *manati* ‘ламантин’, *maraca* ‘маракас’, *piragua* ‘пирога’, *tabaco* ‘табак’, *tiburón* ‘акула’ и др.

Не подвергается сомнению тот факт, что особенности использования испанского языка в странах Латинской Америки, в первую очередь, связаны с влиянием, которое

оказывает «индейское прошлое», отражающееся в языке. В современном языке жителей Латинской Америки осталось большое количество слов и выражений, унаследованных от некогда великих индейских цивилизаций. Эти заимствования используются не только для обозначения предметов и явлений, свойственных лишь данному региону, но и функционируют, наряду с кастильскими вариантами обозначения, являясь при этом, в различной степени, синонимичными указанным вариантам.

Радович М.

(Сербия, Белград)

Некоторые особенности уругвайской топонимики

В колониальную эпоху для наименования сегодняшнего государства Уругвай использовался термин «Восточная полоса» или «полоса Чарруа», который обозначал территорию к северу от Ла-Платы, от восточного берега реки Уругвай до Атлантического океана, а на севере границей служила южная граница региона Гуайра. Сегодня на этой территории расположено государство Уругвай вместе с бразильскими штатами Риу-Гранди-ду-Сул и частично Санта-Катарина. В период борьбы местного населения за независимость данная область получила название «Восточная провинция» (Provincia Oriental) и только в 1830, при составлении первой Конституции страны, было предложено включить в название государств ссылку на реку Уругвай. Тогда страна стала называться Восточным государством Уругвай (Estado Oriental del Uruguay), хотя это решение не было официально принятым и внесенным в Конституцию вплоть до 1918 года.

Значительное количество имен, обозначающих географические понятия в Уругвае происходит из индейского языка гуарани, однако об этимологическом значении названия самой реки Уругвай существует несколько гипотез. Согласно

наиболее распространенной версии испанского путешественника и естествоиспытателя Феликса де Азары, данный гидроним ассоциируется с птицей уру из рода куропадок, обитающей в тропических лесах бассейна реки Уругвай в регионе северо-восточной части Аргентины и юга Бразилии. Таким образом, данный гидроним можно истолковать следующим образом: *urú* — «уру»; *gua* — «земля»; у — «вода, река» → «**река земли уру**».

Хосе Мария Кабрер в конце XVIII века во время своего путешествия по региону Рио-де-ла-Плата перевел лексическую единицу Уругвай как «река улиток», разделяя гидроним на морфемы *uruguá* («улитка или морская улитка») и у («вода, река»). Вполне возможно, что индейцы, жившие в данном регионе ссылались на вид моллюска *Asolene megastoma*, который изобиловал в реке Уругвай. Есть свидетельства о том, что индейцы потребляли этот вид улитки как в питании, так и в некоторых ритуалах. Помимо того, актуальны теории, согласно которым гидроним Уругвай можно еще истолковать как «птичью реку» или «реку окрашенных птиц».

Разнообразие любопытных историй, связанных с происхождением названия уругвайской столицы Монтевидео продолжает впечатлять. По легенде, португальский марсовый, участвовавший в экспедиции Фернанда Магеллана, увидел с корабля холмистую местность и крикнул: «Monte vide eu!» / «Я увидел холм!» (здесь и далее перевод наш. — М.Р.). Тем не менее, этот вариант большинство ученых не принимают как верный.

Вторая гипотеза об этимологии Монтевидео исходит из дневника Франсиско де Альба, другого участника экспедиции Магеллана, в котором упоминается, что в январе 1520 года они находились в Пунта-дель-Эсте и, увидев гору по форме похожую на шляпу, дали ей название «Monte Vidi» / «Я увидел гору». Однако в дневнике не упоминается выкрик марсового,

хотя некоторые авторы утверждают, что португалец скорее произнес фразу в настоящем времени: «Montem video!».

Согласно наиболее интересной из гипотез о происхождении данного топонима, Монтевидео можно расшифровать следующим образом:

Monte-VI-D-E-O (*Monte VI De Este a Oeste* / Шестая гора от востока к западу)

Есть мнения, что испанцы внесли название холма в морской справочник а качестве наименования шестой возвышенности, которую видно если плавать вдоль Рио-дела-Плата с востока к западу. Со временем эти слова слились в одно и осталось название Монтевидео. Пока не найдены разящие доказательства, которые подкрепили бы эту теорию и остается неизвестным, какие в этом случае пять холмов испанцы увидели на своем пути в Монтевидео.

Литература

[1] Чеснокова О.С. Основы лексикологии испанского языка: Учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 79 с.

[2] Ormazába N. «El origen de la palabra «Montevideo»». www.montevideanos.com Consultado el 13 de marzo de 2014.

[3] Caorsi L. «El sexto monte». www.laverdad.es Consultado el 19 de febrero de 2014.

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ, ПЕРЕВОДА И ДИСКУРСА

Андрющенко И.С.
(Россия, Москва)

Транскрипция как способ перевода имен собственных

Считается, что перевод собственных имен задача несложная, не вызывающая каких-либо трудностей. К тому же, переводом это называется довольно условно, поскольку основным способом передачи имен собственных является транскрипция.

Имя собственное имеет свой локальный колорит, поэтому переводчик должен стремиться к тому, чтобы как можно более точно передать его в переводе, выполнить эту задачу возможно, сохраняя звукографическую оболочку заимствованного имени собственного, т.е. используя метод транскрипции.

Определение транскрипции достаточно четко сформулировано многими авторами. Казакова Т.А. определяет их следующим образом: «**Переводческая транскрипция** — это способ перевода лексической единицы путем формального фонемного воссоздания исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова» [3].

Например:

Jack-Джек (транскрипция), Newton-Ньютон (транскрипция), Wales — Валлис (устаревшая транслитерация), Уэльс (транскрипция).

Транскрипции подлежат всевозможные собственные имена (названия лиц, географических объектов, небесных тел, учреждений, организация, морских и речных судов, газет,

журналов и т.д.). Правила переводческой транскрипции при переводе с русского языка на английский не до конца разработаны, что создает дополнительные сложности при переводе. Историческое развитие языка и несовершенство письменностей русского и английского языка привело к тому, что один и тот же звук русского языка может передаваться разными английскими буквами или сочетаниями букв.

Например:

Звук «ю» в имени Юлия может быть передана как Yulia, Uliа, звук «е» в фамилии Елисеев — Yeliseyev или Eliseyev, звук «щ» в фамилии Щербаков — Scherbakov или Shcherbakov

В таких случаях лингвисты советуют переводчикам руководствоваться «правилами здравого смысла и личными предпочтениями» [3] и, безусловно, справочниками и словарями.

Несмотря на то, что унификацию и регламентацию правил транскрипции при переводе имен собственных начали еще такие выдающиеся лингвисты как М.В. Сперанский и Л.В.Щерба, до сих пор не существует единой системы правил транскрипции, что приводит к появлению нескольких вариантов перевода и ошибкам в понимании имен собственных [4].

Например:

Название города Орёл передается на английский язык как Orel, Oryol, Oriol. Фамилию Galsworthy можно передать как: Галсворти, Галсуорти, Галсуэрти, Гелзворти, Гелсворти, Голсорти, Голсуорти и т.д. Традиционный вариант перевода Голсуорси.

Между тем, как считает Гиляревский Р.С., единообразие в транскрипции совершенно необходимо. Во-первых, без единообразия транскрипции страдает документация, нередко теряется возможность отождествления географического названия, фамилии и т.д. Это, в свою очередь, затрудняет поиск информации, работу статистических органов, составителей справочников, указателей, а нередко и

правильное понимание текста. Во-вторых, затрудняется нахождение исходной формы имени (ретранскрипция). В-третьих, единообразие в написании имен, как и всякое единство орфографии, является показателем общей культуры языка.

Определенную трудность при транскрибировании составляет несовершенство письменностей языков, так в силу исторических причин письменность английского языка отличается множеством произносимых или по-разному произносимых букв и буквосочетаний.

По мнению Гиляревского Р.С. «нет «правильной» или «неправильной» [1] транскрипции есть только транскрипция, соответствующая или несоответствующая норме». Нормы же эти устанавливаются постепенно и эволюционируют со временем. Формализовать в транскрипции можно далеко не все, так, когда транскрипция выступает как компонент в системе художественного перевода, нормы транскрипции не могут быть полностью унифицированы и многое остается на долю художественного чутья переводчика. В то же время, чтобы давать обоснованные отклоняющиеся от нормы варианты, нужно овладеть этой нормой в максимальной степени.

Литература:

[1] Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

[2] Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.

[3] Казакова Т.А. Практические основы перевода: учебное пособие. СПб.: Перспектива, 2008. 319 с.

[4] Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. 136 с.

Ануфриев А.А.

(Россия, Москва)

**Особенности сочетаемости глаголов внутреннего
состояния в конструкции эксплицитного модуса
(на материале испанского языка)**

Как известно, любое высказывание так или иначе связано с определённым состоянием сознания говорящего. Более того, можно говорить о том, что оно связано не с одним, а с «множеством интенциональных состояний». За каждым высказыванием тянется «скрытый шлейф» ментальных установок в независимости от того, эксплицируются они говорящим или нет [Павилёнис Р.И., 1986:382].

Сказанное выше становится очевидным при анализе выражения категории оценки в конкретном языке, использующем для этого широкий спектр средств. Одним из основных средств выражения субъективной оценки в испанском языке служат предикаты внутреннего состояния (*creer, suponer, comprender, esperar, lamentar* и др.). Часто говорящий использует данные глаголы в так называемых конструкциях эксплицитного модуса в качестве пропозициональной установки (*temo/sospecho/dudo que*). В зависимости от прагматических целей говорящий выбирает тот или иной предикат, стремясь наиболее точно выразить своё отношение к ситуации.

Наиболее употребительные глаголы внутреннего состояния, как правило, имеют широкую семантику. Они могут описывать один вид оценки (*dudar, saber*), но часто совмещают в себе различные виды: эпистемическую и эмоциональную (*esperar, comprender*), эпистемическую и перцептивную (*ver, sentir*).

Интересно, что нередко говорящий выбирает не один, а несколько глаголов. В этом случае модальная рамка высказывания содержит различные пропозициональные установки, относящиеся к одной и той же пропозиции. В

таких контекстах предикаты могут, как дублировать, так и дополнять семантику друг друга, описывая определённое сочетание внутренних состояний.

В испанском языке далеко не все оценочные глаголы могут употребляться друг с другом, управляя одной пропозицией. Некоторые сочетания глаголов, хотя и попадают, выглядят скорее окказиональными.

Мы сосредоточим внимание на наиболее часто встречающемся сочетании из двух глаголов — конструкции вида *creo y supongo que...*... Большинство таких конструкций образовано глаголами *creer*, *suponer*, *sospechar*, *esperar*, *presumir*, которые могут сочетаться друг с другом и с большим количеством менее употребительных глаголов.

Представляется интересным проанализировать, насколько частотность употребления таких конструкций может зависеть от порядка предикатов. Наиболее употребительные глаголы (*creer*, *esperar*, *suponer*) чаще выступают первыми. При этом при сочетании глаголов более узкой (*opinar*, *considerar*) и более широкой (*creer*, *sospechar*) семантики, часто именно базовый оценочный предикат идёт вторым («*Pero presiento y creo que no se tardará*»).

Если конструкции, образованные сходными по семантике глаголами мнения и предположения часто выглядят скорее риторическими фигурами, то в сочетаниях чисто эпистемических предикатов с предикатами, сочетающими в себе эпистемическую и аксиологическую оценку, обе лексемы обычно противопоставлены друг другу. Например, при сочетании *suponer* и *esperar* семантика последнего глагола, видимо, упрощается и исчерпывается описанием эмоции, так как первый берёт на себя чисто эпистемические функции, т. е. глаголы семантически отдаляются друг от друга («¿*Cómo estás? Supongo y espero que muy bien*»). Как правило, глагол, в большей степени связанный с эмоциональной оценкой, занимает второе место в

конструкции, дополнительно окрашивая эпистемический прогноз.

Представляется важным также коснуться проблемы выбора наклонения глагола подчинённой пропозиции. Общеизвестно, что особенностью испанской грамматики является зависимость выбора наклонения глагола в диктуме от семантики пропозициональной установки. При употреблении в модусе двух или более предикатов говорящий должен выбрать одно наклонение для диктального глагола. Исходя из этого, большой интерес для нас представляют контексты, где один глагол употребляется преимущественно с индикативом (*creer, suponer*), а другие с субхунтивом (*esperar, temer*). Хотя единого правила для выбора наклонения в подобных контекстах вывести невозможно, вполне реально выявить определённые тенденции, связанные как с порядком употребления предикатов модуса, так и с их способностью менять свою семантику в контексте.

Итак, можно указать наиболее общие тенденции употребления двух оценочных предикатов, управляющих одной пропозицией: глаголы либо дублируют или уточняют семантику друг друга (один вид оценки), либо сужают свою семантику, расходясь друг с другом в значении (разные виды оценки). При этом для некоторых лексем характерен определённый порядок употребления (1-ая или 2-ая позиция), позиция других зависит от более употребительного предиката-«соседа». Без сомнения более подробный анализ подобных конструкций поможет лучше понять семантику оценочных предикатов и расширить представление об их употреблении.

Литература

[1] Павилёнис Р. И. Понимание речи и философия языка. // Новое в зарубежной лингвистике, выпуск 17. Москва, 1986. С. 381–388.

Боброва С.Е.
(Россия, Москва)

О новых понятиях и терминах в переводоведении

В последнее время в англоязычных источниках, посвященных проблемам перевода, автор все чаще встречается термин *transcreation*. Данный термин используется не только в работах специалистов по переводу из англоязычных стран, но и в работах иностранных лингвистов, изучающих стратегии и приемы перевода текстов определенных жанров с английского языка на свои национальные языки. Исследуя содержание работ по переводу, а также контексты употребления термина *transcreation*, автор приходит к выводу, что термин и стоящее за ним понятие находятся в стадии становления применительно к лингвистической сфере.

В основном, это объясняется двумя причинами. Во-первых, само понятие зародилось не в языкознании, а в сфере бизнеса и маркетинга, что отразилось на его объеме и содержании. Во-вторых, в последние десятилетия лингвистика занимается проблемами коммуникации, в частности, изучает понятие коммуникативного успеха, т.е. выходит за рамки традиционных проблем языкознания в сферу речевого общения. В переводоведении для достижения коммуникативного успеха допускаются значительные изменения формы языка-источника, вплоть до полного отказа от нее, с целью выражения сути сообщения. Речь идет о разнообразных функционально — коммуникативных заменах, или прагматической адаптации оригинала, в соответствии с языковыми и культурными потребностями получателей.

Ключевым понятием бизнеса в рыночной экономике является понятие продукта как товара; главные задачи — успешное продвижение товара на рынке и освоение новых рынков. Язык в данной системе координат является одним из ключевых средств, способствующих продвижению товара.

При трансграничном движении товара встает задача перевода сопроводительных рекламных материалов на национальные языки, донесения информации о свойствах товара. Так на первый план выходит язык и успешный перевод как средство достижения коммерческого успеха. Получатель информации о товаре и потребитель сходятся в одном маркетинговом понятии. Понятие успешности, коммерческого успеха оказывается тесно связанным с языковым выражением. Разумеется, маркетинг основывается и на других средствах продвижения товара, таких как графика, видео, музыка, звук, цвет и пр. Однако ведущим каналом выражения информации о сущности и привлекательности нового товара остается естественный язык. Так в понятии коммуникативной успешности пересекаются коммерческие и лингвистические интересы.

При чтении англоязычных работ по переводоведению, привлекающих понятие *transcreation*, при всем осознании специфики этого понятия и его происхождения, становится очевидным, что для лингвистики и переводоведения данная тема не новость. Анализируем концепции переводческой эквивалентности и соотнесенные с ними классификации переводческих приемов зарубежных и отечественных лингвистов и переводчиков, таких как Ю. Найда, П. Ньюмарк, Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л.К. Латышев и многих других. В той или иной мере, применительно к разным парам языков, мы видим попытки решения проблемы переноса языковой формы в новую среду в тесной связи с сутью сообщения. Коммуникативный подход к пониманию соотношения языковой формы и содержания выводит ученых на выделение в речевой единице уровня коммуникативных интенций автора и учета им прагматики получателя. Межкультурный анализ позволяет выделить типичные для данной культуры особенности прагматики получателя; лингвистическая прагматика изучает особенности каждого отдельного

речевого акта. Все чаще употребляются понятия коммуникативный перевод, свободный перевод, креативный перевод, функционально-прагматический перевод, целостная замена, целостное функциональное перефразирование. В англоязычных источниках встречаются термины free translation, free style translation, creative translation, localization, marketing translation.

Таким образом, сфера бизнеса и переводоведение сходятся в понятии конкретного получателя как типичного представителя иной лингвокультурной среды, который в конкретной ситуации общения интерпретирует получаемое сообщение, а затем делает определенный выбор. На наш взгляд, в целом, понятие transcreation шире понятия translation, какими бы определениями мы ни ограничивали его объем или, наоборот, расширяли объем понятия translation. Сфера и задачи переводоведения более узко лингвистические, по сравнению с маркетингом и рекламой. Переводоведение ограничивает рамки внеязыкового общения условиями коммуникативной ситуации отправителя и иноязычного получателя вербального сообщения. В связи с этим, на наш взгляд, трактовать каждый случай существенной лингвокультурной адаптации текста оригинала как transcreation означает необоснованно расширять сферу применения данного понятия.

Литература

[1] Echevarría, Evelio. Temporada de Andinismo en Chile. Revista Andina N°79, Club Andino de Chile, 1953. 13 p.

Бройтман М.С.

(Россия, Москва)

**К вопросу формирования кастильских форм
местоименных глаголов**

Процесс формирования романских языков на основе материнского языка представляет интерес не только с точки зрения преподавания специальных предметов, таких как история языка и введение в романистику. Рассматривая этот процесс, мы видим ряд устойчивых тенденций, действующих на протяжении тысячелетий, и очень интересных с точки зрения дальнейшей эволюции романских (и возможно, других языков мира).

Например, такое явление, как стремление многих языков к аналитическим конструкциям и сохранение синтетического грамматического строя в других, или, другими словами, быстрое грамматическое упрощение одних языков и сохранение сложной грамматики другими, всегда вызывает вопросы: почему это происходит? Это далеко не бессмысленный вопрос, и однозначного ответа у нас пока нет. Представляется интересным создать широкую картину языков мира, именно с точки зрения скорости аналитических преобразований, чтобы воссоздать возможные закономерности такого рода эволюции.

В данной работе мы рассмотрим более частные случаи: формирование кастильского страдательного залога.

Мы видим, что на смену особому типу спряжения (с окончаниями *-og* и т.д.) приходит в народной латыни не новая конструкция, а скорей переосмысленная старая, то есть местоименная форма глагола.

Известно, что местоимение *se* в испанских местоименных конструкциях имеет два значения, которые иногда путают:

Во-первых, это винительный падеж, возвратное местоимение со значением «себя» (латинское *se*) — *Lavarse, peinarsse, etc.*

Во-вторых, дательный падеж, со значением «себе» (латинское *sibi*) — *Comprarse un helado, comerse un plato de arroz, etc.*

Во втором типе конструкций мы иногда переводим его как «себе», а иногда вынуждены прибегать к другим способам перевода, используем совершенный вид глагола, как «уйти» *irse*, «съесть» *comerse* и т.д.

Как видно из позднелатинских текстов, возвратные формы романских языков с самого начала складывались на основе как возвратных местоимений, так и местоимений дательного падежа.

Грамматики классической латыни предполагают отсутствие в латыни возвратных глаголов как таковых, хотя и существует возвратное местоимение *se*. Между тем даже в ранних латинских источниках, таких как стихотворения Катутлла (1 в. до н.э.), где язык близок к разговорному, можно найти много случаев употребления возвратного местоимения с глаголом вместо страдательного или медиального залога. Например:

Nec sese a gremio illius movebat...(3) — Не двигался (никуда) с ее колен... (о воробье); *...seque dedicat tibi...* (4) — ...и посвящает себя тебе...; *quid esset iam Bithynia, quo modo se haberet...* (10) — что такое Вифиния, каковы там обычаи...; *ego, ut puellae / unum me facerem beatiorem...* (10) — я, чтобы показаться девушке более удачливым...

В последнем из этих примеров *se facere* — народная латинская перифраза, из которой напрямую происходит в испанском *hacerse*, в значении «притворяться».

В классической латыни существовал ряд безличных глаголов, как пережиток древнего класса неактивных глаголов, или глаголов состояния. Это были глаголы, где агент являлся дополнением в винительном падеже, например:

me miseret — мне жаль, *me piget* — мне досадно, *me taedet* — мне скучно, противно, *me paenitet* — я раскаиваюсь, *me pudet* — мне стыдно. Остальные местоимения спряжения таких глаголов: *te, eum (eam), nos, vos, eos (eas)*. (Как нетрудно заметить, безличная конструкция успешно существует и в романских языках. Ее основное отличие от латинской конструкции — дательный, а не винительный падеж дополнения: *me gusta, me da rabia, etc*). При передаче в косвенной речи для третьего лица приходилось использовать возвратное местоимение: *Marcus dicit se taedere*. Вероятно, с большой частотностью безличных конструкций в разговорной речи связано также появление и все более широкое распространение возвратных форм глаголов.

В более поздней народной латыни зафиксированы с V в. н.э. такие местоименные формы как *Sede tibi* (*Pergrinatio Sylvaniae*), то есть использование дательного падежа, по-видимому, *Dativus commodi*.

Таким образом, мы видим сначала в народной латыни, а потом и в романских языках тенденцию к вторжению форм датива на территорию аккузатива, что и отражают приведенные нами примеры.

Литература

[1] Реферовская, Е. А. Истоки аналитизма романских языков. М.: Едиториал УРСС, 2007.

[2] Nicola Gardini. Latino. <https://books.google.ru>.

Головчинер М.Д.

(Россия, Москва)

Литота и мейозис как механизмы образования эвфемизмов

В данной статье литота и мейозис рассматриваются как риторические приемы, используемые в экономическом медиадискурсе. До сих пор неразрешенной остается проблема

соотношения таких понятий как литота, мейозис и эвфемизм, поэтому возникает вопрос о том, могут ли литота и мейозис выступать в качестве способов образования эвфемизмов.

Французский словарь *Larousse* определяет литоту как риторическую фигуру, состоящую в намеренном уменьшении значимости высказывания для того, чтобы собеседник услышал то, что говорящий не произнес.

Ж.-Ж. Робрье в книге *Rhétorique et argumentation* пишет, что литота реализуется за счет экономии средств выразительности, благодаря которой создается эффект усиления значимости высказывания. Принцип литоты может быть сформулирован так: «сказать меньше, чтобы выразить больше» [5].

В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой представлено два определения литоты. Во-первых, это троп, заключающийся в употреблении антонима с отрицанием, как средство риторического «умаления», а во-вторых, по мнению автора, литота совпадает с мейозисом [1]. В этом же словаре под мейозисом подразумевается заведомое преуменьшение степени или свойства.

Таким образом, литота и мейозис считаются синонимичными понятиями или же мейозис может вообще не выделяться как отдельная риторическая фигура. Так, в Словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, в Поэтическом словаре А.П. Квятковского и М.А. Теленковой, в словаре французского языка *Larousse* не дается толкования термину «мейозис».

Л.П. Крысин определяет мейозис как замену словом, выражающим «неполноту действия или слабую степень свойства» [2]. Исследователь также подчеркивает, что данный прием выразительности основан на нарочитом преуменьшении интенсивности свойств предмета речи. В этом Л.П. Крысин видит его соотнесенность с эвфемизмом как со способом непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия.

В. П. Москвин также пишет о связи между мейозисом и эвфемизмом. Определяя первый как замену слова синонимом, выражающим меньшую степень интенсивности, в частности «намеренно сдержанную оценку», он уточняет, что при характеристике отрицательных свойств объекта создается «эвфемистический эффект». Таким образом, мейозис может быть выделен как один из способов образования эвфемизмов.

*Sur le fond, la Commission souligne que ces mesures **risquent de ne pas avoir un effet immédiat** (Le Monde).*

***Loin d'améliorer** le sort de la jeunesse, la loi travail propose simplement de transférer une partie des risques jusqu'à présent assumés par les employeurs vers les salariés (Le Monde).*

Однако некоторые исследователи в качестве механизма реализации эвфемизмов выделяют литоту. Так, например О.С. Ахманова считает, что эвфемизмы, образованные «от противного», то есть за счет отрицательной приставки **не-** от соответствующего антонима, способны выполнять функцию литоты. А Ж.-Ж. Робрье, напротив, уверен, что понятия эвфемизма и литоты следует строго разделять. Литота, в отличие от эвфемизма, утверждает он, выделяет и придает экспрессивную окраску объекту высказывания, в то время как эвфемизм служит для смягчения его негативных коннотаций. Такой же точки зрения придерживается Дж. Молинье, который в *Dictionnaire de rhétorique* пишет, что цель литоты отличается от цели эвфемизма, которая состоит в смягчении информации. Литота предназначена для ее усиления её экспрессивного выражения [4].

*Les manifestations contre l'avant-projet de loi El Khomri ont réuni 224 000 personnes dans toute la France. **Une affluence non négligeable**, alors que la mobilisation s'était largement improvisée quelques jours plus tôt, sur fond de divisions syndicales (Le Figaro).*

Таким образом, хотя определения литоты и мейозиса зависят от используемого подхода, оба понятия способны выполнять эвфемистическую функцию в тексте, иными

словами, литота и мейозис являются способами создания эвфемистического эффекта в медиатекстах.

Литература:

[1] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. М: Едиториал УРСС, 2004.

[2] Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 388.

[3] Dictionnaire Larousse [<http://www.larousse.fr/>].

[4] Molinié G., Dictionnaire de rhétorique, 1992. P. 207.

[5] Robrieux J.-J., Rhétorique et argumentation, 2-ème édition, Armand Colin. Paris, 2007. P.95.

Druzhkov Y.M.

(Rusia, Moscú)

Dificultades de la traducción de refranes como unidades fraseológicas

Lo primero con lo que tropezamos al hablar sobre los refranes en el contexto hispanoruso es su definición.

El diccionario lingüístico ruso define el refrán como «sentencia corta y estable de uso común». En general, es una sentencia rítmica y organizada, que tiene forma de oración completa, de carácter didáctico, en la que está fijada la experiencia multiseccular del cierto pueblo [2]. Por otro lado, el diccionario ruso-español traduce la palabra *poslovitsa* con las variantes siguientes: proverbio, refrán, adagio, pemia [3].

A su vez el Diccionario de la Real Academia Española define la palabra *refrán* como dicho agudo y sentencioso de uso común.

Para una mejor observación de la traducción del refrán como unidad fraseológica, veamos sus funciones fundamentales.

1. La función principal del refrán es ayudar a entender la frase.

2. El adagio frecuentemente termina de dar sentido a la situación, sirve como una especie del punto en la oración. En estos casos el refrán es axiomático y se considera como una señal de la verdad absoluta.

3. La persona que usa refranes en su habla se pone en la posición de «maestro».

4. El refrán puede recopilar el sentido de todo lo dicho, convirtiendo la situación en una especie de apólogo.

5. En la mayoría de los casos, el refrán se introduce fácilmente en el proceso del habla, sin cualquier tipo de razonamientos que lo concreten.

El objetivo del traductor, formulado ya por San Jerónimo, que realizó la traducción de la Biblia al latín es hacer una «traducción fiel pero no servil; no palabra por palabra, pero dando el sentido literal» [5].

En la traducción de refranes tropezamos con ciertas dificultades relacionadas con las funciones específicas de refranes que ya hemos mencionado. En ocasiones, para la traducción de refranes es necesaria una traducción literal. Ahora, trataremos de explicar mejor lo dicho, a base de varios ejemplos de la obra «La hija del capitán» de A.S. Pushkin.

Como hace notar Sergey Davidov, un conocido filólogo ruso, se podría entender toda la novela como una ilustración de dos refranes rusos: «*Береги платье снову, а честь смолоду*» y «*Долг платежом красен*».

Así podemos definir estos refranes como puntos principales que contienen la idea fundamental de la obra [1].

Antes de traducir un refrán, el traductor tiene que elegir una de las siguientes 3 opciones:

1) Usar el equivalente completo de su idioma. La traducción «palabra por palabra» coincide con el equivalente ruso, tanto en las palabras usadas como en el significado.

2) Equivalente incompleto. El equivalente español se diferencia ligeramente del ruso en las palabras usadas.

3) Sustituir la unidad fraseológica por una del idioma al que se traduce pero que no tiene equivalente.

En el último caso es menester tener mucho cuidado, porque muchas veces el contexto de la obra no permite usar cierto refrán.

En la novela *«La hija del capitán»* aparece el siguiente refrán del que ya hemos hablado: *Долг платежом красен*. Su traducción literal sería *«La deuda es bonita al ser pagada»*. Sin embargo, el equivalente español correspondiente sería *«A dineros pagados, brazos quebrados»*. Este refrán en el contexto de la novela carecería de sentido, puesto que el refrán ruso toma aquí un significado nuevo y muy específico, expresado por el traductor mediante otro refrán *«Amor con amor se paga»* [del Amo de Laiglesia, 2005], que pese a no ser una traducción literal refleja el sentido completo que pretende transmitirnos el escritor.

«Береги платье снову, а честь смолоду», cuya traducción literal es: *«Cuida la ropa cuando está nueva y el honor desde joven»*, significa que si hay que cuidar la ropa nueva, con más razón se ha de guardar el honor desde joven. Dado que el traductor no fue capaz de encontrar un refrán equivalente en español, simplemente cita el refrán de manera literal, a modo del consejo que el protagonista recibió de su padre. De esta manera, se alcanza el objetivo de la traducción como una transmisión de la mentalidad del autor.

Sabemos bien que este no es el único caso en el que encontramos dificultades a la hora de traducir refranes. Cualquiera que sea el discurso es evidente que la traducción de unidades fraseológicas como los refranes, exige una modificación radical de su forma. Es decir, habría que poner atención a los juegos de palabras, rima, aliteración, ritmo, asonancia, presencia de arcaísmos en el léxico y en la sintaxis y a la estructura del refrán en general. De esta forma se nos concede la posibilidad de difundir un estudio de esas dificultades en todos los aspectos, que no solo nos ayude a realizar mejor la traducción, sino también a descubrir la naturaleza del refrán en sí.

Bibliografía

- [1] Киндеркнехт А.С. К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. Вып. № 10 (16). Пермь, 2007. С. 3–10.
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
- [3] Martínez Calvo L., Diccionario Ruso-español, editorial Ramón Sopena, S.A., 1965.
- [4] Púshkin A.S. La Hija del Capitán, traducción: Elena del Amo de Laiglesia, Ediciones Gaviota, 2005.
- [5] Vega Cernuda, M.A. La traducción: balance del pasado y retos del futuro, Alicante: Ed. Aguaclara, 2008.

Козловская Е.С.
(Россия, Москва)

Значимость метода герменевтического круга для объективной интерпретации текста

Гуманитарная герменевтика — наука о понимании в широком смысле слова. Материалом для герменевтических исследований чаще всего становятся тексты памятников литературы и различных документов, потому что только текст оказывается единственной формой, в которой могут быть зафиксированы различные проявления действительности. Метод герменевтического круга, постоянное соотношение целого и его частей, позволяет приблизиться к точному пониманию текста, восстанавливая заложенные в него смыслы.

Смыслы, идеи текста, заключены в значениях составляющих текст понятий. Установить значение, которое имеет понятие в данном тексте, возможно только при использовании метода контекстуального анализа — сравнивая контекстуальное и словарное значение конкретного слова, так как значение контекстуальное может сильно

отличаться от значения, зафиксированного в толковом словаре.

«В строгом смысле слова понимание не дает нам нового знания, оно углубляет познаваемое, раскрывает его смысл, его разумные основания и формы» [3, с. 240]. Следовательно, герменевтический подход к анализу направлен на наиболее полное, исчерпывающее понимание текста, путем установления максимального количества содержащихся в нем смыслов.

При этом важно учитывать, что «<...> стремясь к полному пониманию, необходимо разорвать связи истолковываемого с собственными мыслями, ибо в намерения этой связи входит не понимание, но использование в качестве средства того, что в чужих мыслях имеет отношение к собственным. Все должно пониматься и толковаться, исходя из его собственных мыслей. Если оно того не стоит, то и решение герменевтической задачи не имеет никакого смысла» [2, с. 211]. Следовательно, правильное определение заключенных в текст смыслов возможно только при установлении связей между элементами текста, при соотнесении элементов с самим текстом, без привлечения ассоциаций интерпретатора и без опоры на его собственное восприятие текста.

Содержащиеся в тексте смыслы всегда объективны, их невозможно выявить с помощью методов психологической интерпретации. Психологический подход к толкованию текстов, предложенный Шлейермахером в рамках герменевтического анализа, не связан собственно с психологией. По его мысли, психологическое толкование является интерпретацией фактов мышления, зафиксированных в тексте. Исследование психологических особенностей личности автора, описание исторических и социальных условий возникновения произведения никаким образом не способствует восстановлению закрепленных в тексте смыслов. Такой подход, по сути, вообще не является

анализом текста, так как созданный текст объективируется как замкнутая система, не зависящая от воли автора или различных внешних факторов.

Интерпретация текста всегда требует объективности. Понимание происходит в том случае, когда сам «текст остается твердой точкой приписки по отношению к сомнениям, произвольности или, как минимум, множественности возможных интерпретаций» [1, с. 219]. Поэтому герменевтический подход предполагает использование таких методов, которые позволят установить объективные смыслы, закрепленные в тексте, среди них методы анализа и синтеза, составляющие основу герменевтического круга, а также методы семиотического и логического анализа.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что именно герменевтический подход к анализу текста, позволит, на наш взгляд, наиболее полно установить и верно интерпретировать максимальное количество заключенных в тексте смыслов, сделать их очевидными, «то есть не нуждающимся в каких-либо предпосылках, так как очевидность не позволяет нам помыслить явление как-то иначе» [4, с. 20].

Литература

- [1] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- [2] Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом», 2004. 242 с.
- [3] Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. М.: «Контекст», 1989, 1990, 1991.
- [4] Энгвер Н.Н. Гуманитарная герменевтика. Методический сборник. М., 1998.

Костеева Д.Ю.

(Россия, Москва)

**Артикль в переводе стихотворения А. Блока «Ночь,
улица, фонарь, аптека...» на французский язык**

Перевод стихотворений и стихотворных произведений всегда отличался особой сложностью. В этом случае на плечи переводчика ложится груз ответственности не только за правильно переданный ритм, размер и смысл, но и за правильно выбранный артикль, если речь идет о переводе с «безартиклевого» языка на язык, содержащий в своей системе артикль. Так, например, имени существительному в русском языке могут соответствовать четыре варианта перевода на французский — с неопределенным артиклем (*un, une, des*), с определенным артиклем (*le, la, les*), с частичным артиклем (*du, de la, des*) или с нулевым артиклем (отсутствием артикля). Неверно выбранный артикль способен исказить смысл всего произведения.

В известном стихотворении А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» выбор артикля становится одной из ключевых задач переводчика, поскольку все стихотворение с его кольцевой композицией строится на создании образа при помощи перечисления имен существительных. Каждый вид артикля (за исключением частичного, выбор которого здесь невозможен) придает новый оттенок пониманию всей картины.

Рассмотрим подробнее варианты перевода с тремя возможными видами артикля. Первый вариант — неопределенный артикль («*Une nuit, une rue, un réverbère...*»). Употребление неопределенного артикля указывает на принадлежность к какому-либо классу объектов, выражает единичность и говорит о том, что предмет, о котором идет речь, неизвестен читателю. Таким образом, перед нами открывается описание одной из многочисленных ночей, некая улица, некий фонарь и проч. Пространство становится

абстрактным, оторванным от лирического героя, в то время как в оригинале, в стихотворении А.Блока, лирический герой будто видит своими глазами и улицу, и фонарь, и аптеку. Поэтому выбор неопределенного артикля для перевода этого стихотворения будет не совсем удачен.

Второй вариант — определенный артикль. К нему обратился в своем переводе Габриэль Ару (*Gabriel Arout, 1967, Quatre poètes de la révolution*): «*La nuit, la rue, le réverbère...*» Определенный артикль, с одной стороны, указывает на конкретность описания, лирический герой говорит об определенных — ночи, улице, фонаре, — а с другой стороны, подчеркивается идея генерализации, обозначенная в кольцевой репризе. Чувство бесконечного повтора, отсутствия выхода и безнадежности находит отражение в употреблении определенного артикля, предметы обретают свою контекстуальную и ситуационную принадлежность. Ночь, улица, фонарь и проч. в одно и то же время кажутся знакомыми, конкретными и абстрактными, вечными.

Третий вариант — нулевой артикль, наиболее близкий по звучанию с оригиналом стихотворения. Этот вариант представлен в переводе Эммануэля Рэ и Жака Робера (*Emmanuel Rais et Jacques Robert, 1947, Anthologie de la poésie russe*): «*Nuit. Rue. Réverbère. Pharmacie...*» Нулевой артикль воплощает в себе сумму всех актуализаций понятия, называет его своим именем, приклеивает «этикетку», позволяя читателю самому добраться до содержимого. Ночь, улица, фонарь становятся обозначенными, понятными читателю, но не ограниченными в объеме понятия. Отсутствие артикля будто отрывает читателя от реальности, перенося его в мир поэзии, мир абсолютного чувства и рассуждения. Предметы не привязаны к одной конкретной ситуации, тем самым образ бесконечного повтора вырисовывается ярче и правдоподобнее.

Итак, вариант перевода с нулевым артиклем наилучшим образом интерпретирует созданную А.Блоком атмосферу. Употребление определенного артикля также передает главную идею стихотворения, однако версия с нулевым артиклем оказывается ближе к русскому языку по форме, и поэтому является наиболее удачной для перевода на французский язык:

Nuit. Rue. Réverbère. Pharmacie.

Lumière absurde et blafarde.

Même si tu vis un quart de siècle encore,

Tout ainsi restera. Point d'issue.

Si tu meurs, tout sera repris.

Tout comme autrefois répété.

Nuit. Rides glacées sur les eaux du chenal,

Pharmacie, Rue. Réverbère.

(Emmanuel Rais et Jacques Robert, 1947, Anthologie de la poésie russe)

Литература

[1] Charaudeau Patrick, Grammaire du sens et de l'expression, Hachette, Paris, 1992. P.163–190

[2] Ernoult Claude, Aux traducteurs de poésie et à leurs trop rares éditeurs, Tribune. P. 39–42.

[3] Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995.

Кузнецова Ю.В.

(Россия, Москва)

Академический дискурс русского и английского языков

Любой язык представляет из себя сложную систему из разного рода слов, терминов, понятий, которые были заимствованы из других языков или которые возникли в ходе развития того или иного языка. В особенности это касается

развития в области науки, а также возникновения все новых и новых технологий.

Известно, что терминология высшего образования также непрерывно развивается, особенно в условиях активного международного сотрудничества университетов всего мира, в ходе процесса глобализации, а также вступление России в Болонский процесс. Все это обуславливает современную тенденцию стандартизировать систему высшего образования, чтобы было легче взаимодействовать в мировом пространстве образования.

В данной работе будут рассматриваться академические термины русскоязычного и англоязычного дискурса на базе американских, британских и российских ВУЗов.

Академические термины — это термины, которые больше относятся к общенаучной или межнаучной терминологиям, так как они широко используются в сфере высшего профессионального образования и высших учебных заведений.

Согласно О.И. Блиновой в англоговорящих странах можно столкнуться с большим количеством вариантов перевода академических терминов, и это связано с их многозначностью, которая может обнаружиться в процессе номинации или поиска, более подходящего терминообозначения.

Учитывая сложность и разнообразие различных наименования ВУЗов в разных странах, большинство переводчиков сталкиваются с проблемой перевода названий учебных заведений. Например, в России для обозначения высшего учебного заведения, научно-исследовательского института, а также для обозначения административно-управленческого учреждения широко используется термин «институт». Однако, в англоязычных странах данный термин используют только для обозначения научно-исследовательского института («research institute, scientific research institute»). В американской системе образования

широко употребляется термин «school» для обозначения целого ряда учебных заведений: к примеру, high school буквально означает «средняя школа высшей ступени», school of law переводится как «высшая школа права» или «юридический институт», graduate school переводится как «аспирантура».

Следующий термин, который вызывает много споров при переводе на английский язык, — это «факультет». Трудности возникают из-за полисемантической данного термина. Однако, появилась тенденция переводить слово «факультет» не только как «Faculty», но и как «Department». Слово «Department» является типичным академическим термином для обозначения структурных подразделений университета в США. Проблема заключается в том, что американские вузы имеют, как правило, совершенно разные организационные структуры с большим разнообразием структурных подразделений. К примеру, в Йельском университете существуют академический термин «college» («колледж») для студентов, обучающихся в бакалавриате, и термин «schools» («высшие школы») по программам профессионального обучения (например, «Yale Law School»).

При переводе на английский язык наименования должностей профессорско-преподавательского состава также могут вызвать трудности. Причина заключается в том, что в американской системе высшего образования почти всех преподавателей университета называют «professors». Однако, существует определенная иерархия должностей профессорско-преподавательского состава: «assistant professor», «associate professor», «(full) professor». И лишь, последний академический термин является эквивалентом термина «профессор» российской высшей школы. Должность «associate professor» представляет собой аналог должности «доцент» в русском языке. Термин «assistant professor» означает начальную ступень в научно-педагогической карьере, т.е. «преподаватель». Но при этом возникает вопрос:

как лучше перевести должность «старший преподаватель», ведь словосочетание «senior professor» будет неуместным, а термин «senior teacher» не будет адекватным, так как слово «teacher» в официальной английской речи используется для обозначения школьного учителя.

Что же касается британской системы высшего образования, то вопрос о переводе наименований должностей профессорско-преподавательского состава решается легче, поскольку имеются должности, аналогичные должностям в российской академической системе: «lecturer», «senior lecturer», «reader», «professor». Слово «lecturer» хорошо понимается во всем англоговорящем мире — в американских вузах, в отличие от «professors», это сотрудник, который скорее ведет занятия у бакалавров, чем занимается научной работой как основным видом деятельности. Соответственно, отечественные должности «преподаватель» и «старший преподаватель» могут переводиться как «lecturer» и «senior lecturer».

Исходя из вышеизложенного логично использовать следующие переводы наименований должностей российского профессорско-преподавательского состава: «lecturer» («преподаватель»), «senior lecturer» («старший преподаватель»), «associate professor» («доцент») и «professor» («профессор»).

Как известно, системы высшего образования в России, Америке и Великобритании значительно отличаются друг от друга, что обуславливает различия при обозначении академических терминов. Причиной данных различий можно считать традиции применения академических терминов. Также стоит отметить, что из-за своей полисемантичности академические термины могут быть использованы в других научных областях, что также является препятствием при переводе и понимании текстов. Следовательно, при переводе академических терминов необходимо использовать понятия,

которые будут понятны в зарубежной и отечественной высших школах.

Пономаренко Е.Б.

(Россия, Москва)

**Языковые маркеры информационной войны
в текстах СМИ**

В научной литературе предлагается значительное количество разнообразных интерпретаций и трактовок такого феномена, как «информационная война». Сложность и многоаспектность данного явления обусловили потребность его рассмотрения и изучается целым рядом наук: политологией, социологией, семиотикой, историей, психологией, лингвистикой, а также другими научными дисциплинами. Смещение акцентов при толковании термина «информационная война» зависит, в том числе, и от национально-культурных особенностей.

Информационная война (анг. *Information war*) — имеет два основных значения. Во-первых, воздействие на гражданское население, военнослужащих путём распространения определенных сообщений, несущих не только информативную, но и воздействующе-манипулятивную функцию. Во-вторых, целенаправленные действия, предпринимаемые для достижения воздействия на адресат и информационного превосходства над ним путем нанесения ущерба информации и информационной системе противника (в том числе и путем манипуляции) при одновременной защите собственной информации.

К лингвистическому аспекту информационной войны также можно отнести существование в текстах разноуровневых языковых маркеров. Каждая из разновидностей информационной войны (эксплицитная и имплицитная) обладает определённым набором языковых

маркеров, которые могут быть представлены в виде типологических моделей.

Противоборствующие стороны используют в своих интересах разнообразные коммуникативные средства воздействия посредством использования информационных ресурсов: печатных СМИ, телевидения, радио, интернета и других источников. При этом в информационных сообщениях, которые сообщают о фактах, событиях и лицах часто можно встретить такие модальные конструкции как: *не вызывает сомнения, истинно, правда, естественно, однозначно* и т.п.). Когда дается мнение о фактах или событиях информационные высказывания часто маркируются аксио-модальными конструкциями типа: *с моей точки зрения, я считаю, я полагаю, не вызывает сомнения, уверен* и т.п. Когда дается оценка фактов, событий и лиц и их действий, то информационные высказывания маркируются с помощью отрицательной и положительной лексической коннотацией: *отвратительно, ужасно // прекрасно, замечательно, правильно и т.д.*

Информационная война бывает как эксплицитной (и тогда она соотносится с понятием речевой агрессии), так и имплицитной — последняя, как правило, реализуется посредством манипулятивных стратегий и соответствующих тактик и приёмов. В условиях информационной войны именно имплицитное информационное воздействие играет особую роль, и различные тактики речевой манипуляции активно используются современными СМИ. Средствами и способами реализации информационной войны являются любые средства передачи сообщения. Интересно отметить, что активное использование иностранных слов в русском языке является одним из видов ведения информационной войны против России. Сегодня политики и СМИ постоянно меняют смысл слов и правила игры в зависимости от ситуации. Такое «конструирование» сообщений из обрывков

высказывания меняет контекст, и из тех же слов создается совершенно иной смысл сообщения.

Литература

[1] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

[2] Тихомиров С.А. Гипербола и феномен преувеличения: лингвистика и политическая коммуникация (градуальный аспект). Гамбург: LAP, 2012.

Попова Е.Н., Томашевич С.Б.

(Россия, Москва)

Морфемное строение и слоговая структура английского и русского слова: типологический аспект

Объяснение особенностей каждого языка нужно искать во внутренней типологической детерминанте последнего. Типологический анализ языка как системы двусторонних знаков не может считаться полным без выявления особенностей их звуковой формы и характера ее связи со значением. Соотношение звуковых и значащих единиц существенно характеризует тип языка и действующие в нем грамматические тенденции — фузию и агглютинацию, синтетизм и аналитизм, которые могут сосуществовать и в рамках одного языка, подобно тому как «всякое мышление состоит в разделении и соединении» [1, с. 127].

Морфное строение слова. Частота и разнообразие тех или иных типов морфного строения может служить типологической характеристикой языка. Русское слово имеет сложную морфную структуру и может содержать от 1 до 9 морфов, хотя частотные слова включают не более трех морфем. В английском слово содержит 5 морфов, причем частотны одно- и двухморфные слова.

Ввиду большей общей сложности слова в русском тексте число используемых моделей морфемного строения

оказывается выше, чем в английском (56 моделей в русском и 32 модели в английском).

В обоих языках самыми частотными оказались слова, состоящие из одного корня, однако в английском таких слов больше — 44,2% против 36,7% в русском.

В обоих языках изменяемые собственно-знаменательные части речи отличаются от неизменяемых, но в английском это отличие выражено слабее, чем в русском. Английский язык принадлежит к тем флективным языкам, которые пережили процесс упрощения языковой формы и уменьшения числа форм, тем не менее сохранили свою флективную природу. В английском первые два ранга и в существительных и в глаголах занимают одни и те же модели — КФл (0) и КФл. Первые два ранга в неизменяемых частях принадлежат моделям К и К-Сф. В русском языке соответствующие части речи разграничены уже по самой частоте модели у существительных — это К-Ф (43,9%) и К-С-Фл (18,7%); у глаголов К-Фл (21%) и КСФл (17,4%).

Наибольшее разнообразие морфемных моделей отмечено у английского существительного, в русском языке — у существительного и глагола.

Слоговая структура слова. Диапазон длины в синтетическом русском больше, чем в аналитическом английском: 9 слогов в русском и не более 5 в английском. Разграничение классов слов и, в частности, положение местоимений, по диапазону из длины в слогах в исследуемых языках не совпадает. В английском знаменательные слова противопоставлены служебным. Местоимение по диапазону длины (от 1 до 4 слогов) не отличается от глагола, наречия, числительного, наравне с ними, противопоставляясь существительным и прилагательным, длина которых может достигать до 5 слогов и служебным словам, имеющим длину не более 2 слогов. В русском языке максимальной длиной в 9 слогов характеризуются прилагательные, в 8 — существительные и глаголы, в 7 — наречия. Им

противопоставляются местоименные и служебные слова. Их длина соответственно 3 и 4 слога. Самыми частотными в английском языке являются односложные слова. Их частота резко превышает частоту слов иных типов и составляет почти $\frac{3}{4}$ слов — 72,8%. В русском языке частота односложных и двусложных слов близка: соответственно 29,8% и 28,8%. Большой удельный вес односложных слов в английском языке — отражение его аналитизма. В синтетическом русском слова значительной слоговой длины более частотны, а именно двух- и трехсложные. Средняя длина слова в слогах в русском языке выше, чем в английском: 2,1 слога в русском 1,34 в английском.

Соотношение морфемных и слоговых границ. В английском языке, как и в русском, морфные границы большей частью расходятся со слоговыми, то есть действует фузионная тенденция и, чем ближе морфный стык к флексии, тем чаще он не совпадает со слогоразделом.

Различия в звуковой форме частей речи подтверждает существование категориальной связи между звучанием и значением. В русском языке как более грамматичном разграничение частей речи по их звуковой форме проведено ярче и последовательнее, чем в английском.

Регулярность проявления различий в слоговой организации слов, принадлежащих разным классам слов, обусловленность этих различий функционально-семантическими и грамматическими свойствами слова и типом языка свидетельствуют о том, что звуковая форма значащих единиц не полностью произвольна и содержательной стороне принадлежит ведущая роль, при этом «цельносистемная организация языка вовсе не исключает его типологической неоднородности» [2, с. 710].

Использование полученных данных в практике преподавания английского языка русскоговорящим студентам, в спецкурсах по сопоставительной грамматике английского и русского языков, при чтении курсов по

системной типологии языков дает возможность глубже понять и изучить язык.

Литература

[1] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

[2] Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М., 2010.

[3] Саркисян Л.В. Морфемное строение и звуковая форма английского и армянского слова в категориальном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Регнацкая И.В.

(Россия, Москва)

Семиотический метод исследования испанского песенного дискурса

(на примере песенных текстов Алехандро Санса)

В предлагаемом исследовании делается попытка проанализировать на основе песенных текстов Алехандро Санса особенности идеологии автора, а также провести лингвистический анализ для раскрытия скрытого смысла его песен, всегда имеющих широкий общественный резонанс.

В последние годы идеология становится объектом междисциплинарных исследований, включающих когнитивную и социальную психологию, социологию и анализ дискурса [2]. В настоящее время следует уделить особое внимание идеологической функции авторских песен, тому, каким образом она передается, а также формированию идеологических сторонников исполнителей и востребованности данного явления, что и обуславливает актуальность данной работы.

Новизна данного исследования заключается в применении семиотического метода при исследовании песенных текстов Алехандро Санса.

Цель данной работы заключается в исследовании песенного дискурса А. Санса с применением семиотического метода для изучения авторской идеологии и приемов ее выстраивания, а также используемых А. Сансом способов передачи скрытого смысла (посредством различным тропов) в песенных текстах.

Материалом данного исследования являются песенные тексты Алехандро Санса, как одного из самых известных и влиятельных артистов как в Испании так и в других странах Европы, Северной и Южной Америки. А. Санс является композитором и автором всех своих песен и продолжает занимать первые позиции испанских и европейских рейтингов, количество его подписчиков в социальных сетях растет с каждым днем, что подтверждает его значимость и влиятельность на мнение и суждения его слушателей, а также формирование их идеологии. Музыка Алехандро Санса относится к различным жанрам, сочетая в себе такие стили как поп, рок, фламенко, техно и др., что объясняет широкую аудиторию его слушателей [1].

Теоретической основой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов по теории дискурса (И.Р. Гальперин, Г.Л. Орлов, В.Г. Борботько, З.Я. Тураева, А.А. Романов, Н.Д. Арутюнова, Ю.Е. Прохоров, Э. Бенвенист, Т.А. Ван Дейк, Р. Водак, З. Харрис, П. Серио, М. Стаббс и другие), по анализу песенного дискурса (М.В. Смоленцева, А.М. Черемисин, О.В. Шевченко, Ю.Е. Плотницкий, Cascales B.P., Escamilla J. y Morales E., Filardo Llamas L. y Iglesias Botrán A. M., Flores S., Gallucci M. J., Iglesias Botrán A.M., Rierola Puigderajols A.M. и др.), по теории семиотического метода (К.Р. Аугусто Веласкес, Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Греймас, К. Бреммон и др.), по языку и идеологии (А.И. Домашнев, Т.Б. Крючкова, В. Дикманн, Г. Клаус, Г. Кресс, Р. Ходж, В. Шмидт, Т.А. ван Дейк, Э. Лассан и др.).

В докладе предпринят анализ песенного дискурса А. Санса с позиции исторического контекста и лингвистического

рассмотрения песенных текстов исполнителя, которые включают описание языковых средств, используемых для передачи скрытого смысла и идеологии автора.

Исследование показывает, что А. Санс использует в качестве основных приемов такие, как метафоры, антитезы, аллюзии, олицетворения, эпитеты, анафоры, гиперболы, оксюморон, параномазию и другие для передачи скрытого смысла своих текстов, посвященных определенной тематике (чаще всего политике, дружб и любовной теме) сквозь призму определенно выстроенной идеологии.

Литература

- [1] Alejandro Sanz: http://www.alejandrosanz.com/es_ES.
- [2] Van Dijk, T. A. *Ideology: A multidisciplinary approach*, 1998.
- [3] Filardo Llamas, L.; Iglesias Botrán, A. M. *Canción vs violencia. Respuesta al 11 de septiembre en la canción norteamericana. El caso de los Black Eyed Peas. Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*, [S.l.], oct. 2010, v. 5, P. 29-40.
- [4] Лассан, Э. Лирическая песня как идеологический феномен / Э.Лассан // *Политическая лингвистика*. 2009. Вып. 4(30). С. 14–31.
- [5] Velásquez, Carlos Augusto. *Comunicación, semiología del mensaje oculto*. 6.ª ed. Guatemala, ECO ediciones, 2006.

Рехнюк Д.С.

(Россия, Москва)

«Спираль: мемуары трейдера» Жерома Кервьеля: лингвостилистический анализ

Жанр мемуаров обретает сегодня значительную популярность. Книга «Спираль: мемуары трейдера» («L'engrenage : mémoires d'un trader»), опубликованная в 2010 году Жеромом Кервьелем (Jérôme Kerviel), является подлинным описанием жизни французского экс-трейдера во время его работы в банке «Société Générale» («Сосьете Женераль»). Имя Кервьеля стало широко известно в январе

2008 года, когда банк «Société Générale» заявил о том, что в результате его махинаций были понесены убытки в размере 5 миллиардов евро. Зная механизмы безопасности банка, Жером использовал компьютерные системы компании, чтобы осуществить мошенничество. В октябре 2015 года суд вынес приговор: Жером был признан виновным и приговорен к трем годам заключения, двум годам условно и возмещению убытков банка в размере 4,9 миллиарда евро [3].

Мемуары экс-трейдера отличает особый стиль повествования. Авторский нарратив включает в себя большой набор профессионализмов — слов и выражений, свойственных речи какой-либо профессиональной группы [1], которые представлены в основном заимствованиями из английского языка (*des traders* –трейдеры; *la cash machine* — банкомат; *desk* — рабочее место трейдера; *warrants* — варранты; *reporting* — отчетность; *after market* — внебиржевой рынок ценных бумаг; *fat finger* — нажатие одним пальцем двух клавиш; *PC* — персональный компьютер; *un sms* — сообщение, и т.д.). Большинство профессионализмов вводится курсивом, если в тексте идет их перечисление, и реже — с помощью кавычек, когда термин в предложении единичен.

Ввиду того, что в тексте содержится большое количество терминов, автор вводит их с помощью внутритекстовых комментариев [2]: «Nos chefs nous adressaient lorsque les gains s'accumulaient : « Alors, **la cash machine**, ça laisse ? » (Comprenez : « Ça gagne ? ») — Наше начальство обращалось к нам, когда появлялась прибыль: «Ну что, **банкомат** работает?» (Понимайте как: «Мы в выигрыше?») (здесь и далее перевод наш — Р.Д.); Mais parmi les traders, il y en a dont le métier consiste à vendre à de gros investisseurs ces produits financiers émis par la banque qu'on appelle «**warrants**». — Но среди трейдеров есть такие, чья задача заключается в том, чтобы продать крупным

инвесторам эти финансовые продукты, выпущенные банком, которые называются «**варрантами**».

Что касается особенностей на уровне синтаксиса, рассказ строится в основном с помощью сложных предложений, а именно сложноподчиненных, что свойственно повествованию как функционально-смысловому типу речи. Сложносочиненные предложения, напротив, тяготеют к разговорной речи. Встречаются также бессоюзные и неполные предложения, обладающие большей выразительностью и усиленной интонацией.

Выразительные средства также находят широкое применение в тексте романа. Зачастую они связаны с описанием финансового рынка:

- **метафоры**: *une tempête insensée* — сумасшедшая буря; *la fragilité du monde de la finance* — непостоянство в мире финансов; *un matelas de sécurité* — основа сбережений; *les conversations feutrées* — разговоры ни о чем; *le poids de la fatigue* — вес усталости; *bosser dans un fonds* — вкалывать в инвестиционном фонде.

- **фразеологизмы**: *bel et bien* — поистине, окончательно; *gagner du blé* — заработать деньги; *en roue libre* — в свободном полете; *secret de polichinelle* — секрет полишинеля; *pas vu, pas pris* — не пойман не вор; *aller au bout de qch* — не отступаться от чего-л.; *la question tomba comme un couperet* — вопрос свалился как снег на голову.

Интертекстуальные элементы представлены в основном прецедентными именами: *Société Générale* — «Сосьете Женераль» — название банка; *Wall Street* — Уолл Стрит — исторический центр финансового квартала Нью-Йорка; *le CAC 40* — *cotation assistée en continu* — биржевый индекс CAC-40; *France Info* — радио Франции; *LCI* — *la Chaîne Info* — французский телевизионный канал; *SFR News* — служба новостей во Франции.

Не будучи писателем, Джером Кервьель издал мемуары в поистине художественном стиле. Их отличает детализация,

передача эмоций и чувств автора, наличие стилистических средств, в частности, метафор и фразеологизмов, использование элементов других стилей, например, официально-делового, где приводятся примеры различных специальных терминов из экономической сферы. Все эти приемы служат одной цели: максимально вовлечь читателя в круговорот событий и повысить динамичность повествования.

Литература

[1] Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: «Норит», 2000. 1456 с.

[2] Найденова Н. С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344с.

[3] Kerviel J. «L'Engrenage: mémoires d'un trader». Paris: Ed. Flammarion, 2010. 280 p.

Старченко Т.Е.

(Россия, Иркутск)

К вопросу о пунктуационном оформлении придаточных условия в современном испанском языке

На протяжении долгого времени письменная форма коммуникации вырабатывала средства, которые способствовали бы объективному восприятию читающим смысла, заложенного автором. Среди таких средств важное место занимает пунктуация.

Как пишет К. Фигерас, знаки пунктуации являются проводником смысла. Они кодифицируют инструкции обработки информации для того, чтобы наиболее полно (правильно) интерпретировать сказанное [4].

Пунктуационная система испанского языка — это результат длительного процесса эволюции: от простой системы указания на паузы и членение на основные

смысловые единства, до более разнообразной, сложной системы, как в отношении знаков пунктуации, так и функций им приписываемых [5].

Среди знаков препинания, вызывающих наибольшие сложности в использовании в испанском языке, лидирующее место занимает запятая.

Объектом нашего исследования послужили сложноподчинённые предложения (СПП) современного испанского языка с придаточными условия (ПУсл) (с запятой и без запятой) поскольку они, наряду с другими придаточными предложениями, вызывают большие трудности с точки зрения выбора говорящим (пишущим) определённого пунктуационного оформления.

Авторы «Орфографии испанского языка», вышедшей в 2010 году, уделяют особое внимание оформлению придаточных предложений. Так, отмечается, что обычно в препозиции к главному предложению ПУсл отделяются запятой. Всегда пунктуационно оформляются ПУсл, находящиеся в середине СПП. В постпозиции ПУсл по отношению к главному наличие запятой зависит от того, выражает ли ПУсл обязательное условие совершения действия. Однако, такой анализ не позволяет объяснить весь обширный диапазон использования запятой. Если исходить из того, что знаки препинания «выражают членение потока нашей мысли» [3] на письме, нам представляется логичным и вполне оправданным рассмотреть процесс пунктуационного оформления с логической точки зрения как составную часть когнитивного подхода к языку, так как «языковая форма, в конечном счете, является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [1].

Вслед за Г. М. Костюшкиной, мы относим СПП с ПУсл к группе придаточных причинно-следственного характера, поскольку в данном типе придаточных с формальной стороны имеется союз или союзное выражение, являющиеся маркером

подчинения, а с содержательной стороны — взаимная зависимость между компонентами сложного предложения. Данная зависимость носит причинно-следственный характер [2].

СПП (при наличии причинно-следственных связей) признаются рядом авторов (А.С. Ахманов, А.П. Комаров, А.Т. Кривоносов, А.Ф. Эккерт) способными коррелировать с умозаключениями. Мы рассматриваем СПП с ПУсл как умозаключения на основе простого категорического силлогизма в виде энтимемы с опущенной посылкой. Энтимемические выводы выражают стремление к лаконизации текста, к экономии используемых средств.

Однако, подчеркивая единство семантических и логических форм, мы ни в коей мере не абсолютизируем роль логики, так как коммуникативная структура языка значительно сложнее, чем структура логической мысли.

Языковой механизм пунктуационного оформления запятой в СПП с ПУсл представляет собой ряд логических операций в соответствии с прагматической установкой говорящего и включает в себя операции умозаключения и возврат к элиминированной посылке.

Возврат к элиминированной посылке необходим для актуализации смыслов из концептуальной сферы говорящего. Запятая является апелляцией к опущенной большей посылке как общему фонду знаний пишущего и читающего. Акцентирование внимания на имплицитном содержании объясняется коммуникативным намерением говорящего (пишущего), базирующегося на личном опыте, общем фонде знаний коммуникантов.

На наш взгляд, предлагаемый механизм выявляет отсутствие произвольности выбора говорящим соответствующего пунктуационного оформления.

Литература

- [1] Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу/ А.А. Кибрик // Вопр. языкознания. М.: Наука, 1994. №5. С.126–139.
- [2] Костюшкина Г.М. Систематика сложноподчинённого предложения во французском языке/ Г.М. Костюшкина. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. 152 с.
- [3] Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность/ Л.В.Щерба. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. 428 с.
- [4] Figueras C. Pragmática de la puntuación y nuevas tecnologías. Disponible en Internet: http://www.academia.edu/4882513/Pragmatica_de_la_puntuacion_y_nuevas_tecnologias
- [5] Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española, Ortografía de la lengua española. — Madrid: Espasa, 2010. Disponible en Internet: <http://aplica.rae.es/orweb/cgi-bin/buscar.cgi>

Тасенко П.С.

(Россия, Москва)

Использование приёма адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода французских художественных произведений)

Главной задачей переводчика текстов художественной литературы является как можно более точная передача формы и содержания оригинала, индивидуальной манеры письма автора, стилистических особенностей текста. Для того, чтобы добиться адекватной интерпретации текста, переводчик использует различные переводческие трансформации. Одной из таких трансформаций, тесно связанной с понятием передачи стилистической окраски текстов художественной литературы, является лексическая трансформация – адаптация отдельных труднопереводимых фраз и явлений в тексте оригинала ввиду их национальной специфичности, временной

удалённости, либо непривычности для носителей иной культуры. Переводчик должен уметь правильно использовать этот приём, то есть, заменять в переводе неизвестное известным, непривычное — привычным [4]. Описание данного приёма можно найти в трудах таких исследователей, как И. С. Алексеева, Н. К. Гарбовский, М. С. Виноградов, С. Влахов, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, С. Флорин, В. Е. Щетинкин.

Приём адаптации используется переводчиками для достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода [1]. Переводчик адаптирует определенные явления подлинника так, чтобы перевод как можно больше соответствовал исходному тексту, при этом был доступен и адекватно воспринят читателями, которые, в силу своей принадлежности другой культуре или отнесённости к иной эпохе, не способны понять тех или иных явлений без предварительной их адаптации. Стоит отметить, что данный приём обладает не только положительным свойством облегчить читателям текста перевода понимание оригинала, но и отрицательным — это нарушение процесса межкультурной коммуникации, произвольное «обеднение» культуры языка подлинника, «сглаживание» различий между культурами, в результате чего у рецептора может возникнуть неправильное представление о том, что «везде всё одинаково» [2].

Следовательно, необходимость использования приёма адаптации обусловлена не столько межъязыковыми, сколько межкультурными несовпадениями. Именно поэтому адаптация часто применяется при переводе реалий [3].

Правильно применяя приём адаптации определённых явлений исходного текста, переводчик не только передаст суть повествования, но и сохранит стиль подлинника. Так, переводчику часто необходимо адаптировать явления, выражения, которые могут быть непонятны читателю в силу своей национальной специфики.

Нами был проведен анализ произведения «Дама с камелиями» А. Дюма-сына, который заключался в сравнении текста оригинала с текстом перевода романа на русский язык и их исследовании на предмет использования приёма адаптации в переводе С. Антик [5].

Приведём пример использования адаптации в переводе данного художественного произведения.

«<...> Essayons de réjouir le ciel. Il peut nous le **rendre avec usure.**» (р. 40)

«<...> Постараемся же порадовать небо. Оно **воздаст нам сторицей.**»

В этом примере используется адаптация фразеологизма, основанная на приёме замены. Французское устойчивое словосочетание «*rendre avec usure*», которое переводится как «*отплатить с лихвой*», «*отдать сполна*», переводчик передал русским устойчивым выражением «*воздать сторицей*», которое в данной ситуации является смысловым эквивалентом. Переводчик неслучайно использовал данный устаревший книжный фразеологизм — речь идёт о небе, о Боге, и это выражение как раз подходит по контексту, отражая суть высказывания. Даже несмотря на то, что это старославянизм, отличающийся довольно яркой национальной спецификой, здесь он не выделяется и передаёт возвышенный стиль повествования.

Таким образом, важно не просто адаптировать отдельные труднопереводимые элементы текста так, чтобы было сохранено содержание, но и передать стилистические черты, присущие произведению, сохранить образность повествования, чтобы связь между писателем и читателем не была разрушена волей переводчика или недостаточной его компетентностью.

Литература

[1] Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 22 с.

[2] Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 84 с.

[3] Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. М.: Международные отношения. 1980. 6 с.

[4] Щетинкин В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1987. С. 38–57.

[5] A. Dumas fils. La Dame aux Camélias. Malesherbes: Maury-Imprimeur, 2012.

Шалеева Е.Ф.

(Россия, Москва)

**Лексические и грамматические средства репрезентации
эмоции удивления в политическом дискурсе**

В современном мире давно существует и не сдает своих позиций интерес к политическому дискурсу в связи с развитием новых технологий, глобализации, углубления и расширения политических связей. Все больше и больше политические деятели разных стран пользуются ораторским искусством и применяют различные языковые средства не только для того, чтобы донести информацию до своих слушателей, но и для того, чтобы убедить реципиента в своей правоте. Каждый дискурс имеет свои особенности. Образ сильного и современного политика особенно интересен с точки зрения современной Лингвистики. Одним из примеров такого политического дискурса является статья: «Kremlin surprised by categorical questions posed to Putin by US, UK media May 22, 2015 INTERFAX, Russia Beyond the Headlines».

К лексическим средствам репрезентации эмоций в тексте относятся слова-детерминанты конкретной эмоции — существительные, прилагательные, глаголы, наречия, а также междометия. С точки зрения эмоциональной окраски и экспрессивности, лексика, используемая при передаче

удивления, может иметь позитивную и негативную семантику. Выбор и употребление лексических единиц во многом определяется характером испытываемой человеком эмоции. В английской речи существует множество примеров как отрицательного, так и положительного контекстного значения лексических единиц, связанных с демонстрацией эмоции удивления.

«I have been a liaison with the media for a long time. *But I have never seen a notice saying that unless the answers are received by a certain date they will presume that he does not want to comment on either issue.*» В данном примере детерминант эмоции удивления время Present Perfect «I have never seen a notice» передает контекст неприятного поражения. «Moreover, the media outlet warned that it would not take for substantive answers any general statements regarding any inaccuracies and so on and so forth,» Peskov said, *expressing his bewilderment at such categorical wordings.*» Здесь мы видим использования существительного «bewilderment» в качестве лексической единицы при сообщении удивления. Сравным успехом так же используются глаголы, как это видно в следующем примере: «I was jarred by their categorical tone and interrogation-type style. So, I wanted to share this,» he said.

Эмоциональная реакция удивления достаточно эффективно и быстро передается за счет лексических средств, и в особенности — стилистически экспрессивных, эмоционально окрашенных языковых единиц. Это представляется вполне логичным, поскольку стилистически нейтральные слова не всегда полностью отображают сильную степень чувств говорящего. «We are constantly encountering attempts to nip and bite us, and we are always patiently giving our answers and explanations. But, *to be frank, we have never encountered such things before,*» Peskov said. В данном примере мы видим использование фразеологизма «to be frank» и уже описанного нами ранее времени Present Perfect «we have never encountered» для передачи эмоции удивления. В политических

дискурсах также часто используются прилагательные: «Moreover, at such esteemed media outlets, it is a bit *surprising*.» Нередко использование причастий для отображения эмоции удивления: «As to how the president had reacted to the requests, Peskov said that Putin «*was rather surprised* by the abundance of slander they are trying to cook.»; «Kremlin Administration employees and, personally, President Vladimir Putin *are surprised and disappointed* by the content of two requests for interview filed by two esteemed Western media outlets, those of the UK and the U.S.».

Как мы видим, речь политиков на всех уровнях не лишена выразительности, в том числе и выражения эмоций, в нашем случае — эмоции удивления. На основе проанализированной статьи мы можем сделать вывод, что наиболее частотными среди лексических средств выражения эмоции удивления в английской речи политических дискурсов являются глаголы, причастия, прилагательные и фразеологизмы. Среди грамматических средств наиболее ярко эмоция удивления выражается при помощи времени Present Perfect.

Литература

[1] Kremlin surprised by categorical questions posed to Putin by US, UK media, May 22, 2015 INTERFAX, INTERFAX (http://rbth.com/news/2015/05/22/kremlin_surprised_by_categorical_questions_posed_to_putin_by_us_uk_media_46276.html)

СЕКЦИЯ 3
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И
ЭТНОСОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Ахренов А.В.
(Россия, Москва)

**Национально-культурная специфика
фразеологических единиц панамского национального
варианта испанского языка**

Как известно, страноведческая ценность фразеологических единиц (ФЕ) складывается из трёх составляющих. Во-первых, они отражают национальную культуру расчленённо, единицами своего состава. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных. Во-вторых, ФЕ отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, то есть своими фразеологическими значениями. Наконец, в-третьих, фразеологизмы отражают национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое [1].

В своём большинстве идиоматические выражения создавались народом, поэтому они тесно связаны с интересами и повседневными занятиями простых людей. Прототипы фразеологизмов рассказывают «о детских народных играх, о денежной системе, о ремеслах, о традиционном врачевании, об охоте и рыбной ловле, о флоре и фауне, внешнем виде человека, о его одежде и обуви, об особенностях повседневного быта и о многом другом» [1].

В национально неомогенном языке таком, как испанский, проводя исследования в области фразеологии, необходимо ограничивать исследования рамками конкретной страны, поскольку фразеологизмы национально специфичны, т.е. отражают именно **национальную** культуру, а на испанском языке, как известно, говорят два десятка наций. Несмотря на существование общеиспанских ФЕ, процент национально-специфичных ФЕ довольно высок. Далеко не все ФЕ, используемые в Испании, известны в Латинской Америке.

Проводя исследование панамского национального варианта испанского языка, мы приведём примеры ФЕ, бытующих в Панаме и относящихся к наиболее главным сферам жизни человека: предметы одежды; пища; род занятий, ремесла, профессии людей; религия, верования; предметы домашнего обихода, орудия крестьянского производства, а также ФЕ, включающие антропонимы и топонимы, ФЕ с флористическим и анималистическим компонентом.

Данные ФЕ чётко антропоцентричны, поскольку охватывают те фрагменты языковой картины мира, которые прямо или опосредованно связаны с жизнедеятельностью и окружающим миром панамцев.

Так, в Панаме существует ФЕ «**la hora de los mameyes**», означающая «решающий момент», в состав которой входит название фрукта **mamey** (*мамей*). Данную ФЕ встречаем в панамской газете *Crítica*, где была опубликована статья под названием «**Llegó la hora de los mameyes para Mireya**», в которой говорилось следующее:

«El viceministro de trabajo, Jaime Moreno reconoció que fijar el nuevo salario mínimo será una decisión «difícil» para el Ejecutivo, porque tendrá que asumir una posición equilibrada que a todos “probablemente” no les va a gustar; mientras que el dirigente sindical Mariano Mena advirtió que llegó **la hora de los**

«**mameyes**», en la que la mandataria Mireya Moscoso, debe demostrar si está a favor de los pobres» [5].

Общеиспанская ФЕ **dar gato por liebre** (букв: дать кота за зайца — эквивалент в русском языке: давать кота в мешке) имеет в Панаме синоним **tomar (meter, dar) borriguero por iguana**, в состав которой входят индихенизмы-зоонимы **iguana** (*игуана*) и **borriguero** (*разновидность ящерицы длиной до 15 см (не считая хвоста), обитающей на территории Панамы*).

Так, на информационном сайте «Las noticias de Panamá» находим сообщение с заголовком «Panameño: No te dejes meter borriguero por iguana» [6].

ФЕ **ni chicha ni limonada**, русским эквивалентом которой является «ни рыба ни мясо», включает в состав вокабулу **chicha**, означающую в Панаме прохладительный напиток, приготовленный из какого-либо фрукта с добавлением воды и сахара: «Juan no es ni chicha ni limonada: ni conservador, ni liberal» [4, с. 85].

Ярким примером ФЕ с компонентом топонимом является **irse como los chepanos** (букв: уйти как жители Чепо, района входящего в состав провинции Панама), межвариантным синонимом которой в пиренейском национальном варианте является **despedirse a la francesa** (букв: попрощаться по-французски), означающей «уйти не попрощавшись»: «No me dijo adiós. Se fue como los chepanos» [4, с. 85].

Подводя итоги, можно заключить, что реалии окружающего мира, зафиксированные лексическими единицами, среди которых имеются индихенизмы, имена панамской флоры и фауны, африканские заимствования, англицизмы, задают эталоны фразеологизированных оценок, компаративных оборотов, пословиц и поговорок, т.е. элементов того особого взгляда на действительность, который фиксирует ЯКМ. Мотивационная образность имеет различную степень выраженности в различных языках и

различных национальных вариантах одного полинационального языка. Набор признаков, положенных в основу номинации культурно-маркированных единиц варьируется от языка к языку, от одного национального варианта полинационального языка к другому, и является национально-специфичным.

Литература

[1] Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. Под. ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М.: «Русский язык», 1990. 312 с.

[2] Beleño Cedeño, J. Luna verde. Panamá: Autoridad del Canal de Panamá, 1999. 278 p.

[3] Giralt Latorre, J. Algunos préstamos en el español de Panamá // Estudios de Lingüística de la Universidad de Alicante. Alicante, 1991. P. 137–158.

[4] Vásquez, M. Diccionario del español en Panamá. Panamá: Editorial Universitaria Carlos Manuel Gasteazoro, 2010. 336 p.

[5] <http://www.critica.com.pa/archivo/07182000/nac1.html>

[6] http://www.thepanamanews.com/pn/v_15/issue_19/opiniones_10.html

Болотина К.Э.

(Россия, Москва)

Личные имена квебекцев: лингвокультурологический аспект

Квебек является крупнейшим франкоговорящим регионом Северной Америки и имеет яркую историю и богатую культуру. Именно исторические факторы наряду с географическими, климатическими и экономическими во многом повлияли на культуру и менталитет современных квебекцев.

Национальный язык — один из наиболее значимых источников национального характера народа. Он отражает все перемены, имевшие место в обществе или протекающие

сейчас и формирующие уникальный менталитет. По словам видного отечественного романиста Ю.Л. Оболенской, «привлекательность истинной индивидуальности и неповторимости каждого национального языка состоит в том, что она с одной стороны, открывает нам мир новых ценностей, а с другой, что она воплощена в устойчивой и ясной структуре» [1, с. 78].

Одним из уровней данной структуры является лексический, важную часть которого составляет ономастическая лексика. В рамках данной работы мы рассмотрим антропонимическую составляющую ономастикона квебекцев.

Становление квебекского антропонимикона как «совокупности бытующих в этносе обозначений лиц именами собственными» [2, с. 129] начинается с наречения именами первых детей на территории Новой Франции.

Современные квебекские личные имена и фамилии по большей части имеют французское происхождение и свидетельствуют о важной роли метрополии в жизни поселенцев. Однако несмотря на следования традициям Франции, в том числе и в наречении именем, жители Новой Франции вырабатывают уникальный образ жизни, что отражается и в личных именах. Примером может служить спад популярности мужского личного имени *Louis* в 1700-х годах, что, вероятно, обусловлено разрывом Квебека с метрополией.

Личные имена, которыми называли новорожденных в эпоху Новой Франции, отражают влияние и значимость католической религии. Именно в церковных приходах, являвшихся центром поселений и выполнявших муниципальные функции, велись реестры новорожденных. Традиционно имя выбирали из католического именника. Если члены семьи намеревались отойти от данной традиции, мог вмешаться церковный служитель. В таких случаях ребенку

давали имя святого, и лишь за ним следовало имя, выбранное родителями.

Высокую религиозность общества Новой Франции подчеркивает популярность таких имен, как *Marie* и *Anne* среди девочек и *Joseph* и *Jean-Baptiste* среди мальчиков. Последнее в том числе используется для экспликации национальности квебекцев. Именно в таком значении квебекский журналист Юльрих Барт употребляет данный антропоним в заглавии открытого письма «*Jean-Baptiste to his Anglo-Canadian Brothers*».

Вероятно, распространенность этих имен объясняется высоко религиозными установками общества в период их популярности. Но объясняется ли тогда спад их популярности ослаблением позиций католической Церкви в жизни квебекцев?

Антропонимическая система эволюционирует, отражая изменения, имеющие место в обществе в тот или иной период. О вхождении определенных антропонимов в когнитивную базу квебекского лингвокультурного сообщества можно судить не только по их распространенности, но и по особенностям их функционирования.

Антропонимы, составляющие национально-культурный фон, знакомый всем представителям квебекского лингвокультурного сообщества, имеют тенденцию к трансонимизации, т.е. переходу из одного разряда имен собственных в другой. Чаще всего личные имена трансформируются в антропотопонимы (*Marie* → *Marieville*; *Anne* → *Sainte-Anne-de-Beaupré*), реже в эргонимы (*Société Saint-Jean-Baptiste*).

О вхождении антропонимов в когнитивную базу квебекцев свидетельствует их функционирование в качестве прецедентных имен. Приведем симптоматичный пример. Фамилия известного квебекского политического деятеля Луи-Жозефа Папино стала составляющей распространенного в Квебеке выражения «*ça ne prend pas la tête à Papineau*»

(дословно «не нужно иметь ум Папино», т.е. не нужно быть гением). Луи-Жозеф отличался высокой образованностью и интеллигентностью, что и объясняет тот факт, что его имя стало для квебекцев прецедентным. Данное выражение часто используется в современном медийном и художественном дискурсах.

Другой важной особенностью функционирования антропонимов в квебекском национальном варианте французского языка является их деонимизация. Мифоним Серафим Пудрие (Séraphin Poudrier) — персонаж известного квебекского романа «Un homme et son péché» (Мужчина и его грех) в французском языке Квебека используется как имя нарицательное для обозначения очень жадного человека. Приведем пример из романа квебекского писателя Ива Бошмена (Yves Beauchemin) «Le matou»: «*Mais ne comptez pas sur ses bidous: il est plus séraphin que Séraphin lui-même!*» (Даже не рассчитывайте на его деньги: он более жадный, чем сам Серафим).

Таким образом, мы предприняли попытку показать, как доминантные в квебекской лингвокультуре антропонимы во многом определяют и отражают мировидение жителей провинции.

Литература

[1] Оболенская Ю.Л. Роль испанских антропонимов в национальной картине мира: социокультурные аспекты // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Сборник статей. Выпуск 4. М., 2007. С. 216–226.

[2] Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование. Palmarium academic publishing, 2012. 255 с.

Борисова А.А.

(Россия, Москва)

**Нигерийское культурное пространство
в нигерийском национальном варианте
английского языка**

Изучение своеобразия английского языка крупнейшего англоязычного государства Африки — Нигерии, позволяет говорить о том, что он является ярким лингвокультурологическим феноменом, его специфические черты выявляются при рассмотрении национального менталитета и языковой картины мира народов страны. Самобытная культура Нигерии, менталитет, национальный характер нигерийцев отражаются средствами английского языка, являющегося полинациональным языком.

Лексический пласт языка является наиболее интересным источником для исследования культурных и мировоззренческих аспектов. На материале лингвокультурологических примеров возможно определит формы взаимодействия специфики лексики нигерийского национального варианта английского языка с менталитетом и фрагментами языковой картины мира нигерийцев.

Известно, что реалии представляют собой неотъемлемую важнейшую часть национального культурного пространства.

К бытовым реалиям, затрагивающим область жилища, относятся такие лексемы, как *compound*, часто встречающаяся в нигерийском английском, именующая вид жилья с земельным участком, состоящий из нескольких домов, принадлежащих одной большой семье (*extended family*), где проживают несколько поколений, а также лексема *obi*, обозначающая дом, где проживает семья (*family house*). Эта лексема заимствована из языка игбо.

К реалиям, обозначающим одежду, относятся следующие:

Agbada — мужской национальный костюм, состоящий из сорочки, брюк и длинной рубахи свободного кроя, которые сшиты из одной ткани, с вышивкой на шее и на манжетах. Эта лексема используется на юге страны, заимствована из языка йоруба, в то время как на севере Нигерии для такого же наряда используется лексема *babariga* (заимствовано из хауса).

Значимая нигерийская реалия из области предметов одежды — **wrapper** — кусок ткани, который повязан вокруг талии длиной ниже колена (носят в деревнях чаще женщины).

Еще одна лексема **head-tie** используется в нигерийском английском для обозначения шарфа, платка или женского головного убора.

В нигерийском пиджине для обозначения этой одежды используется лексема *lappa* — «wrapper» or «waist-cloth», i.e. one or two-piece cloth used mainly by women. «This is because the Igbo belief was that a complete woman must have two lappas round her waist, not just one» (H. Igboanusi «A Dictionary of Nigerian English Usage», 2002. p.165).

В романе «Кехинде» (1994) известная нигерийская писательница Бучи Эмечета перечисляет наряды, которые героиня демонстрировала своим гостям на вечеринке в Лондоне, устроенной по поводу отъезда ее супруга на родину в Нигерию. Вечеринка проходила в нигерийском стиле, когда преуспевшие в Европе африканцы стремились показать свое богатство.

«Kehinde did not let Albert down. She treated her guests to the whole array of Nigerian traditional styles and fabrics, from guinea boubou to aso-oke iro and buba, to the Igbo lace blouse and George lappa, ending with the Igbo ceremonial costume of white otu-ogwu. This consisted of a cloth wound around her body beneath the armpits, leaving her shoulders bare. Precious coral beads adorned her neck, hair and ears. The outfit was to emphasize her position as first wife of the first son, and the mother of a son herself. Kehinde revelled in the impression she created».

В данном примере следует пояснить значение лексем: boubou—свободно летящее платье для женщин. Словарь нигерийского английского языка дает следующий пример: Our source told us that it was because of the pregnancy that Aunty Lola always adorns different types of boubou or kaftan with kampala or tie and dye fabrics [Igboanusi H., 2002].

Buba — свободная блуза без воротника с широкими рукавами до локтей, которую носят женщины, иногда мужчины (из языка йоруба).

Aso oke — одежда для мужчин и женщин, которую одевают обычно на церемониях, таких как свадьбы, похороны (из языка йоруба).

Национальная кухня, которая является важной частью материальной культуры народа, отражает многовековые обычаи и традиции. Традиционно блюда нигерийской кухни разделяются на южные и северные, хотя интенсивные контакты содействуют популяризации многих кушаний во всей стране.

Ямс (yams) — основа для многих блюд национальной кухни. Клубни продолговатой формы очищают от кожуры, режут и бросают в кипящее пальмовое масло. Их толкут вареными, делают из них густое пюре. Это блюдо называется fufu (или foofoo). Возможно приготовление этого кушания из кассавы (маниоки). Из самых известных блюд следует отметить суп эгуси (egusi soup) — это густая овощная подливка, подаваемая к рису, ямсу, жареным бананам. Основа «эгуси» — семена и ломтики сухой дыни (*cucumeropsis mannii*), которые толкут, смешивают с луком, обжаренным в пальмовом масле или арахисовом масле, добавляют перец, помидоры, затем тушат с мясом, курицей или рыбой (из языка йоруба).

Суп акара (akara soup) варится из бобов, перца, лука, помидоров, истолченных и обжаренных в пальмовом или арахисовом масле. Для приготовления «элеле» (elele) к этому добавляется сушеная рыба или креветки. Популярен пирог из

бобов — акага, приготовленный из бобовой муки со специями (из языка йоруба). В Нигерии также едят рис джаллоф (jollof rice) — традиционное блюдо, которое готовят из риса с мясом, приправленным помидорами, перцем, луком.

Традиционные напитки в Нигерии разнообразны. Пальмовое вино (palm wine) изготавливают на юге страны из пальмы рафии, из нее же получают сок, который бродит и потом становится вином. Для безалкогольных напитков выделяют сок из бананов, которые толкут, заливают молоком кокосовых орехов и варят.

Ни одно праздничное застолье не обходится без орехов кола (cola nuts). У народов юга Нигерии кола — это символ, знак гостеприимства: гостя встречают орехом кола. Если у хозяина не было возможности предложить гостю орех кола, он должен принести свои извинения. В патриархальные времена орехи кола и пальмовое вино были завершением тяжелого трудового дня земледельцев. Орех кола в традиционной нигерийской культуре был лучшим подарком (жених дарил семье невесты кола), он был важной частью жертвоприношений, элементом церемонии предсказания судьбы. Таким образом, в нигерийском культурном пространстве орех кола играл намного более важную роль, чем функцию природного стимулятора.

В романе «Все распадается» (1958) нигерийский писатель Чинуа Ачебе показывает обряд ореха кола:

«He who brings kola brings life. But I think you ought to break it», replied Okoye. «No, it is for you, I think,» and they argued like this for a few moments before Unoka accepted the honour of breaking the kola. As he broke the kola Unoka prayed to their ancestors for life and health, and for protection against their enemies.

Изучение реализации культурных доминант в нигерийском художественном дискурсе позволяет увидеть специфические черты нигерийского национального варианта английского языка.

Duque Henao J.P.
(Colombia, Santiago de Cali)
**Observaciones sobre la interferencia del ruso
en el español latinoamericano**

La comunidad hispanoamericana en Moscú ha crecido considerablemente durante los últimos años. Sobre todo después de que Rusia firmara acuerdos de exención de visado con la mayoría de países en América Latina (actualmente solo Costa Rica, El Salvador, México y Paraguay necesitan visa para visitar la Federación Rusa). Es así como el turismo, los viajes de estudio, e incluso de negocios, han empezado a popularizarse.

Los latinoamericanos que llegan a Rusia enfrentan ciertas dificultades. Una de las más importantes es la barrera idiomática: el ruso es una lengua muy diferente al español, aprenderla y dominarla requiere de bastante tiempo y esfuerzo. Muchos inmigrantes de América Latina en Moscú, tratando de adaptarse a su nuevo entorno lingüístico, han optado por españolizar el ruso para facilitar y agilizar su manera de expresar ideas.

Tras varias entrevistas en la capital rusa con estudiantes y empleados de origen latinoamericano, logramos descubrir cómo la interferencia del español en el ruso logra afectar a todos los niveles lingüísticos y casi que dar a luz a una nueva jerga, a un nuevo español-ruso que de ahora en adelante denominaremos «isparus».

A nivel léxico hay palabras, que a pesar de tener traducción al español, siempre son usadas en ruso. Es el caso de «подъезд», «переход» o «гречка». Decir portón/portal/entrada, paso/pasaje/pasadizo/túnel o alforfón es claramente otra cosa. La inexistencia de estos conceptos en muchos países de Latinoamérica hace pensar que solo tienen cabida y desarrollo como referencias culturales rusas y así se deben conservar.

Los meseros latinos en Moscú incluyen con frecuencia en sus conversaciones con otros compatriotas las palabras «заказ», «банкет», «пробивать», «проверить», «разбираться» y «договориться». No lo hacen por desconocimiento de la lengua

rusa sino más bien por acelerar el ritmo de la conversación. No tienen tiempo para cambiarse del todo al español y deciden alternarlo parcialmente con el ruso.

Entre los estudiantes de grado y posgrado es posible escuchar constantemente «курсовая», «диплом», «бакалавриат», «пара». Sus equivalentes en español — «monografía», «tesis», «grado/pregrado/bachillerato» y «clase» — no son 100% precisos y pueden dar lugar a malentendidos. Especialmente «бакалавриат» que suele confundirse con bachillerato. Esta titulación se denomina así solo en Puerto Rico, Perú y Costa Rica. En el resto de América Latina, el bachillerato es la culminación de la enseñanza media o secundaria.

A nivel gramatical se han llegado a españolizar muchos de los verbos rusos. La clave está en hallar el infinitivo ruso y reemplazar su «-ТЬ» por la terminación de infinitivo española como «-ar». Luego se conjuga el verbo como de costumbre, por ejemplo: yo dogovoreo, tú dogovoreas. él/ella dogovorea, nosotros dogovoreamos y ellos/ellas dogovorean. Cabe mencionar que a pesar de sufrir un proceso de españolización, la raíz rusa de estos verbos conserva las particularidades fonéticas del ruso estándar y las «o» átonas se pronuncian como «a».

A nivel ortográfico también hay interferencia. Cuando los latinoamericanos comienzan a estudiar ruso suelen confundir la «y» con la «и», la «m» con la «т» cursiva, la «p» con la «р»... En fin, todas las letras que tienen la misma grafía pero producen diferentes sonidos. De esta manera resultan palabras como «leto», o «брат». Después de algunos años de estudio, el latinoamericano resuelve este problema romanizando del todo el ruso o rusificando del todo el español. Al respecto, escriben en un blog: *«Esto me pasaba a mí en la universidad. Tenía que apuntar tan rápido lo que iba diciendo el profesor que de vez en cuando me confundía y ponía una “u” en vez de una “y” rusa, y luego no me lo creía ni yo misma.»*

La interferencia ortográfica se ve reflejada asimismo en el hecho de conservar la acentuación rusa en palabras españolas. Los

meseros dicen «maracúya» en lugar de «maracuyá», «guanábana» en vez de «guanábana».

Finalmente, abordaremos el nivel fonético donde, como ya hemos mencionado, la interferencia se ve reflejada en la pronunciación de las «o» átonas como «a» y en la acentuación «a la rusa».

En resumen, hemos visto a grosso modo los resultados del contacto, cada vez más frecuente e intenso, entre la lengua rusa y la variante latinoamericana del español. Los latinoamericanos han adaptado su español al entorno ruso, lo han contextualizado lingüísticamente. No es, repetimos, fruto de incapacidad o limitación en el uso de cada lengua, sino más bien posibilidad de facilitar y agilizar la comunicación entre los suyos. Tal vez sea muy temprano para hablar del nacimiento de una nueva jerga pero la invitación a seguir el desarrollo de estos fenómenos de interferencia entre el ruso y el español queda hecha. Han surgido nuevas preguntas para la Lingüística Aplicada, la Didáctica de segundas lenguas y la Lingüística Contrastiva, ¡adelante!

Жамалетдинова Э.Х.

(Россия, Москва)

**Репрезентация базовой ценности «вера»
в русском языковом сознании**

Общечеловеческие ценности являются надиндивидуальными регуляторами деятельности в обществе. Образ фундаментальных ценностей формируется из совокупности представлений о данной ценности, отраженных в научном сознании, и представлений членов общества, т.е. на уровне обыденного сознания. Согласно Сергеевой Е.В., образ любой общечеловеческой ценности складывается из совокупности о внешних её лексических единиц, а также благодаря контексту её употребления [4]. По Караулову Ю.Н., лексическая система языка является

ведущей при исследовании составляющих картины мира, в частности, общечеловеческих ценностей [1]. Образами, составляющими картину мира нации и отдельных индивидов, являются знания, закрепленные в семантических структурах, т.е. словах и словосочетаниях. Национальная система концептов, выраженных в сознании индивидов, представляет собой основу их ментальности и передает видение мира у разных наций.

Когнитивная интерпретация лингвистических и социологических данных позволяет, согласно Поповой З.Д., смоделировать содержание общечеловеческих ценностей как глобальной ментальной единицы в её национальном своеобразии [3].

В рамках исследования содержания ценности вера в русском языковом сознании нами проведен компонентно-дефиниционный анализ определений из энциклопедических словарей, анализ лексикографических источников, паремиологического и корпусного фондов текстов русского языка и русского ассоциативного словаря, а также данных психосемантического эксперимента. Дефиниции из энциклопедических словарей представляют официальный уровень сознания; дефиниции из лексикографических источников, пословицы, тексты из корпуса русского языка и РАС (русского ассоциативного словаря) представляют профанное сознание. Анализ большого количества разнообразных источников при исследовании способов репрезентации перечисленных ценностей в профанном сознании имеют целью представить полную картину функционирования ценности в национальном сознании. Выделенные при этом семантические компоненты исследуемой ценности дополняют друг друга.

Анализ паремий позволяет выявить особенности вербализации и обнаружить корни менталитета, т.к. паремиологический фонд русского языка отражает мироощущение народа.

В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин в книге «Высшие ценности Российского государства» рассматривают ценность вера как синоним религии. По их мнению, вера, т.е. религия, выступает смыслообразующим фактором для этносов и в частности, для русского этноса. Вера в Бога и религия являются основой для развития всех известных в истории этносов. В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин делают вывод о необходимости религиозности индивидов для развития общественной и государственной системы.

В Советскую эпоху несмотря на внедрение атеистических установок, была сохранена аксиология государственной религии с аналоговыми библейским концептами, например, Евангелие = Манифест компартии; грядущее Царствие Божие = коммунизм и т.д. Однако с началом Великой Отечественной войны и появлением угрозы существованию государства, компартия и Сталин пошли на союз с русской православной церковью [5]. Религия являлась и является идентификационным признаком общественных групп.

М.А. Можейко, Н.С. Щекин отмечают, что феномен веры в западной традиции, несмотря на её рационализм, осмысливается в качестве ценности высшего порядка и входит в фундаментальную аксиологическую формулу Вера-Надежда-Любовь [Можейко, Щекин, 2003].

Исследование репрезентации ценности *вера* на официальном и обыденном (профанном) уровне общественного сознания выявило следующие общие семантические компоненты: признание, решимость, переживание, убеждение, религия, мировоззренческая установка. Репрезентация данной ценности расширена благодаря семантическим компонентам, выделенным в ходе анализа текстов из корпуса русского языка: добродетель, потребность, опора, спасение, смысл).

При исследовании ценность *вера* в паремиологическом фонде выделены следующие группы паремий:

могущество/вездесущность Бога; русская вера; Божье возмездие; Божья забота о людях и милосердие; значение молитвы; значение веры; душа человека; Бог и нечистая сила; опасность грехов.

Репрезентация ценности *вера* в обыденном сознании русского человека шире, чем на уровне официального сознания. Однако наиболее распространенные семантические компоненты, выделенные на уровне официального и обыденного сознания, совпадают, что свидетельствует о малой степени отношения к ценности *вера* среди носителей русской культуры и сохранении за этой ценностью фундаментальной позиции в сознании русского человека.

Литература

- [1] Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов // ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1976.
- [2] Новейший философский словарь; 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с. — (Мир энциклопедий)
- [3] Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006.
- [4] Сергеева, Е.В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе / Е.В. Сергеева. — СПб.: Наука, САГА, 2002
- [5] Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Высшие ценности Российского государства: монография — М., 2013. — 624 с.

Зеленина К.И.

(Россия, Москва)

Влияние флоры и фауны на формирование языковой картины мира мексиканцев (на примерах газетных статей политической тематики)

О.А. Корнилов в своём труде «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» говорит о том, что сложный и размытый по своей сути термин «картина мира» без соответствующего обоснования использоваться в

научных работах не должен [Корнилов О.А, 2003]. В связи с проводимым нами исследованием мы вводим в работу понятие «ЯКМ национального варианта полинационального языка», предложенное А.В. Ахреновым [Ахренов А.В, 2013].

На формирование ЯКМ мексиканского национального варианта испанского языка доминирующее влияние оказывает богатейшая природная среда Мексики. Мексика входит в число четырёх стран мира, обладающих самым богатым биоразнообразием на нашей планете.

Широко известно, что человек дает номинацию именно тем животным и растениям, которые его окружают, именно тем природным условиям, в которых он живёт. Природные условия, в свою очередь, формируют в языке человека мир уникальных ассоциативных представлений, свойственных представителям данной языковой культуры.

Коннотативная зона любого иностранного языка трудна для усвоения, но её усвоению отведена фундаментальная роль в достижении высокой эффективности коммуникации и избегании культурного шока.

Рассуждения на политические темы имеют обыкновение вызывать массу разнообразных эмоций, наполняющих речь говорящего/пишущего богатой палитрой ассоциативных изобразительно-выразительных средств. Рассмотрим, как проявляется влияние флоры и фауны в публицистическом стиле, связанном с политической сферой коммуникации.

Guaje — полый сосуд, изготовленный из тыквы. «*Hacerse guaje*» fingirse tonto o distraído. Притворяться глупым, невнимательным.

«En conferencia de prensa, Batres Guadarrama consideró que «está muy bien» que se investigue a los hermanos de Aguirre, pero «que el gobierno federal *no se haga guaje* con otros temas y el asunto de la ‘Casa Blanca’ de Peña Nieto es el número uno». [3]

Cacahuate — арахис. «*No valer un cacahuate*» es no valer nada alguna persona o cosa. Выражение используется, когда мы описываем человека/вещь, ничего не стоящего.

«En América “*nos vale un cacahuate*” que especulen sobre relevo de Ambriz: Moisés Muñoz» [4]

Camote — батат. «*Tragar camote*» — tener dificultad o reticencia para decir algo. Быть не в состоянии сказать что-то.

Нами было замечено, что фразеологизм «*Tragar camote*» широко используется в политических статьях мексиканских газет. Данная частотность употребления связана с недовольством местного населения политикой государства, а также беспомощностью, т.е. неспособностью её изменить.

«Cuestionado sobre la relación de México con Estados Unidos y el voto mexicano en el seno de la ONU, Zinser respondió que sobre ello había dos argumentos: «Uno era que había que vender el voto de México, intercambiarlo por alguna ventaja en la relación bilateral; el otro argumento era que había que *tragar camote*. Yo les pregunto a ustedes estudiantes: ¿había que *tragar camote*? ¿Es México un país que esté en condiciones de *tragar camote*? [5]

Coyote — койот, хищное млекопитающее семейства псовых. «*Echar un coyotito*» — dormir un rato como hacen los coyotes, una pequeña siesta ocasional a cualquier hora del día. Дремать некоторое время, как это делают койоты, в любое время дня.

«*Ni me eché un coyote*, ni tengo iniciativas; no la hagan de ped...: Carmelita. La diputada utilizó la aplicación Periscope para desmentir que se hubiera dormido durante la sesión en la Cámara de Diputados». [6]

Chachalaca — чачалака, род птиц семейства краксов. Вокабула ‘chachalaca’ приобрела переносное значение — человек, любящий много говорить. Болтун.

«¡Cállate, *chachalaca*! El presidente de CDE de PRI en Veracruz vejó a las mujeres priistas diciendo que si desean figurar como candidatas

a un cargo de elección popular habrán de aplicarse la prueba de embarazo». [7]

В заключении следует отметить, что политические статьи мексиканских газет изобилуют фразеологизмами и коннотациями, в состав которых входят наименование объектов флоры и фауны. Это изобилие превращает один из основных жанров журналистики в эмоциональные и живые рассуждения.

Литература

[1] Ахренов, А.В. Языковая картина мира в полинациональных языках и пропедевтика коммуникативных сбоев в процессе их преподавания [Текст] / А.В. Ахренов // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики, Москва, 2013. № 1 (1). С. 40–49.

[2] Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.А. Корнилов. М.: ЧеРо, 2003, 349 с.

[3] <http://yucatan.com.mx/mexico/politica-mexico/que-se-haga-guaje>

[4] <http://www.taringa.net/comunidades/susurrando/9177776/Me-importa-un-cacahuate.html>

[5] <http://archivo.eluniversal.com.mx/nacion/103857.html>

[6] <http://www.excelsior.com.mx/nacional/2015/09/07/1044477>

[7] <http://www.blog.pediente.mx/nota/16473/portales-de-noticias-de-veracruz/callate-chachalaca>

Зябкина Е.И.

(Россия, Москва)

Креолизованный текст в британской прессе как отражение национального характера англичан

В последние годы заметно возрос интерес к изучению темы креолизованных текстов, а также различных тем, посвященных разным аспектам креолизации. В современных креолизованных текстах отражается сегодняшняя картина

мира, поэтому так важно развивать данное направление, ведь в эпоху невероятного расцвета цифровых технологий становится все труднее удивлять и привлекать внимание читателей без использования каких-либо вербальных и невербальных средств языка.

На сегодняшний день понятия «креолизация» и «креолизированный текст», как и их классификации до сих пор не изучены современными учеными-лингвистами в полной мере. Соответственно, данные аспекты в современной лингвистике требуют особого внимания, так как с развивающимися технологиями и, конечно же, средствами массовой информации возникает необходимость донести в сообщении до читателя (адресата) максимальный смысл, который был заложен изначально для достижения авторской интенции.

Понятие креолизованного текста очень тесно связано с существующими на сегодняшний день научными теориями, касающимися содержания понятия «национальный характер».

Основываясь на анализе некоторых статей британских газет, удалось выявить определенные особенности использования креолизированных текстов в британской прессе и в очередной раз хочется сказать о том, что это человек, которому свойственны такие качества как: любовь к формальностям, эксцентричность, законопослушность и справедливость, снобизм, самодовольство. Но подробнее хотелось бы остановиться на следующих качествах: патриотизм и консерватизм. Как показывает история и практика, то, как правило, уровень народного патриотизма в любом государстве начинает увеличиваться и расти в соответствии с происходящими какими-либо событиями в жизни страны. Англия, пожалуй, не исключение.

В 2012 году в Лондоне проводились тридцатые по счету летние Олимпийские игры. В связи с этим СМИ просто пестрили заголовками об этом великом событии. Например,

хорошо известная всем газета «Дейли мейл» в своей передовой статье касаясь темы открытия лондонских игр, разместило патриотичное фото во время церемонии со следующей подписью: «A performer playing the role of the Queen parachutes from a helicopter during the opening ceremony of the London 2012 Olympic Games. He and his artistic team sent a 'script' to Buckingham Palace in the hope Queen would agree to a surprise appearance» («Актер, который играл роль Королевы, прыгает с парашюта вертолета вовремя церемонии открытия Олимпийских Игр 2012 года в Лондоне. Он и его актерская команда выслала сценарий действия в Букингемский дворец в надежде на то, что Королева согласится на неожиданное появление»).

И, еще одна, не менее интересная черта характера англичан — это практицизм, преобладание логики и холодной сдержанности над эмоциями. Рассматривая обложку английского таблоида «Дейли мейл» (англ. «Daily Mail» — «Ежедневная почта»), сразу вниманию читателя бросается мрачный цвет первой страницы популярной газеты от 09.04.2013, где на обложке изображена всем известная Маргарет Тетчер. Заголовок «The Woman Who Saved Britain. 1925 — 2013» (англ. «Женщина, которая спасла Британию») добавляет колорита к фотографии «железной леди», тем самым выражая свою оценку ее деятельности, хотя и не вполне однозначную. Все англичане имеют противоречивую точку зрения по поводу такой запоминающейся политической личности.

Даже на сегодняшний день, когда на дворе 21 век — век безудержного развития технологий и цифровой техники, люди не перестали общаться друг с другом, не перестали замечать интересные особенности и трудноуловимые черты разных народов и государств.

Согласно всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что британское общество не статично, а многолико и изменчиво, несмотря на какие-либо сформировавшиеся

стереотипы. Процессы глобализации и, как бы это не прозвучало, американизации меняют его. В то же время, большое количество усилий направлено на то, чтобы сохранить уникальные традиции и культуру, не потеряв свою неповторимость.

Литература

[1] Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003.

[2] Баранов А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемки // Проблема эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН АН СССР, 1989

[3] Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.

[4] Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А.А.Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский университет, 2000.

[5] Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М., Изд-во МГУП «Мир книги», 1998.

Ильина А.Ю.

(Россия, Москва)

Лингвокультурный потенциал топонимов Канады (на примере провинции Британская Колумбия)

Британская Колумбия — самая западная провинция Канады. Столица провинции — г. Виктория — расположена на юге острова Ванкувер [4]. Столица получила своё название в 1852 году в честь королевы Виктории.

В провинции преобладало белое население, соседствовавшее с представителями многочисленных племён

аборигенов, что отразилось на формировании топонимикона Британской Колумбии.

Топонимический корпус провинции Британская Колумбия имеет несколько особенностей.

Значительное большинство географических названий имеют индейские корни. По словам историка, специалиста по топонимии Британской Колумбии, профессора Helen В. Aktigg, изучение происхождения автохтонных названий представляет непростую задачу по нескольким причинам [2]. Во-первых, на территории Британской Колумбии существует не менее 28 языков коренного индейского населения, не считая диалектов. Самостоятельным языком может считаться местное наречие шинук (Chinook jargon), которое использовали в качестве *lingua franca* на северо-западном побережье Тихого океана. *Lingua franca* представлял собой колоритную смесь английских и французских слов с заимствованиями из языков племен шинук и нутка в индейском фонетическом исполнении. Во-вторых, фонетическая и орфографическая форма топонимов индейского происхождения была так сильно искажена европейцами, что носители автохтонных языков с трудом распознают знакомые звуки в этих названиях. Таким образом, большинство топонимических лексем автохтонного происхождения подверглись англизации из-за отсутствия в английском языке подобных звуков [2].

Как правило, автохтонные названия имеют описательный характер и содержат в своём составе характеристику природы, сюжеты народных легенд или прославление природных богатств мест проживания. Особенность ландшафта провинции заключается в сильно изрезанной береговой линии в виде узких заливов (*inlet*), перешейков (*neck*), каналов (*canal*), бухт (*bay, harbour*), проливов (*sound, strait*) и островов (*islands, isles*):

Nootka Harbour, Smith Sound, Alert Bay, Juan de Fuca Strait.

Как мы можем видеть на карте, многие коммеморативные географические имена, содержащие в своём составе имя или фамилию королевской особы или выдающейся личности, регистрируются без притяжательного апострофа.

Например, *Queens Bay* (бухта Королевы), *Adams Lake* (озеро Адама). Объяснением этому служит закон Географического комитета Канады 1897 года, впервые введённый в США, о написании канадских географических названий без апострофа. В дальнейшем, в 1961 г., когда ответственность за написание географических названий перешла к провинциям, форма без апострофа была утверждена на картах, в юридических документах и повседневном использовании, так что возвращение к притяжательной форме с апострофом было едва ли возможно. Поэтому, за малым исключением, на карте провинции преобладают топонимы без апострофа.

Ещё одна форма вмешательства госструктур в географическую номенклатуру провинции затрагивает переименование так называемых «неполиткорректных» географических имён.

Например, использование слова «*nigger*» в топонимических единицах считалось «расистским», поэтому ороним *Nigger Mountain* (гора *Негра*) превратилась в *Jerry Mountain* (гора *Джерри*), гидроним *Nigger Bar Creek* (бухта «*Бар негра*») → *Goodeve Creek* (бухта «*Приятный вечерок*»).

Но всё же некоторые забавные названия, одобренные Комитетом по географическим названиям Канады, остались на карте провинции Британская Колумбия.

Гидронимы *Looncry Lake* (озеро «*Вопль дурака*»), *Blue Joe Creek* (бухта «*Голубой Джо*»), *Hooch Lake* (Пьяное озеро).

Оронимы *Badshot Mountain* (гора «*Промаш*»), *China Nose Mountain* (гора «*Нос китайца*»), *Weary Ridge* (горный хребет «*Утомленный*»).

Итак, для провинции Британская Колумбия характерно:

1) смешение языков коренного населения с языками колонистов, результатом которого стала англизация топонимической лексики, что вызывает трудности в определении автохтонного источника происхождения названий;

2) отсутствие апострофа в топонимических конструкциях, содержащих притяжательность;

3) эвфемизация некоторых топонимических единиц, для которой характерна замена грубых или непристойных составляющих на более вежливые.

Литература

[1] Черкасов А.И. Шесть регионов Канады: очерки региональной географии// США и Канада — экономика, политика, культура, 2008. №1. С.81–94.

[2] Akrigg H.B. British Columbia Place Names. Sono Nis Press: Victoria, B.C., Canada, 1986. 346 p.

Ильина Н.Ю.

(Россия, Москва)

Отражение космогонических представлений нигерийцев в англоязычном художественном дискурсе

В статье «Чи» в космологии игбо» нигерийский прозаик, поэт и литературный критик Чинуа Ачебе делает попытку изучить космогонические представления своего народа игбо — одного из народов Нигерии. Наряду с принципом двойственности концепт «Чи» является чрезвычайно важным в мировоззрении игбо. Чи не имеет пола, это всемогущая сила, которая означает «внутренний дух», «ангел-хранитель», «душа», «бог».

Ч. Ачебе отмечал, что в общем виде посмотреть на Чи человека можно как на его иное естество в стране духов. Для каждого игбо, который имеет в своем сознании двойников всему, что их окружает, каждый человек имеет своего Чи,

наблюдающего за тем, что с этим человеком происходит. Личный Чи человека может оставить его в моменты кризиса, как это показано в романах Ч. Ачебе у Чи Оконкво и Чи Эзеулу. В романе Флоры Нвапы «Эфуру» главная героиня, потерявшая ребенка, причитает: «О, мой Чи, почему ты так со мной поступил?».

У игбо имена собственные заключают в себе определенный смысл. Упоминание Чи является частью имени человека: Чика — «Чи превыше всего», Чибузо — «Чи во главе», Небечи — «Смотри на Чи». У игбо есть имена, которые выше, чем Чи: Nneka — полное имя –Nnekachi — Mother Supreme — «Мать больше, чем Чи». Еще одно имя Nnebuchi — Mother is Chi, это имя приравнивает мать к Чи, поскольку отмечается роль женщины, дающей жизнь. Мать не только дает рождение жизни, она кормит ребенка своим молоком, как Земля вскармливает всех живых существ, которым она дает жизнь.

Особенности картины мира нигерийцев были непосредственно связаны с их представлениями о единстве законов земного и неземного мира, о смысле существования человека, о культе предков, что можно наблюдать у большинства народов Тропической Африки.

Место человека в нигерийской картине мира определялось вполне однозначно, поскольку при свойственной им системе мировоззрения мир в целом — континуум, в котором ничто новое не появляется и ничто не исчезает [Бондаренко, 1997].

Тип личности существовавшего в традиционном обществе индивида возможно отнести к коллективистской, так как главнейшими для нее обязательствами были именно перед коллективом или родственниками, а интересы коллектива стояли выше личных на шкале ценностей его отдельных представителей.

Свою уникальность индивид ощущал, лишь сознавая себя частью коллектива, стремясь уподобиться ему. Для

общинников свойствен консерватизм, желание следовать установленным порядкам. Они радушны, наделены природным умом. Нигерийцы ценили доброжелательное отношение к людям, уважение к старшим, стремление добиваться всего честным трудом, верность, великодушие, мудрость, бесстрашие. Они осуждали предательство, коварство, жадность, жестокость.

Люди традиционных африканских обществ живут не только в объективно существующем мире, но и в том мире, который создан их воображением, по-своему не менее реальном. Именно этим миром в немалой степени определяются и его законами мотивируются взгляды, помыслы и поступки людей в мире действительном [Бондаренко, 1997].

Особенности мировосприятия нигерийцев являются и сегодня непреходящими ценностями в обыденной жизни, необходимо подчеркнуть устойчивость на уровне массового сознания ключевых мировоззренческих установок и механизмов их мышления в традиционном обществе.

Характерной особенностью религии является представление о бессилии человека, о том, что он зависит от потусторонних могущественных сил, преклоняется перед ними, приносит им жертвоприношения. Жизнь африканцев, по их убеждениям, зависит от «высших сил», которые могут нести в себе добро или зло, и, соответственно, или улучшить жизнь людей, или ухудшить жизнь людей, осложнить или загубить её.

Человеческая судьба испытывается в борьбе этих добрых и злых сил, вот почему она столь шатка, непредсказуема. В течение длительного времени все явления, которые способствовали улучшению жизни, или наоборот, угрожали их благополучию и даже жизни, понимались как проявление исходящих из потустороннего мира добра и зла. «Высшие силы», по мнению африканцев, властвовали над их судьбами, поэтому старались не вызывать их гнев, чтобы не

навлечь на себя их зло, несущее наказание, испытание. Чтобы установить отношения с этими «высшими силами», африканцы обращались к умершим предкам, которые оказывают влияние на жизнь живых людей. Характерной чертой традиционных культур народов Африки, в том числе Нигерии, является вера в незыблемую связь между двумя мирами — миром живых и миром мертвых. Как считают африканцы, мертвые предки пристально следят за живущими, принимают участие в ритуальных обрядах.

Африканский художественный дискурс уходит в глубь устного народного творчества, в связи с этим используется термин «oral literature» который относится к письменным произведениям, сохраняющим элементы «orature». «Orature» включает фольклорные сказки, пословицы, поговорки, песни.

Африканские писатели сохраняют, таким образом, свое наследие, рассказывая историю своего народа будущим поколениям, передавая культурные ценности детям своих детей. «Oral literature» вбирает в себя, впитывает устную народную традицию, которая становится неотъемлемой составляющей письменной литературы.

Писатели являются хранителями традиций прошлого своего народа, и с помощью английского языка открывают мировому читателю лицо своей страны, показывая самобытность ее культуры.

Кургузенкова Ж.В., Донская М.В.

(Россия, Москва)

Концептуализация женского образа во французской языковой культуре

В случае обозначения женщины и связанной с этим проблемой женского самоопределения и идентификации женской личности роль языка в его воздействии на культуру оказалась огромной. Об этом свидетельствует борьба с

языком со стороны феминистских организаций, вызванная к жизни фактами языка в его социально-программирующей функции, а именно — языковыми метафорами женщины.

Вряд ли можно отрицать, что образ женщины — выраженный ли текстами, или запечатленный в зрительном ряде — один из базовых отличительных признаков той или иной культуры, одна из основных ценностей данной культуры и концентрированное сгущение ее духовного потенциала. Женский образ — мощная культурная метафора: от возвышенного поэтического образа прекрасной дамы, романтической возлюбленной до низкого образа женщины-вещи, объекта потребления, — весь спектр женских персонажей в культуре европейских народов представляет собой глобальную проекцию внутренних переживаний человека. Культурообразующая метафора женщины формируется под воздействием сильнейшей эмпатии со стороны мужчины — творца патриархальной культуры.

Концептообразующий признак морального аспекта в поведении женщины во французской лексике представлен чрезвычайно детально, особенно в обозначении «дурной» женщины.

В доказательство всему вышесказанному можно привести следующий список лексических единиц, который наглядно демонстрирует принцип различного подхода к оценке поведения мужчины и женщины во французском обществе:

un gars (разг. парень)	une garce (груб. шлюха)
un courtisan (придворный)	une courtisane (куртизанка)
un masseur (массажист)	une masseuse (разг. проститутка)
un coureur (бегун)	une coureuse (груб. шлюха)

un entraîneur (тренер)	une entraîneuse (разг. проститутка)
un rouleur (водитель)	une rouleur (разг. проститутка)
un professionnel (профессионал)	une professionnelle (разг. проститутка)
un homme galant (галантный мужчина)	une femme galante (уст. проститутка)
un homme sans moralité (политик)	une femme sans moralité (проститутка)
un homme à femmes (соблазнитель)	une femme à hommes (проститутка)
un homme public (известный человек)	une femme publique (проститутка)
un homme facile (лёгкий человек)	une femme facile (проститутка)
un homme qui fait le trottoir (дорожный рабочий)	une femme qui fait le trottoir (уличная девка)

Вышеприведённые примеры позволяют констатировать абсолютное преобладание во французском языке стилистически маркированных эмоционально-оценочных интерпретирующих слов, характеризующихся ярко выраженной эмпатией «мужского взгляда» на объект номинации. Практически все вышеприведенные номинации женщины созданы как результат направленного на нее со стороны «мужского взгляда». Мужской взгляд и мужское представление о роли женщины наложили свой отпечаток и на внутреннюю форму отдельных слов и словосочетаний. В любой из своих семантических ипостасей человеческое существо женского пола не имеет абсолютного значения. Ценность концепта «женщина» релятивизирована относительно мужчины, и его значение семантически не выделяется без опоры на этот актант.

Примечательно, что такие эмотивно-окрашенные номинации, благодаря широкому спектру содержащейся в них

оценочности, способны не только подробно описывать мир, но и жестко регламентировать поведение как самой женщины, так и других людей по отношению к ней.

Представляется несомненным, что интерпретирующие эмоционально-оценочные слова обладают способностью не только отображать концептуальную сферу носителей языка, но и отчасти программировать и регулировать их социально-ролевое поведение. Метафорическая, эмоционально-насыщенная стилистически маркированная лексика — сильный рычаг управления поведением человека, который не желает, чтобы столь мощный языковой заряд был направлен против него лично. В связи с этим уместно говорить не только о влиянии культуры на отношение к языку, но и на наличие обратной связи, о возможности для языка выполнять функции регулятора культурной жизни личности и общества.

Лавриненко Л.С.

(Россия, Москва)

**Особенности переключения кодов в романе
Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»**

Феномен билингвизма (двуязычия) является предметом пристального внимания многих исследователей. Рассматривая проблему художественного билингвизма, Ю. М. Лотман отмечает, что «реальная плоть художественного произведения состоит из текста в его отношении к внетекстовой реальности — действительности, литературным нормам, традициям, представлениям» [2]. Владение таким контекстом, позволяющее произвести анализ текстовых единиц в аспекте определенной социально-исторической эпохи, представляет собой необходимое условие правильного прочтения художественного текста [3].

Широкое использование французского языка так заметно в романах Шарлотты Бронте, что побудило

рецензента первого тома ее романа «Шерли» (1849) отклонить его, сетуя на то, что он был написан «наполовину на французском языке, наполовину на йоркширском диалекте». Французский язык для Шарлотты Бронте — символ свободного самовыражения.

Большое количество французских лексем в «Джейн Эйр» (1847) можно было бы рассматривать лишь как декоративное украшение романа, но более глубокий анализ показывает, что французский используется в романе для большей выразительности при обсуждении гендерных проблем и вопросов образования, а также при описании конфликта индивидуализма и конформизма в контексте Викторианской эпохи.

Джейн Эйр получает свободу выражения через свое знание французского языка. Примечательно, что первый французский глагол, который узнает Джейн, — это глагол *être* «быть, существовать», будто иностранный язык предлагает ей новую жизнь [1]. Знание Джейн французского обеспечивает ей некое положение в обществе, дает возможность получить должность гувернантки девочки Адель в Торнфилде. Открытие французского языкового пространства в тексте является показателем независимости и формой самовыражения для Джейн.

В общество людей, владеющих французским языком, в Торнфилде входит и г-н Рочестер. Французский язык позволяет Рочестеру преодолевать запреты и говорить на темы, которые он обычно не позволял себе затрагивать.

Использование Аделью французского языка показывает ее отношение к окружающим ее людям: она возвышает своего опекуна в ранг французского аристократа при помощи добавления частицы к его имени: «М. Эдуарда Фэйрфакса де Рочестера» [1], а также причисляет свою гувернантку Джейн к французам, обращаясь к ней в уменьшительно-ласкательной форме ее имени на французский манер: «Жаннет» [1].

При этом французский язык Адель зачастую оказывается грамматически неправильным. Так, в ее речи часто отмечается рассогласование категории числа, например, когда Адель говорит, что у Джейн дрожат руки (*vos doigts tremblent comme la feuille*) [1].

Адель на английском языке говорит так же неуверенно, как и на французском. Как объясняет г-жа Фэйрфакс, прежде чем Джейн знакомится со своей будущей ученицей, она не может понять английский Адель: «она постоянно смешивает английский и французский языки» [1]. Переключение кодов в речи Адель характеризует состояние перехода от детства к юности. Гибридность также имеет отношение к кросс-культурной идентичности Адель, которая родилась в Париже, но воспитывается в Англии.

Таким образом, анализируя особенности переключения кодов в творчестве Бронте, мы видим, что французский язык вводится в текст несколькими способами. В первую очередь, продолжительные фрагменты, не прерываемые английскими лексемами (больше двух фраз, как в монологе Адель о доме матери), отмечены и пассажи с переключением кодов (английский и французский). Также присутствует значительное количество единичных французских заимствований. Бронте могла использовать французский язык, когда в английском по различным причинам не находила точного, в том числе стилистического, эквивалента, или в качестве особого художественного приема: в моменты особой ситуативной напряженности, при создании комического эффекта или в качестве символа свободного самовыражения как героев романа, в частности Джейн Эйр или Рочестера, так и самого автора.

Литература

[1] Бронте Ш. Джейн Эйр: роман / пер. с англ. М.: Эксмо, 2008. 508 с.

[2] Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 11–246.

[3] Найденова Н.С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста. Сопоставительное исследование. М.: Флинта; Наука, 2014. 340 с.

[4] Fraser's Magazine // «New Novels». 1849. Vol. XL. P. 98–111.

Тугова Е.В.

(Россия, Москва)

Когнитивная составляющая процесса переключения лингвистического кода

Сравнительно недавно явление переключения языкового кода считалось исключением из нормы. Сегодня это явление активно изучается в междисциплинарном диапазоне. Проблема переключения кодов — одна из наиболее актуальных и широко обсуждаемых лингвистических тем. Основная функция переключения кода заключается в устранении или в поддержании социальных границ, свойственных, в частности, коммуникантам: с помощью переключения кода *устанавливаются контакты* между представителями различных социальных сфер, возрастов, профессий и т.д.

По Р.О. Якобсону, код сообщения является одним из составляющих модели коммуникативного акта.

Каждый язык тесно связан с психологией и с национальной самобытностью народа, поэтому билингвы достаточно часто выражают свои мысли на нескольких языках, чтобы решить ту или иную коммуникативную задачу проще. Последние исследования показывают, что относительно часто смены языковых кодов используются как средство стратегии общения для передачи социальной и лингвистической информации. Переключение кода можно

отграничить как отдельное стилистическое явление от билингвизма, благодаря тому, что для этого процесса не обязательно быть билингом. Речевая компетенция билинга подразумевает его умение использовать язык в рамках социокультурного контекста с применением различных коммуникативных стратегий, а также понимать функциональные особенности различных языков, принятых в определенном языковом обществе. Хотя, люди, владеющие парой фраз на другом иностранном языке, тоже могут применять этот процесс в действии.

Достаточно часто переключение кода выполняет текстообразующую функцию, заполняя лексический пробел в языке реципиента, связанный с отсутствием в нем того или иного понятия. Если рассмотреть примеры из публицистического текста на английском языке, мы сможем наглядно увидеть этот процесс :

*The key to his access was the cut, contour and craftsmanship of his clothes, but also his much-celebrated **joie de vivre**.* (Ключ к его успеху был в фасоне, контуре, мастерстве и жизнерадостности, с которым сделана его одежда.)

В этом примере мы видим как фраза *joie de vivre* ассимилируется в предложение. Если бы автор хотел передать ее на английском языке, получилось бы достаточно длинно и громоздко. Благодаря такому приему, предложение приобретает более помпезный и элегантный характер. Говорящий пытается воспользоваться этим лексическим приемом, чтобы подчеркнуть всю красоту и изящность образа актрисы.

Кодовое переключение с «максимальным количеством составляющих» наблюдается в случае проникновения из одного языка в другой целых словосочетаний. Это могут быть устойчивые выражения, фразеологизмы.

Voltaire famously dismissed Canada as «quelques arpents de neige» — several acres of snow — but then, he'd never visited.

(Вольтер во всеуслышание назвал Канаду «несколькими акрами снега», но, сам он, никогда там не был).

*Mixing patterns is **de rigueur** this season.* (Сочетание текстур является обязательным в этом сезоне)

*Patterned polos, **jolie-laide** printed-wool mini-dresses, shearling'n'denim, fringed suede bags and onwards through the mists of time.* (Поло с логотипами, необычные короткие платья с принтами из шерсти, джинсовые куртки с воротниками, замшевые сумки с бахромой пронесут вас через тени эпох).

*Try a long-lasting formula like CND's Vinylux system which ensures a week **sans** nicks.* (Попробуйте формулу с длительным эффектом, как у системы Vinylux CND, которая обеспечивает идеальный маникюр целую неделю.)

Использование предлога *sans* (без) подтверждает тот факт, что при переключении кода могут использоваться как самостоятельные части речи, так и служебные слова. Как мы видим, синтаксис сохраняется в английском предложении. Код языка-источника и языка перевода в данном образце похожи.

Два человека могут получить одну и ту же информацию, но воспринять ее как два совершенно разных сообщения. Цели и интересы могут привести читателей к построению различных макроструктур одного и того же текста. Однако различия в интерпритации не должны относиться к уровню репрезентации текста, они скорее появляются на уровне моделей ситуации. Мы слышим одно и то же сообщение, но понимаем его по-разному. Литературные тексты часто не ограничивают жестко модель ситуации, давая читателю большой простор для создания собственной.

Научный потенциал переключения кода в контексте глобализации повышается, так как, частое применение элементов другого языка в тексте является проявлением глобализационных процессов и направлено на оптимизацию построения коммуникации в рамках языковых контактов.

Литература

- [1] Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып.6. Языковые контакты. М., 1972.
- [2] Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода. «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике». М., 1978. С. 16–24.
- [3] Bhatia T.K. Advertising in Rural India: Language, Marketing, Communication and Consumption. Institute for the Study.
- [4] Elle Canada October 2015.
- [5] Harper's Bazaar Australia March 2015.
- [6] Harper's Bazaar UK October 2015.
- [7] Elle Canada October 2015.
- [8] Tatler UK October 2015.

Чжу Жуйшуан
(Россия, Москва)

Традиционные китайские моральные ценности

Китай является древней цивилизацией с выдающейся традиционной культурой, оказавшей сильнейшее влияние на образ мышления и нормы поведения китайской нации. Интериоризация, будучи основным фактором формирования и развития образа мышления человека, обуславливает психологию и характер китайцев.. Традиционная культура является источником жизнедеятельности и оказывает влияние на каждого человека. Конфуцианство является основным элементом традиционной китайской культуры, оказавшим влияние на способ мышления, поведения, моральные ценности и воспитание личности каждого китайца. В основе традиционной китайской этике лежит семья, ценности которой, в свою очередь, основаны на конфуцианской культуре. Таким образом, все общественные организации основаны на семейных ценностях. Межличностные

отношения так же являются производными семейных отношений, в результате чего в центре моральных ценностей так же лежит семья. Китайская нация за длительный период развития цивилизации сформировала свою традиционную мораль и ценности.

Достаточно широко значение этой концепции «Дао дэ» в китайской древней литературе. Слово «Дао дэ» ранее всего было прослежено в «Дао дэ дзин». Лао дзы говорит: «Дао дает им появиться, Дэ возвращает их, отречение от мыслей дает им вырасти, внешние условия позволяет им добиться успехов». Поэтому всё сущее без исключения почитают Дао и добродетель [Чень 2008]. Здесь «Дао» — это истина, которая имеет место на протяжении всей жизни всех живых существ. «Дэ», с одной стороны, это проявление Дао. Иероглиф Дэ раньше всего появился в период Династии Шан, вплоть до Западной Джоу, и только тогда стал появляться как важность нормы Дао дэ.

Мораль не только содержит в себе особые нормы и порядок действий, но и опирается на высокую степень человеческого сознания, совести и убеждений, является продуктом человеческой истории. Система моральных ценностей оказывает влияние на общее понимание и основной подход в суждении относительно индивидуального и коллективного поведения, моральных качеств личности и в то же время служит моделью поведения личности.

Литература

[1] Чень Гу Ин, примечания. Лао Дзы перевод на современный язык. Пекин: Пекинское коммерческое издательство, 2008.

СЕКЦИЯ 4
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Авсинева Н.М., Левинтон О.М.
(Россия, Москва)

**Общекультурные нормы коммуникативного поведения
арабов и французов**

Интерес к процессу непосредственного взаимодействия культур появился вместе с тенденцией рассматривать язык не изолированно, а с точки зрения семантики, синтактики и прагматики. Рассматривая коммуникативное поведение носителей арабского и французского языков, мы не вправе упускать прагматический аспект, который непосредственно связан с национально-культурной спецификой.

Коммуникативное поведение определяется как непосредственное взаимодействие культур, в результате которого можно наблюдать полное или частичное несовпадение национального мышления и стереотипов.

К общекультурным нормам коммуникативного поведения относятся правила этикета и вежливого общения такие, как: обращение, приветствие, знакомство, прощание и многие другие.

При изучении иностранного языка необходимо принимать во внимание нормы коммуникативного поведения с тем, чтобы в дальнейшем избегать взаимного непонимания при общении с представителем культуры изучаемого языка.

Особенно интересным представляется рассмотреть общекультурные нормы коммуникативного поведения представителей восточной и западной культур (в нашем

случае арабской и французской), их основные сходства и различия.

В арабском мире большое внимание уделяется этикету, церемониям приветствия, знакомства, обращения, прощания. При встрече принято приветствовать собеседника религиозно, пожелав ему и его семье мира и благословения Аллаха (*assalamu alaikum wa rahmatullahi wa barakatuh*).

Религиозная форма «приветствие» также распространяется и на ситуацию «знакомство». При первой встрече араб может приветствовать собеседника нейтрально (*tasharrafna* — для меня честь с вами познакомиться), но часто такое приветствие будет сопровождать пожелание мира.

В арабском языке нет деления на «ты» и уважительное «вы», поэтому если арабы хотят показать свое уважение к собеседнику, они используют особые формы обращения: *hadritak*, *fadiltak*, означающие «пожалуйста», но используемые со стороны говорящего для того, чтобы показать значимость для него мнения собеседника. Обращаясь к своему собеседнику, арабы используют звательную частицу *ya*. Не стоит пренебрегать номинацией титулований. В арабской культуре они являются неотъемлемой частью общения, позволяя ориентироваться в обществе. Даже в повседневном общении на обиходно-разговорном уровне арабы при обращении используют титулования *doctoor*, *oustaaz* (доктор, учитель), даже если собеседник не является представителем этих профессий.

Прощание так же, как и приветствие, тесно связано с религией, поэтому, уходя, араб пожелает мира (*assalamu alaikum*) или произнесет слово «до свидания», в корне которого тоже «мир» (*maa assalama*).

Во французской культуре этикету уделяется не меньшее внимание, чем в арабской. Однако в ней не присутствует религиозный аспект, как в арабском обществе.

При встрече французы считают приличным пожелать доброго дня или вечера (*bonjour, bonsoir*). Часто приветствие

сопровождается рукопожатием. При встрече с женщиной допускается поцелуй в щеку.

При знакомстве принято произносить *je suis ravi(e) de faire votre connaissance* (рад(а) с вами познакомиться). При знакомстве с женщиной мужчина может произнести *enchanté* (очарован).

Обращаясь к собеседнику, французы используют *monsieur, madame*, предпочитая избегать номинации профессии или каких-либо титулований. Во французском языке существует форма уважительного «вы», но французы редко ее используют, предлагая перейти на «ты» (*tutoyer*).

При прощании во Франции принято наряду с *au revoir* (до свидания) пожелать хорошего дня или вечера (*bonne journée, bonne soirée*).

И в арабском, и во французском обществе существуют общекультурные нормы коммуникативного поведения; и на Востоке, и на Западе очень важно соблюдать нормы этикета и учитывать национально-культурную специфику, чтобы достичь успешного общения с представителями этих культур.

Гладкова П.А.

(Испания, Кадис)

Проблемы адаптации российских детей в Испании

Объектом исследования являются российские дети, участвующие в испанской благотворительной программе, проводимой совместно с благотворительной ассоциацией «Наше будущее». Программа заключается в том, что испанские семьи на протяжении семи лет принимают на два летних месяца детей из регионов, пострадавших в результате аварии Чернобыльской АЭС. За двадцать лет работы «Нашего будущего» в Испании побывало более тысячи российских детей (с 5 до 17 лет) из Чернобыльской «зоны отселения» Брянской области.

Данное исследование проводилось в течение пяти лет (в 2009 в Галисии, в 2010 Экстремадуре, в 2011 в г. Новозыбкове, в 2012 и 2013 в Мадриде) и за это время в нем приняло участие 80 российских детей и 50 испанских семей.

Целью исследования было выявить особенности адаптации российских детей к испанской социокультурной среде.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи. Во-первых, выяснить, как проходит межкультурный диалог российских детей и испанских семей. Во-вторых, выделить проблемы, с которыми сталкиваются как российские дети, так и принимающие их испанские семьи. В-третьих, выявить, как степень владения испанским языком влияет на процесс адаптации российских детей.

Основным источником данной работы является полевой материал автора и ее коллег, рабочие и личные дневники за 2009–2013 гг., результаты анкетирования испанских семей, а также аудио- и видеоматериал, записанный автором во время пяти экспедиций.

Попадая в чужую социокультурную среду, российские дети проходят три этапа приспособления. В исследовании применена типология Г.С. Триндиса.

На первом этапе они сталкиваются с культурным шоком, который проявляется следующим образом: у ребенка возникает ощущение беспомощности, он может страдать от бессонницы, плакать, избегать физических контактов с людьми, отказываться от еды, тосковать по дому и т.д. Как правило, первый этап длится от нескольких дней до одного месяца.

Ощущение беспомощности обусловлено языковым барьером, потому что испанцы, принимающие российских детей, совершенно не владеют русским языком, так же, как русские дети — испанским. Преодоление языкового барьера зависит от усилий, прилагаемых ребенком и его испанской семьей — цели сторон должны совпадать. Следует отметить,

что языковой барьер не является основным препятствием в процессе адаптации российских детей, и преодолевается детьми в среднем за две-четыре недели.

Боязнь физических контактов проявляется преимущественно в том, что дети стараются избегать тактильных контактов, которые типичны и естественны в Испании, например, детям сложно привыкнуть к поцелуям приветствия, которые являются для испанцев нормой межличностного общения.

Чувство тоски по Родине связано с отрывом ребенка от своей родной русской семьи, поэтому первые две недели ребенок часто звонит домой, а также русским сопровождающим в Испании. У него возникает повышенная потребность в общении с представителями своей культуры, он стремится изолироваться от окружающих его испанцев. В случае частых контактов ребенка с представителями своей культуры адаптация к новой среде происходит долго и болезненно.

В результате исследования сделаны выводы, что степень выраженности и продолжительность культурного шока зависит от личных качеств и жизненного опыта ребенка, а также от индивидуального восприятия ребенком схожести двух культур.

На второй стадии ребенок преодолевает кризис, который вызван обострением культурных противоречий, возникающих у него при взаимодействии с испанцами. Самым сложным в процессе адаптации российских детей является несоответствие норм межличностного и внутрисемейного общения в России и в Испании. Это кульминационный момент в процессе его адаптации, после которого ребенок или проходит на следующий этап адаптации, или возвращается назад в Россию. У детей, которые не смогли пройти эту стадию, формируется отрицательный образ Испании.

На третьей стадии происходит принятие норм «чужой» культуры и дальнейшее успешное взаимодействие с ее представителями. Российские дети перенимают испанские культурные ценности и становятся частью своих испанских семей. У них формируется положительный образ Испании, происходит переоценка ценностей своей культуры.

Большинство испанских семей оценивают степень интеграции российских детей в испанскую культуру на 75-100%, что свидетельствует об успешной межкультурной адаптации российских детей к социокультурной среде Испании.

Таким образом, в ходе исследования мы выяснили, с какими проблемами сталкиваются российские дети, выявили особенности межкультурной коммуникации, определили взаимосвязь между владением испанским языком и процессом адаптации.

Литература

[1] Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М, 2012. 288 с.

[2] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 320.

[3] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 624.

[4] Триандис Г.С. Культура и социальное поведение: учебное пособие. Пер. Соснин В.А. М., 2007. С. 329.

[5] Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology, 1960. P. 177.

Гуторенко Л.С.

(Россия, Москва)

**Особенности мемов юмористического характера
среди испаноязычных пользователей
в современной Интернет-коммуникации**

В последнее время наблюдается всё большее проникновение виртуальной реальности в повседневную жизнь, что влияет на некоторые её аспекты. Так, например, активное развитие и всё большая доступность коммуникации в сети Интернет придаёт специфику общению за его пределами, а также влияет на язык средств массовой информации [3]. Актуальным представляется изучение особенностей комического текста в сети Интернет, поскольку юмор является одной из базовых эмоций и активно присутствует в человеческой коммуникации. Интерес к исследованиям текстов комического характера связан, во-первых, с недавним развитием лингвистики эмоций как новой области исследований, и во-вторых с доступностью образования и информации в настоящее время в связи с развитием средств массовой коммуникации, что способствует возникновению интертекстуальности — переосмысления уже известных текстов в комическом ракурсе.

Исследуя юмористическое высказывание, следует учитывать не только горизонтальный, но и вертикальный контекст: если читателю не понятны лингвистические средства, используемые автором, либо ему не хватает фоновых знаний, коммуникация не будет успешной, а перлокутивный эффект останется минимальным. Подобная ситуация может произойти, когда автор и адресат принадлежат к разным культурам (речь может идти о возрастной или социальной категории, уровне образования, профессии либо этнокультурной принадлежности), следовательно, для успешного понимания юмористического текста при межкультурной коммуникации представляется

необходимым владение как лингвистическими, так и фоновыми знаниями в достаточном объёме.

Определённые мотивы, вербальные и графические компоненты, приобретающие популярность, дают начало прецедентности, постоянно переосмысливаясь в новых ракурсах, близких для автора и целевой аудитории. При этом можно отметить различный характер прецедентных компонентов: в одном случае они практически являются вневременными и служат основой для новых текстов в течение многих лет, в другом — носят стихийный характер, часто становясь обусловленными внешними событиями, и в скором времени утрачивают актуальность. Данные элементы, широко распространившиеся в сети, становятся Интернет-мемами. Термин «мем», происходящий от греческого «*mimeme*» — имитация, сопоставляется Ричардом Докинзом (1976) с понятием гена в генетике, обозначая единицу информации, со временем претерпевающую эволюцию в культуре человечества и даёт начало возникновению меметики, изучающей на его основе эволюционные модели передачи информации. Креолизованные, т.е. содержащие как вербальные, так и не вербальные элементы (термин предложен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым), тексты юмористического характера дают обширный материал для исследований особенностей и развития мемов в сети Интернет.

Глобализация виртуального пространства способствует интернациональному характеру визуальных компонентов мемов (основой для которых служит фотография, кадр из фильма или нарисованный персонаж), служащих шаблонами, на которые в дальнейшем накладывается вербальная составляющая. Так, в испаноязычном виртуальном сообществе приобрели популярность шаблоны Bad Luck Brian, Willy Wonka, Friki, Philosoraptor, Mr.Bean и другие. Следует отметить мем *Ola k ase* (¡Hola! ¿Qué hace?),

возникший и распространившийся благодаря носителям испанского языка. Исходным графическим компонентом является фотография головы ламы, смотрящей в кадр, однако впоследствии визуальная и вербальная составляющая стали встречаться по отдельности, пользуясь равной популярностью. В приведённом примере можно наблюдать умышленное нарушение норм орфографии, что является частым приёмом при создании виртуальных текстов. О данном явлении пишет Л.П. Крысин: «Пользователи Интернета идут на сознательное нарушение языковых канонов, как нормативных, так и системных, они склонны к языковым экспериментам, к игре со словом и в слово» [2].

Что касается лингвистической составляющей, в текстах юмористического характера она зачастую основана на возможности двойной интерпретации высказывания, о чём писали Л.В. Попова (1968), А.В. Кунин (1971), Л.В. Орлецкая (1994) и др. Примером подобной двусмысленности может являться текст: «Niñas de 11 años que ponen «no soy celosa, sólo cuido lo que es mío», las entiendo, yo tampoco prestaba mis juguetes» (Я понимаю 11-летних девочек, которые пишут: «я не ревнивая, я просто охраняю то, что принадлежит мне», я тоже не давала никому свои игрушки), в котором объектом высмеивания служат девочки, пишущие любовные статусы.

Всё большее проникновение виртуального общения в нашу жизнь, а также тот факт, что оно значительно упрощает межкультурную коммуникацию, делает актуальным изучение его особенностей в целом и особенностей отдельных его жанров среди представителей разных культур, а постоянно обновляющаяся база примеров даёт обширный материал для исследований.

Литература

[1] Dawkins R. The Selfish Gene // Oxford University Press, (1976) 1989. 352 p.

[2] Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). М., 2007. С. 5–17.

[3] Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.

Захарова Е.В., Ульянищева Л.В.
(Россия, Москва)

**Гендерная идентификация языковой личности:
лингвопрагматический аспект**

Современный мир сложен и многообразен. Политические, экономические, социальные процессы, происходящие в нём многоаспектны и взаимосвязаны. Будучи социальным явлением, язык выступает в качестве своеобразного индикатора изменений состояния общества в каждой конкретной социально-исторической эпохе. Язык пронизывает и затрагивает все слои общества; с одной стороны, объединяя их в единое целое, с другой стороны, подчёркивая различия и специфические особенности каждой социальной группы.

В последней четверти XX века одним из факторов международной общественной нестабильности была названа гендерная асимметрия. В этой связи, представляется особенно важным рассмотреть гендерный компонент языка и определить **гендерную идентичность** его носителей.

В научных трудах, появившихся на рубеже XX–XXI веков (D. Tannen, R. Lakoff, А.В. Кирилина, О.А. Воронина) гендерная идентичность рассматривается как результат комплексного взаимодействия биологических, социокультурных и психологических (личностных) факторов, при котором по мере становления и реализации гендерной идентичности усиливается регулирующая и смыслообразующая роль самой личности. Реализация

гендерной идентичности языковой личности связана с выработкой определенных способов социокультурной презентации своих биологических свойств в той форме, которая отвечает её личностным идеям.

Знание об особенностях речевого поведения, характерного для представителей того или иного гендера хранится в нашем сознании в форме стереотипа.

Рассмотрим особенности использования лингво-прагматических стратегий с точки зрения гендерной проблематики. Женщинам как гендерному классу в основном приписывают использование в своей речи таких стратегий, как косвенность, активное слушание и пассивное говорение, молчание. Мужчины, в свою очередь, прибегают к употреблению ряда стратегий, используемых для отражения отношения власти: активное говорение и пассивное слушание, прерывание, вербальный конфликт.

В то же время, мужчины и женщины в своем коммуникативном поведении часто употребляют лингвистические стратегии, характерные для представителей другого гендера. Это может быть обусловлено как особыми коммуникативными целями, так и самоидентификацией с определенной гендерной ролью. Так прагматическая нагрузка одной и той же речевой стратегии может кардинально поменяться в зависимости от ситуации общения. Например, стратегия косвенности, которая часто приписывается женскому коммуникативному поведению, обычно выражается в непрямом выражении какой-то идеи. Одно из преимуществ этой стратегии заключается в том, что в случае коммуникативной неудачи или негативной реакции собеседника можно изменить или уточнить ранее сказанное. Считается, что женщины не занимают доминирующую позицию в отношениях власти и поэтому не чувствуют себя в праве высказать желаемое в форме требования. Мужчинам в свою очередь приписывается стратегия прямолинейности, то есть они, обычно, прямо заявляют о своих идеях, желаниях,

предпочтениях, намерениях. Рассмотрим один из примеров, часто приводимый Д. Таннен, употребления мужчинами стратегии косвенности. В греческой семье дочка отпрашивается у папы на вечеринку, в ответ он ей говорит: «If you want, you can go». Если не рассматривать экстралингвистические факторы, можно посчитать, что отец дает согласие. Однако, эта фраза была сказана без энтузиазма, и девушка поняла, что ее папа предпочел бы, чтобы она не ходила на эту вечеринку. Девушка последовала желанию отца. Так почему же не сказать прямо, не запретить дочке идти? В данном случае косвенность высказывания не отражает отсутствие власти, как это обычно считается в случае употребления этой стратегии женщинами. Наоборот, отец чувствует себя вполне в праве указывать дочери как себя вести, но использование этой стратегии направлено в том числе на выражение солидарности, на создание видимости того, что отец и дочь находятся в равных отношениях.

Гендерная идентичность взаимодействует с другими социальными конструктами, такими как расовая или классовая принадлежность. Таким образом, в отдельно взятом обществе могут одновременно сосуществовать разные, порой даже противоречивые, представления о маскулинности и фемининности. Мужчины и женщины, используя в своей речи определенные лингво-прагматические стратегии, не только следуют определенным нормам коммуникативного поведения, но и оказывают на них влияние, которое в результате может привести к серьезным переменам в социальном укладе общества.

Литература:

[1] Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 252 с.

[2] Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.

Колесникович В.В.

(Россия, Москва)

**Особенности отражения языковой картины мира
англичан и французов в идиоматических выражениях
«время» и «деньги»**

Фразеологизмы выступают в качестве средств образного отражения мира, они вбирают в себя мифологические, религиозные и этические представления народов разных эпох и поколений. Проблема исследования фразеологизмов является достаточно актуальной на сегодняшний день, поскольку роль фразеологизмов как носителей языковой картины мира той или иной народности до сих пор изучена крайне мало, именно поэтому мы выбрали данную тему для исследования.

Существует множество определений слова «идиома», разные словари дают различные трактовки данному термину, не всегда полностью совпадающие по значению. Например, согласно Оксфордскому словарю для изучающих язык уровня Advanced, «a group of words established by usage as having a meaning not deducible from those of the individual words (e.g. over the moon, see the light)» (Группа слов, которая благодаря узусу приобрела новое значение, не вытекающее из составляющих идиому слов, например, «быть на седьмом небе от счастья» или «выйти в печати»). Однако словарь French Dictionary Larousse дает несколько иную трактовку: «Idiome c'est tout instrument de communication linguistique utilisé par telle ou telle communauté. (C'est un terme très général qui recouvre aussi bien la notion de langue que les notions de dialecte, de patois, etc.)» (Идиома — всякое средство языковой коммуникации,

используемое в той или иной области. Это — очень широкий термин, включающий в себя как понятие языка, так и понятия диалекта, местного наречия и т.д.). В целом, мы увидели, что в значение слова «идиома» в английском и французском языках совпадает.

Обобщив многочисленные понятия, можно сказать, что идиома является фразеологическим оборотом, значение которого не следует из значения составляющих его слов, а также прямого значения их сочетания. Этот тип устойчивых словосочетаний характеризуется почти полной неизменяемостью. Таким образом, идиома представляет собой цельное неизменяемое словосочетание, включающее в себя культурный и лингвистический аспекты, истинный смысл которого не всегда очевиден для незнающего ее человека.

Идиомы способны отражать культурную картину мира, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности. В свою очередь, культурная картина мира находит свое отражение в языковой картине мира, которая отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании понятием об этом предмете. Другими словами, язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Идиомы отражают особенности мышления того или иного народа, причем делают это очень точно, поскольку они несут в себе отпечаток образов и ассоциаций, свойственных определенной культуре.

Концепты, отражение которых в идиоматических единицах было нами изучено, в своем роде универсальны и для английской, и для французской культур. Концепт «время» обладает идентичной семантической структурой в английском и французском языках. Английская культура является монохромной, что предполагает линейное течение времени, когда большую роль играет пунктуальность, четкое

соблюдение сроков и следование заранее намеченному плану. Данная особенность находит отражение и в идиомах: *to work against the clock / to beat the clock, a race against time*. Все три выражения означают «работать очень много, часто в максимально сжатые сроки, чтобы успеть к намеченному моменту». Фразеологизмы с подобным значением встречаются и во французском языке, но гораздо большее количество французских идиом представляет время в гораздо более абстрактных понятиях: «*l'avenir le verra*» — время покажет, «*son heure viendra*» — его час еще настанет, «*l'horloge tourne, l'heure tourne, le temps est compté*» — все эти выражения означают «время бежит». Дело в том, что французская культура, в отличие от английской, является полихронной, ее представители уделяют большое внимание межличностным отношениям и не придают большое значение пунктуальности, поэтому и идиомы с данным концептом имеют некое общее значение.

Концепт «деньги» также универсален для обеих культур. Ценностные суждения представителей английской и французской культур о деньгах свидетельствуют о том, что отношение к ним очень противоречиво. Для наглядности приведем такие французские пословицы, как «*L'argent est le nerf de la guerre*» (деньги — главный нерв войны), «*propre comme un sou neuf*» (чистый, как новая монетка), «*l'argent n'a pas d'odeur*» (деньги не пахнут), «*l'argent est un bon serviteur et un mauvais maître*» (деньги — хороший слуга, но плохой хозяин). Из этих поговорок видно, что в менталитете французского народа деньги напрямую связаны с первостепенностью в войне, с моральными принципами, с неумением сохранения и неразумными тратами.

Таким образом, мы увидели, что идиомы играют огромную роль в языке в качестве носителей отпечатка языковой и культурной картин мира того или иного народа.

Литература

[1] Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. М., 1996.

[2] Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

[3] Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans, Edward T. Hall and Mildred Reed Hall Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1990.

Пильгун Е.В.

(Беларусь, Минск)

Коммуникативные тактики ведения информационной войны

В социо-политической и военно-стратегической сферах информационной войной называют совокупность действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства путем воздействия на информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации.

Согласно теории игр информационной войной называются антагонистические игры, критериями которой являются: наличие нескольких участников с противоположными интересами, непредсказуемость и взаимозависимость их поведения друг от друга; полное отсутствие моральных норм и правил [1].

С точки зрения лингвистики информационная война предполагает интерпретацию любых речевых образований в условиях кризисов, с целью освещения политических и социально-экономических событий с позиций выгодных говорящему (лидеру) для целенаправленного воздействия и формирования нужного общественного мнения. Поэтому при изучении кризисных ситуаций, а также дискурса, возникающего при кризисной коммуникации, информационная война становится не только политическим, экономическим, психологическим,

военно-стратегическим орудием, но и коммуникативной стратегией. Как коммуникативная стратегия данный вид противоборства подразумевает выбор коммуникативного пространства, средств взаимодействия, интенциональной направленности высказывания, а также коммуникативных тактик для реализации поставленной цели коммуникации. Эффективность такой коммуникативной стратегии напрямую зависит от используемых тактик. Выбор коммуникативных тактик, детерминирован целями и задачами ведения информационной войны. Выдвигая перед собой задачу, исказить образ противника, унижить и дискредитировать его в глазах общественности, говорящий обращается к группе референциальных тактик. Группа аргументативных тактик предполагает использование логико-языковых средств и приемов, направленных на акцентуацию внимания реципиента сугубо на необходимых событийных характеристиках.

К референциальным тактикам мы относим тактики дискредитации и изоляции. Направленная на оппонента *тактика дискредитации* реализуется посредством приемов *обвинения, осуждения и порицания*. Данная тактика является агрессивной, так как предполагает наличие конкуренции и подрыв авторитета оппонента. Наиболее точно ее можно описать, прибегая к термину, предложенному Е.И. Шейгал «фокусировочное манипулирование» — такая форма подачи информации, при которой адресат выставляет противника в невыгодном свете, но при этом прибегает и к имплицитной антитезе, фокусируя внимание на себе. Еще один термин «фактологическое манипулирование» используемый Е.И. Шейгал в значении «ложь, подтасовка фактов, преувеличение, недоговорки, создание неопределенности» [2], удачно описывает *тактику изоляции*. Данная тактика апеллирует к фактам, а степени ее реализации в условиях информационной войны представлены в следующих градационных отношениях в зависимости от

количества и качества сообщаемой информации: 1) искажение правды — откровенная ложь; 2) частичное сообщение информации — полное умолчание информации, либо «информационная блокада». Обман, в свою очередь, является одним из принципов ведения войны.

К группе аргументативных тактик, при которых нарушаются постулаты коммуникации: нарушение логики и цельности текста, уход от ответа, темы; уклонение от необходимости доказывать, неопределенность ответа, отнесем *тактики давления, пропаганды, агитации, предупреждения и угрозы*. Так, тактика убеждения в условиях информационной войны зачастую приобретает характер или вовсе подменяется *тактиками давления, пропаганды и агитации*. Их цель — изменить мировоззрение оппонента либо общественное мнение, повлиять на ситуацию, знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние. Пропаганда, мотивирующая и призывающая на свершение заранее продуманных действий, превращается в агитацию. Подвергнутый *давлению*, реципиент постепенно вовлекается в действие, подвергается дезориентации, и в результате утрачивает четкое представление о происходящем. Однако, иногда данная тактика вызывает обратную реакцию и агрессию у реципиента по отношению к адресанту. Еще одной формой проявления давления являются *предупреждения и угрозы*. Адресант указывает на последствия, к которым приведет исполнение действий, планируемых реципиентом.

Таким образом, стратегия «информационная война» реализуется посредством коммуникативных тактик, представленный в данной статье перечень которых не является исчерпывающим, так как информационная война как социо-политическое явление представляется аморальным действием и может использовать любые средства для реализации поставленной задачи.

Литература

[1] Петросян Л. А., Зенкевич Н.А., Семина Е.А. Теория игр: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. шк., Книжный дом «Университет», 1998. 304 с.

[2] Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е.И. Шейгал. Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Самигуллина К.Р.

(Россия, Москва)

Молодёжный сленг в Перу

Изучая испанский язык, в частности его национальные варианты, особое внимание уделяется лексическому составу. Интересен этот уровень языка тем, что он постоянно меняется. Какие-то слова выходят из употребления, какие-то получают дополнительное значение, также появляются и совершенно новые языковые единицы. Среди источников пополнения лексики перуанского национального варианта испанского языка одним из интереснейших, на наш взгляд, является молодёжный сленг. Данное языковое явление можно считать относительно молодым, однако влияние, которое оно оказывает на испанский язык сегодня довольно ощутимо. Возможно, это связано с тем, что в определённый период в истории, а именно после Второй мировой войны, молодёжь стала более активной как в политической, так и социальной сферах жизни, соответственно, отношение к ней поменялось и старшее поколение старалось в чём-то на неё походить, чтобы быть в ногу со временем [2]. Также следует отметить, что в сленге достаточно быстро находят своё отражение те изменения, которые происходят в политике, обществе и культуре, там же проходят своего рода проверку новые единицы языка, которые в дальнейшем могут достигнуть даже уровня литературного языка.

Если рассматривать молодёжный сленг непосредственно в Перу, то здесь, как и в любом другом сленге, нет какой-то определённой профессиональной специализации. Объектом его образного переосмысления является преимущественно мир повседневной жизни и внутренние переживания отдельного человека [1]. Поэтому основными тематическими полями этого мира значений являются:

1) *человеческое тело и его части*: **patas, jamones** — ноги; **carabina, raca** — лицо;

2) *наркотики и алкоголь*: **armado, durango** — тот, кто употребляет наркотики (кокаин); **bruto, bajado** — быть под действием наркотика; **torombolo, torreja, bimbo** — пьяный;

3) *предметы одежды*: **micaela** — рубашка; **sótanos** — карманы брюк; **ternera** — штаны;

4) *досуг*: **tonear, guarachear** — танцевать; **gargantear** — петь; **estar de vaca, parar la mano** — отдыхать;

5) *деньги*: **picotazo** — просить денег взаймы у друзей или знакомых; **platal** — большое количество денег; **pólvora** — деньги; **rompón** — тот, кто разбрасывается деньгами;

6) *преступления*: **abollar, afanar** — воровать; **chifar, congelar, dar vuelta** — убивать;

7) *взаимоотношения с государством, в частности с правоохранительными органами*: **batida** — облава, зачистка; **tómbola** — женщина-полицейский; **desinflar, destapar** — сознаться в содеянном; **nica** — отсутствие признания в преступлении, за которое человек несёт наказание [3].

Проанализировав вышеупомянутую лексику, можно сделать вывод, что молодёжь также озабочена темами наркотиков, криминала, отношений между богатыми и бедными, как и взрослые, что непосредственно находит отражение в сленге. Данное наблюдение подтверждает, что сленг по-своему играет немаловажную роль не только в изменении лексического состава испанского языка, но и в становлении подростка и его развитии.

Литература

- [1] Садиков А.В. Лексикология испанского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 416 с.
- [2] Яковлева Е.В. Жаргон cheli как отражение молодежных настроений 80-х годов. // <http://www.espanol-spb.ru/articles/cheli/>
- [3] Larco Degregori F. Diccionario de jeringa peruana. Lima: Publicidad CAUSA, 2000. 206 с.

Семенова М.А.
(Россия, Москва)

Место и роль исламского фактора в общественно-политической и повседневной жизни арабского населения в восприятии русского общества

Изучение представлений русских авторов об исламе было важным с точки зрения остроты «восточного вопроса» и гуманитарных проблем арабо-христианского диалога, осуществление которого сдерживали существовавшие стереотипы. Знания об исламе в России были довольно скудными в Средние века и Новое время и черпались в основном из трудов или переводов западноевропейских писателей и религиозных деятелей. Вследствие этого не было существенных различий в представлениях об исламе в России и в западноевропейских странах. В свою очередь, стереотипы об Арабском Востоке, исламе и мусульманах, бытовавшие в Западной Европе, обретали «новую» жизнь в сочинениях русских авторов.

Для европейских средневековых представлений об исламе было характерно мнение о том, что мусульманская религия — ложь и искажение истины; что это религия насилия и меча, потворства своим страстям и прочее [10, с. 133–154].

Для русской, прежде всего религиозной литературы были характерны те же стереотипы [7, с. 19]. Первое упоминание об исламе появилось на страницах «Повести временных лет», где Нестор указывает на три важных

аргумента против принятия мусульманской религии — этический, психологический и эстетический. В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин писал о земле, где проживали мусульмане: «Здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят» [8, с. 109]. Русские богословы приводили множество доводов в пользу того, что Мухаммад просто не мог быть истинным Пророком [1, с. 160].

В XIX в. русские образованные люди получили возможность познакомиться непосредственно с первоисточниками — Кораном, сначала в европейских переводах, а затем и в русском. Казанская духовная академия, воспитывавшая миссионеров среди мусульман, выпустила из своих стен специалистов со знанием арабского языка, которые знакомились с исламом по арабским сочинениям и могли дать православным более точные представления об этой религии. Вместе с тем, свои образы ислама русские путешественники-миссионеры и богословы продолжали черпать из западноевропейских источников, перенимая сложившиеся стереотипы, и оценивать чужую религию сквозь призму собственной веры.

Через всю литературу путешествий проходит мысль об исключительной роли ислама в жизни арабского общества. В ней отмечалось, что ислам не только является официальной религией, но и регулятором социальной, политической и культурной жизни арабов-мусульман.

Особое внимание путешественников привлекала прежде всего внешняя сторона религиозной жизни мусульман: красивое убранство мечети и ее роль в общественной жизни мусульман. Привычной была картина, когда внутри мечети играли маленькие дети, рядом учили аяты Корана дети постарше, беседовали между собой женщины, молились мужчины, спали старики. «Мечеть — общая святыня...», — замечал Е.А. Марков [6, с. 252–253].

В литературе путешествий нашла отражение также проблема сосуществования христиан и мусульман на Востоке, при этом посещавшие места православные из России сетовали на недостаточное финансирование Русской Духовной миссии в Святой земле.

В целом, знакомство с отправлением религиозных культов, мусульманскими традициями и праздниками на Арабском Востоке приводило русских путешественников к выводу о сильной религиозности мусульман и их верности обрядовой стороне ислама. В оценках увиденного они опирались прежде всего на собственные религиозные и моральные представления, перенося их на исламские традиции, что приводило к укоренению старых мифов и появлению новых стереотипов.

Литература

[1] Боголюбовский Н. Ислам, его происхождение и сущность, по сравнению с христианством. Опыт историко-апологетического исследования. Самара: Тип. Гран., 1885. С. 160.

[2] Горячкин Г.В. Египет глазами россиян в к. XIX – н. XX вв. М.: Древо жизни, 1999.

[3] Жданов С. «Гости Аллаха» (к истории российского паломничества) // Обозреватель, 2001, N4. С. 12–15.

[4] Лебедева Н.М. Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. М.: Аспект-пресс, 2006.

[5] Лучицкая С.И. Араб глазами Франка (конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории (Сб. Ст.). М., 1993.

[6] Марков Е.Л. Путешествие на Восток. (В 2-х т.). СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1891. С.252–253.

[7] Миропольский А. Любовь-сущность христианства. М: Изво св. Игнатия Ставропольского, 2003. С. 19.

[8] Никитин А. Хождение за три моря. М., 2003. С. 109.

[9] Образ врага : Сб. ст. / сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2005.

[10] Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 133–154.

Сидоревич-Стахнова О.В.

(Беларусь, Минск)

Альтероцентричность испанского языка и влияние его форм вежливости на другие языки

В социолингвистических исследованиях нередко отмечается, что языки в разной мере способны передавать значения вежливости. Отсюда выдвигается тезис о том, что какому-либо языку принципиально свойственно ориентироваться на «мягкие», уважительные способы общения с адресатом (альтероцентрическая вежливость), в то время как для другого языка в тех же ситуациях характерен более «жесткий» стиль, слабо или вовсе не считающийся с интересами адресата (эгоцентрическая вежливость).

Что касается испанского языка, то первые попытки оценить его возможности в аспекте альтеро- или эгоцентричности и, следовательно, с точки зрения его способности выражать ту или иную степень вежливости, связываются с работами немецкого романиста В. Байнхауэра. Ученый посвятил свой главный труд исследованию испанской разговорной речи в сравнении с немецким языком.

Отметим в первую очередь свойства общего характера, по которым Байнхауэр сопоставляет материал двух языков.

1. С содержательной точки зрения

Речь идет о способности языка выражать общее (*lo general*) и неопределенное (*lo impreciso*). Конкретно это проявляется в том, что в испанском языке по сравнению с немецким общающиеся чаще используют средства косвенного выражения и безличного построения высказывания [3].

2. С формальной точки зрения

Имеется в виду способность языка к варьированию средств выражения относительно одного и того же или близкого содержания. По этому признаку испанскому языку также отдается предпочтение: там, где носитель немецкого

языка, например, ограничивается формулой «*bitte schön*» ‘пожалуйста’, испанец нередко располагает набором градуированных способов выражения вежливости [3].

По сути, этим утверждается, что испанский язык располагает более тонкими функционально-семантическими средствами для выражения вежливости, чем немецкий язык.

Тезис В. Байнхауэра об альтероцентричности находит поддержку в одном специфическом факте: средства и способы выражения вежливости испанского языка оказались привлекательными для других европейских языков.

Блеск и великолепие королевского образа жизни в Испании эпохи Возрождения привлекали к себе внимание правящей элиты Европы. Большой интерес для нее представляли не только церемониальный аспект, но и вербальные приемы, воспринимавшиеся как особо тонкие черты аристократического поведения. Этим объясняется тот факт, что испанские принципы общения явились предметом подражания для высоких европейских дворов.

Для выражения понятия *комплимент* французский и итальянский языки пользуются соответствующим заимствованием из испанского языка (*complimiento*).

В исследовании М. Беца, посвященном проблеме категории вежливости, подчеркивается, что и немецкий язык испытывает в отношении «искусства говорить комплименты» сильное влияние со стороны испанского языка, что отражено в заимствовании *Kompliment* (цит. по: [4]).

Показательным примером служит ит. *creanza* ‘воспитанность, вежливость’, представляющее собой заимствование из испанского языка XVI в. (< *crianza* с тем же значением [2]). Отметим, что в итальянском языке сохраняются даже некоторые синтагматические признаки, характерные для исходного прототипа, напр., исп. *mala crianza* > ит. *mala creanza* в значении ‘невоспитанность’.

Испанский язык оказал воздействие на формирование специфической формы вежливости в разных европейских

языках. Имеется в виду генетически первичное выражение *vuestra merced* 'ваша милость'. К. Е. Майтинская видит реализацию этой модели в португальской форме *vossencia*, а также в румынской *dumneata* и голландской *U* [1]. То же наблюдается в отношении итальянского языка, где происходит значительное расширение употребления формы *Lei* за счет сокращения традиционной *voi*, и немецкого, в котором с того времени утверждается функциональное соответствие *Sie*.

Подобные формы, при всех их частных особенностях, объединяются важной общей чертой: они ориентированы на выражение местоименной семантики третьего лица. По мнению Дж. Лича, в такой модели заложена «уклончивая» (*evasive*) тактика говорящего, заключающаяся в том, что в ситуации вежливого общения партнером говорящего представляется не адресат, а слушающий, т. е. лицо, которому предоставляется право более свободного выбора реакции на речь говорящего [5]. Иными словами, в данном случае речь идет об особой тонкости альтероцентрического применения языковых форм вежливости.

Таким образом, концепция альтероцентричности испанского языка находит подтверждение благодаря факту заимствования средств выражения вежливости, отработанных на испанском материале, другими европейскими языками, даже такими развитыми в этом отношении, как французский и итальянский.

Литература

- [1] Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем / К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1969. 308 с.
- [2] Battisti, C. *Dizionario etimologico italiano: en 5 t.* / C. Battisti, G. Alessio. Firenze: Barbèra, 1950–1957. Т. 2.
- [3] Beinhauer, W. *El español coloquial* / W. Beinhauer. 2. ed. corregida, aum. y actualizada. Madrid: Gredos, 1968. 359 p.
- [4] Ehlich, K. *On the historicity of politeness* / K. Ehlich // *Politeness in language: studies in its history, theory and practice* / R. J.

Watts [et al.]; ed.: R. J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin; New York, 2005. Chap. 3. P. 71–107.

[5] Leech, G. Principles of pragmatics / G. Leech. London; New York: Longman, 1999. 250 p.

Смаилова Э.А.

(Россия, Москва)

О видах стереотипов

«Нам говорят о мире ещё до того, как мы его увидим. Мы представляем себе предметы прежде, чем встретимся с ними. И эти пред-понятия управляют на глубинном уровне всем процессом нашего восприятия» [2]. Понятие стереотипа было сформулировано В. Липпманном в 1922 году и с момента выхода в свет его первой работы получило широкое распространение, проникло во все гуманитарные науки: социологию, психологию, философию, литературоведение, этнологию, языкознание; стало предметом активных исследований и научных споров. В данной статье будут рассмотрены основные виды стереотипов по классификации Е. Бартминьского, исследовавшего языковые стереотипы и сформулированы вопросы, которые могут быть предложены в ходе опроса информантам для выявления различных видов стереотипов.

Л.П. Крысин определяет этностереотип как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин, 1994]. Е. Бартминьский пишет, что «стереотип — это устойчивое, т.е. воспроизводимое, а не создаваемое каждый раз заново сочетание, закрепившееся в коллективной памяти на уровне лексем» [1]. Авторы рассматривают стереотип по-разному: Л.П. Крысин рассматривает его только в контексте представлений, тогда как Бартминьский в своём определении

говорит лишь о языковых способах реализации этих представлений. Однако предложенная им классификация стереотипов шире, она выходит за рамки их языковой реализации, поднимаясь на уровень представлений. Он пишет о том, что «стереотипизация — это разновидность мифологического мышления». То есть стереотип возникает под влиянием опыта (негативного или позитивного). На основе стереотипов у человека формируется определенная картина окружающей действительности. Человек социален и «социальная действительность является миром образов, имеющих конвенциональное и изменчивое содержание; это мир стереотипов и мифов» [1].

В работах «Языковые стереотипы» и «Стереотип как предмет лингвистики» Е. Бартминьский предлагает различать образы, образцы, мифологические представления и идеологические стереотипы [1].

Образы сохраняют реальные черты объекта стереотипизации, то есть черты более или менее типичные для объекта, «такой, как есть». Если использовать ответы информантов в ходе опроса как способ выявления такого типа стереотипов, то можно задать следующие вопросы: «типичный русский, какой он?», «какие качества присущи типичному французу?». Образцы формируются с точки зрения норм, признаваемых говорящим, то есть «такой, каким должен быть». Здесь можно поставить такой вопрос: «каким вы видите идеального русского?», «каким, в вашем понимании, должен быть идеальный француз?». Третий вид стереотипов — это стереотипы о мифологических существах (Баба-Яга, змей Горыныч, Дед Мороз и т.д.). Такие стереотипы есть у каждого человека, они закладываются ещё с детства на основе народного фольклора и сохраняются на протяжении всей жизни, объект «такой, каким может быть». Такого рода стереотипы играют важную роль в культуре и традициях народа, а также отражают национальный характер, но к данному исследованию они не имеют отношения.

Последний вид стереотипов по Бартминьскому — это идеологические стереотипы. Здесь объект является «таким, каким может быть и каким должен быть». Этот вид стереотипов отражает общие представления о жизненных ценностях. Для его выявления можно задать такие вопросы: «каким вы видите настоящего русского?», «каким, в вашем понимании, должен быть настоящий француз?». Таким образом, Бартминьский классифицирует стереотипы, опираясь на роль субъективного фактора и предельной степени модальности: асертивной и долженствования (типичный, идеальный, реальный) [1].

Е. Бартминьский подчеркивает, что данная классификация затрагивает только «элементарные стереотипные мнения», а не сложные представления, в которых могут сосуществовать разные типы модальностей.

В заключение хотелось бы добавить, что природа человека такова, что мы даём оценку предмету или явлению ещё до того, как столкнёмся с ним лично. Это и является основной причиной появления стереотипов. А. Шафф выделял социально-интеграционную, защитную, идеологическую и политическую функции стереотипов [3]. Всем им он приписывал задачу «отгораживания от социальной действительности». Особое внимание в этой работе следует уделить познавательной функции. Она реализуется только при условии постоянного наблюдения за изменениями стереотипа со временем под влиянием психологических и социально-культурных факторов. Для этого следует проводить опросы и сопоставлять различные виды стереотипов. Опираясь на приведённую в данной работе классификацию стереотипов, а также на сформулированные вопросы, в дальнейшем будет проведён социальный опрос с целью выявления изменения стереотипа под влиянием различных факторов.

Литература

- [1] Бартминьский Е. Языковой образ мира. М., 2005.
[2] Липпманн У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004.
[3] Шафф А. Стереотипы и человеческая деятельность. М. 2004.

Финская Т.Е.

(Россия, Москва)

Этимологический анализ концепта вежливости в русском, французском и английском языках

Социальные нормы, порядки, обычаи влияют на коммуникацию, одной из граней которой является вежливость.

Основная цель вежливой формы общения — показать свое уважение к собеседнику, свое доброжелательное отношение к нему. Рассмотрим лексические единицы, которые в русском, французском и английском языках соотносятся с понятием *вежливость*.

В этимологическом словаре русского языка Семенова можно найти, что слово *вежливость* входит в употребление с XIII века [Семенов, 2003]. В языке наших предков — древних славян — оно имело основу *ведьма*, позже трансформировавшееся в *вежа* — знаток. А прилагательное «вежливый» связано с такими словами, как «ведун», «вежливец», «сведущий». Н.М. Шанский в кратком этимологическом словаре русского языка под редакцией С.Г. Бархударова пишет, что это имя прилагательное еще имело значение «опытный»; значение «обходительный», «любезный» появляется в начале XVI века.

В Словаре русского языка XVIII века вежливость определяется как свойство вежливого, как приветливость,

ласковость, учтивость, обходительность; учтивые ласковые слова, поступки, обхождение [Сорокин].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера **вежливый** также определяется как *опытный, сведущий*.

Вежливый по С.И. Ожегову — соблюдающий правила приличия, учтивый [Ожегов, 1970]. Вежливый человек принимается обществом, но это не является внутренним качеством человека. Это лишь поверхностное качество, внешняя оболочка.

В новом объяснительном словаре синонимов русского языка под редакцией Ю.Д. Апресяна слово **вежливость** сближается по смыслу со словами «уважение», «корректность», а также с «предупредительность», «услужливость», «внимательность». Но смысл этих синонимов не заключается в соблюдении определенных правил (кроме «корректность»).

Во французском языке есть аналогичное «вежливости» понятие «politesse». «Politesse» переводится как вежливость, учтивость. Это французское слово происходит от латинского «politus», которое в свою очередь образовалось от причастия прошедшего времени глагола «polire». Этот глагол означает «чистить, доводить до блеска», а в переносном смысле — «украшать с элегантностью». После заимствования из итальянского языка («pulitezza» в итальянском элегантность, уход) латинское слово «politus» дало рождение во французском языке слову «politesse». Это слово мы можем наблюдать уже в текстах XVI века, но лишь в XVII веке оно приобрело современное значение.

В русский язык тоже вошло слово **политес**. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина приведено два значения слова политес: прямое и ироническое [4]. Оно обычно означает определенный порядок соблюдения форм светского этикета, но иронически может употребляться для описания чрезмерной вежливости, учтивости: «Такой политес развели!» В нашем обществе

принято использовать это слово с долей иронии, тогда как в текстах XVII века переводчик мог без оттенка иронии сохранить кальку. Так в русском издании маркиза де Севинье в своем письме к дочери пишет: «Я как деревянная чурка— вдали от всякой *politesse*; я уж не знаю, существует ли в этом мире музыка».

Имя прилагательное *poli* во французском языке появляется впервые в XII веке в романе об Энее со значением «гладкий, блестящий», немного позже у Кретьена де Труа в романе «Персеваль, или повесть о Граале», как «выбранные, аккуратные (слова)».

Имя прилагательное *polite* в этимологическом словаре английского языка упоминается в двух значениях: первое — вежливый, учтивый, любезный; второе — изящный, утонченный.

Имя существительное *politeness* в английский язык вошло позже имени прилагательного со значениями *вежливость, учтивость, любезность*. В таком значении оно впервые появляется у английского поэта XVIII века Оливера Голдсмита в «Гражданине Вселенной». Это слово было заимствовано из французского языка.

В XIV веке во французском языке появилось слово *civilité*. Корень у него латинский «*civilitas*», означающий *общительность, вежливость*, который в свою очередь, происходит от латинского «*civis*» — гражданин. Впервые имя существительное употреблено у мыслителя XIV века Николя Орезмского со значением «организованного сообщества». Робер Этьен во французско-латинском словаре 1549 года «*civilité*» записывает после «*civil*» и дает такое значение: умеющий себя хорошо вести. *Civilité* — поведение по отношению к другим, коммуникабельность, вежливость. То есть, это способность людей правильно, галантно держать себя в обществе, вежливо вести себя по отношению к другим людям.

Во множественном числе во французском языке словарь *Larousse* определяет *civilités* как знаки внимания, слова и поступки, которые рассматриваются как проявления вежливости: *faire des civilités* — говорить комплименты, любезности.

Civility определяется как *вежливость, любезность, цивилизованность, учтивость* в Этимологическом словаре английского языка Барнхарта 1988 года, который утверждает, что впервые это слово встречается после 1606 г. Оно вошло в английский язык из французского.

Этимологическое исследование лексических единиц, которые определяют концепт вежливость в различных языках, позволяет понять как данный концепт будет раскрываться в разных культурах.

Литература:

- [1] Barnhart Concise Dictionary of Etymology. HarperCollins, 1995.
- [2] Petit Larousse. P.: «LIBRAIRIE LAROUSSE», 1968.
- [3] Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин.
- [4] Толковый словарь иноязычных слов под ред. Л.П.Крысина. М: «ЭКСМО», 2006.
- [5] Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык от А до Я. ЮНВЕС, 2003.
- [6] Этимологический словарь русского языка М. Фасмера.

Шамова Е.А.

(Россия, Москва)

Способы выражения эмоций в субтитрах

Эмоции — это особая группа «психических процессов и состояний, в которых выражается субъективное отношение человека к внешним и внутренним событиям его жизни» [3]. Одним из первых, кто заговорил о важности проявления

эмоций в языке, был швейцарский лингвист Ш. Балли [2]. В своих исследованиях он противопоставлял рациональное экспрессивному, то есть интеллектуальное, безэмоциональное, эмоциональному отображению действительности. Балли говорил о непрерывно меняющихся формах с большим количеством смысловых оттенков и о существовании множества средств и способов выражения эмоционально окрашенного для одного и того же содержания, что образует бессознательную синонимию. В основу эмоциональной системы языка Балли положил такое понятие как эмоциональная окраска, которая в свою очередь базируется на качественных (величина, ценность) и количественных (интенсивность) различиях [4].

В течение дня каждый человек испытывает огромное количество эмоций, которые сменяют одна другую. Мы настолько привыкли к ним, что они кажутся неотъемлемой частью нашей жизни. Даже во время просмотра фильма мы пытаемся окунуться в его атмосферу, прочувствовать эмоциональное состояние каждого героя. Если это не получается, то человек вряд ли будет удовлетворен просмотром.

В фильмах для передачи эмоций актеры используют как вербальные, так и просодические эффекты, невербальные средства. К этому можно добавить также использование музыки и специальных шумов, игру с цветами и тенями. Но если представить, что зрителя лишили слуха, то остается только один источник получения достоверной информации, следовательно, и чувств — субтитры. В связи с этим возникает проблема: письменный текст (без каких-либо маркеров и выделений) не сможет передать весь спектр эмоций, созданных с помощью звукового ряда. В кадре, лишенном звука, сохраняется лишь только невербальный эмоциональный компонент содержания, а эмоции, выраженные вербально и просодически утрачиваются.

Именно поэтому создатели субтитров пытаются реализовать в рамках одного фильма общую систему достоверного выражения эмоций в субтитрах. В основу, как правило, закладывается пять эмоций (у каждой есть свой признак, маркер): гнев, страх, радость, отвращение и грусть, — к которым в дальнейшем автор субтитров пытается свести все остальные эмоции [1]. Это делается для того, чтобы человек, воспринимая эмоции через субтитры, не запутался в большом количестве обозначений. Маркерами эмоций являются полужирный шрифт, курсив, использование цветных букв или написание слов прописными буквами, но это лишь основные способы передачи тех или иных эмоций. Порой составителям субтитров, чтобы выразить эмоции и передать атмосферу фильма, не хватает подобных изменений в стиле шрифта, тогда им приходится прибегать к прописыванию в фильмах словесных уточнений, например: «*musique douce au piano*», «*Anne rit*», «*silence*» (фильм «*La belle et la bête*», 2014). Для выражения сомнения могут быть использованы многоточия: «*Il nous faut des nouvelles robes, du parfum...Quoi d'autre?*». Или намеренное неполное написание слов: «*Ou tu veux que j-, tu préfères que je serve*» (фильм «*Caché*», 2004). В субтитрах могут использоваться повторы слов, которые отсутствуют в речи актера. Так в фильме «*Caché*» повторение использовалось, чтобы передать бормотание героя: «*mais j-j'ai dû rêver*», «*de de plus pouvoir fermer l'œil*».

В итоге мы видим, что субтитры это не просто транскрипция речи актера, а особая семиотическая система, которая помогает людям с ограниченными возможностями понять не только то, что герой говорит, но и то, что он чувствует.

Литература:

[1] Schröder M., *Speech and Emotion Research. An Overview of research framework and a dimensional approach to emotional speech synthesis*. 2003.

[2] *Лингвистическая теория эмоций*. / Шаховский В.И. М.: Гнозис, 2008.

[3] *Общая психология: учебник* / Л.А. Вайнштейн, В.А. Поликарпов, И.А. Фурманов. Минск: Современ.шк., 2009.

[4] *Французская стилистика*. 2-е изд., стереотипное. / Балли Ш. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Шейпак С.А.

(Россия, Москва)

Ложь, этикет и вежливость во французской лингвокультуре

Правила этикета начинают вырабатываться во французской культуре эпохи Возрождения под влиянием итальянского трактата «О придворном». Существовавшие сначала в рамках придворного общества, этикетные правила постепенно демократизируются. И каждый новый век будет по-новому ставить проблему искренности в социальных взаимоотношениях. С одной стороны, всегда отвергавшие искренность и открытость правила этикета могут допускать лукавство, притворство и фальшь. А с другой стороны, понимание этикета как внешнего проявления отношения к собеседнику уступает место размышлениям о природе вежливости в более широком значении. Как ложь и лицемерие могут быть описаны в современных концепциях вежливости?

Уже в 16 веке обсуждался вопрос о допустимости искренности в общении, предполагавшем соблюдение правил этикета. Ответ на него давался всегда однозначно: социальное взаимодействие не требует искренности, порой она даже запрещена, а ее отсутствие должна восполнить естественность, названная в трактате неологизмом *spezzatura*,

которая скрывает тонкий расчет и игру между *быть* и *казаться*. Причем расчет этот не предполагает иной выгоды, чем соблюдение ритуалов общения, и недопустимо, в совершенстве овладев искусством *казаться*, использовать его в корыстных целях, потакая недостойному поведению того, в чьей власти будет оказать милость или ее лишить. В 16 веке считается, что овладеть правилами ритуальной игры, не будучи добродетельным от природы, невозможно.

Начиная с 17 века акцент в оппозиции *быть* и *казаться* переносится на *казаться*. Эта оппозиция закрепляется в концепте *honnête homme*, на котором основан этикет французского классического века. Внутреннее противоречие, заключенное в этом концепте, определяет конфликт мольеровского «Мизантропа». Лукавство, притворство и фальшь, позволяющие сохранить светский характер общения, вовсе не осуждаются, их рассматривают рационалистически с точки зрения той практической пользы, которую можно из них извлечь во общении, тогда как прямота и искренность становятся достойны порицания. И если веком позже Руссо, с негодованием осудит показную учтивость и обманчивые приличия светского общества, он не может не отметить тех достоинств светской беседы, которые становятся следствием ее неискренности: «каждый выразит свое мнение и вкратце обоснует его, никто не оспаривает с жаром мнение другого, никто настойчиво не защищает свое».

В «Общественном договоре» Руссо напишет, что человек становится подлинным хозяином самому себе лишь тогда, когда сумеет подчиниться установленному порядку, который утверждается как система ограничений, наложенных на личную свободу каждого. Таким образом, к 19 веку во французском обществе формируется противоположное веку Возрождения представление об отсутствии связи между вежливостью и моралью. Этикет становится чужд этических проблем, вежливость призвана скрывать то, что может нарушить внешнюю гармонию социальных отношений.

Современные теории вежливости, возникшие во второй половине 20 века как попытка теоретического осмысления существовавших в Европе с 16 века руководств по этикету и этнографических исследований 20 века, выходят за узкие рамки речевого этикета. Вежливость рассматривается как лингвистический феномен, для анализа которого в 1978 году П. Браун и С. Левинсон создают модель, которая затем была доработана французским лингвистом К. Кербрат-Ореккиони. Заимствовав у американского социолога Э. Гоффмана понятие «лица», лингвистическая модель вежливости оценивает речевое поведение с точки зрения двух «лиц», позитивного и негативного, которыми наделен каждый собеседник. Однако лингвистический анализ «работы лица», то есть анализ речевых стратегий, направленных на его сохранение или наносящих ему угрозу, не позволяет рассмотреть проблему искренности, притворства или лжи в речевом поведении. Высказываемая ложь и притворство лингвистически никак не маркируются, и лишь прагматический анализ речевой ситуации может ее выявить и оценить ее последствия для собеседников.

Прагматически оценить влияние притворства и лжи в речевом взаимодействии можно, отказавшись от оценки речевого поведения через понятия «положительного» и «отрицательного лица» и вернувшись к исходным понятиям Гоффмана, разделившего для каждого собеседника две роли *Я*, сакральное *Я* и ритуальное *Я*. Во имя ритуального *Я*, которое рассматривается как игрок в ритуальной игре, можно ради поддержания общения позволить себе или собеседнику ложное высказывание в зависимости от собственной оценки сложившейся ситуации. Сакральное *Я*, которое складывается из мозаики экспрессивных значений, возникающих в ходе взаимодействия, может быть сохранено благодаря высказанной лжи (*white lie*, *pieux mensonge*, невинная ложь, ложь во спасение) или же, наоборот, ему может быть нанесен определенный ущерб, иногда непоправимый. Без серьезной

угрозы сакральному Я, ложь не может нанести ущерб ритуальному Я. Напротив, ритуальное Я может выиграть в результате ложного высказывания, которое не причинит серьезного ущерба сакральному Я. Допустимость высказывания лжи с точки зрения вежливости будет оправдываться необходимостью поддержать ритуалы общения и будет зависеть от соотношения ущерба, наносимого сакральному Я, и выигрыша от сохранения ритуального Я.

Таким образом, подходя к описанию влияния притворства и лжи на речевое общение, рассматриваемое как взаимодействие двух Я, сакрального и ритуального, результат ложного высказывания можно оценить с двух различных точек зрения, моральной, унаследованной от 16 века, и рационалистической, формировавшейся начиная с 17 века. С точки зрения морали результат ложного высказывания для сакрального Я, может быть отрицательным и восприниматься как ущерб для сакрального Я или положительным, поскольку способствует сохранению для сакрального Я. В случае ущерба для сакрального Я ложное высказывание не нарушит речевого взаимодействия, если, исходя из рационалистических соображений, выигрыш для ритуального Я от высказанной лжи превысит ущерб, нанесенный сакральному Я.

СЕКЦИЯ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Абдурагимова М.А.
(Россия, Москва)

Французский язык в Бельгии
(влияние контактирующих языков и диалектов)

На сегодняшний день исследователями установлены расхождения французского языка в Бельгии с национальной нормой Франции, как в синтаксисе, так в лексике и в фонетике.

Е.А. Реферовская отмечала, что имеющиеся грамматические особенности французского языка в Канаде придают речи канадцев особое своеобразие, которое легко позволяет отличать француза от канадца [4]. Если в Канаде французский язык контактирует с английским, то в Бельгии французский язык находится в постоянном контакте с нидерландским, языком германской группы, а также с валлонским диалектом, что обуславливает ряд его особенностей на всех языковых уровнях: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом.

Вариантность языка уходит своими корнями в национальную почву и развивается в специфических условиях данного социального коллектива. Большую роль играют не только местные диалекты, но и языковая специфика, определяемая в значительной мере так называемой национально-культурной функцией языка, которая отражает и закрепляет реалии и понятия, выработанные историческим опытом того или иного народа,

его специфическими условиями трудовой, общественно-государственной, бытовой и культурной жизни [2].

Такую же точку зрения высказывает Г.В. Степанов по поводу американских разновидностей испанского языка, в которых вырабатывались свои собственные нормы правильной литературной речи. Они, хоть и в малой степени, но все же отличаются как друг от друга, так и от литературного языка бывшей метрополии [5]. Такой же позиции придерживается Е.А. Реферовская, говоря, что французский язык в Канаде является вариантом, отмеченным особенностями, вытекающими из условий жизни и развития города. Французский язык канадцев порожден комплексом причин генетического, социального, общекультурного и художественного порядка [4].

По мнению многих французов, французский язык, которым пользуются бельгийцы, слишком тяжел и высокопарен. Другими словами, французы считают бельгийский вариант французского языка стилистически окрашенным.

Под бельгицизмами понимается специфическая лексика, фразеологизмы и модели грамматических конструкций, присущие разговорному и письменному языку Бельгии, которые появились в результате влияния валлонского и фламандского субстрата, пикардского и лотарингского диалектов, говоров, а также в процессе развития национальной культуры и административно-политических изменений в истории страны.

В повседневной речи многие бельгийцы охотно и часто пользуются говорами, каждый из которых отражает особенности определенного региона. Кроме того, необходимо учитывать языковые контакты между французским, нидерландским, немецким языками и валлонским диалектом, что приводит к образованию германизмов, фландризмов и валлонизмов.

Например, заимствования из фламандского и нидерландского языков (фландризмы):

La dringuelle — «чаевые». Часто употребляется в разговорном бельгийском региональном языке, а также в восточных диалектах.

Bliquer — «сверкать, блистать», пришло из нидерландского языка. Во французском: *luire, briller, polir, reluire, astiquer*.

Следует упомянуть о расхождении между французским языком и бельгийским вариантом французского языка на синтаксическом уровне. Известно, что для французского языка характерна постпозиция прилагательного, но в бельгийском варианте гораздо более распространена его препозиция. Причем использование прилагательного в препозиции и аналогичного прилагательного в постпозиции не несет семантических различий: *un propre homme = un homme propre*.

По мнению М. Лефевра, во французском языке Бельгии существуют лексемы, которые невозможно найти ни в общельгийских, ни во французских словарях. Их можно, по-видимому, рассматривать как:

а) бельгицизмы, употребляемые в той или иной области Бельгии или повсеместно, которые легко понимаются французами, но не входят в состав литературного языка;

б) слова, которые можно найти лишь в специальных словарях узкой направленности;

в) авторские неологизмы, используемые лишь в тех или иных литературных произведениях [3].

Г.В. Степанов считает, что к бельгицизмам можно отнести любой элемент бельгийского варианта французского языка, который исторически или в данном синхронном срезе обладает рядом признаков соотносительного или несоотносительного различия по отношению к общезападному языку на соответствующем социальном уровне.

Соотносимые и несоотносимые элементы лексического уровня не образуют достаточно хорошей базы для классификации, ибо они, в свою очередь, обычно не коррелируют друг с другом и внутренне противоречивы.

Литература

- [1] Вышенский В.Б. Французский язык в Швейцарии. Л. 1974.
- [2] Домашнев А.И. Немецкий литературный язык в кругу других языков Швейцарии. В кн. «Романо-германские языки и диалекты единого ареала». Л., 1977.
- [3] Лефевр М. Языковая практика регионалистов и проблема французского языка в Бельгии. М., 1978.
- [4] Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. М., 1972.
- [5] Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1977.

Гурова А.В.

(Россия, Москва)

Сопоставительный анализ французских и русских деловых писем

Согласно «Словарю лингвистических терминов» «письмо» — это дополнительное к звуковой речи средство общения, в котором используются графические символы, позволяющие фиксировать речь для передачи её на расстоянии. Слово «деловой» определяется как относящийся к разновидности официальной речи, которая при всей своей сжатости и сухости не содержит черт канцелярского стиля [1, с. 122, 312]. Таким образом, деловое письмо — это средство общения, которое служит для передачи информации на расстоянии и которое должно быть написано в официальном, но не в канцелярском стиле.

Деловое письмо является противником многословия и достаточно ограничено в своем размере. Одновременно оно должно быть кратким, но понятным для адресата, сжатым, но

полным по содержанию, его сжатость не должна вредить точности и ясности письма [3, с. 78].

Еще одной важной особенностью деловой переписки является отсутствие излишней эмоциональности. Письмо должно сохранять нейтральность повествования. Нельзя употреблять грубые выражения, которые показывают неуважение к адресату, следует придерживаться максимально сдержанного характера изложения.

Композиционное строение делового письма на любом языке представляет собой набор определенных формул и клише и их стандартное расположение, что придает письму целостность и завершенность. Однако большинство элементов стандартного оформления письма могут быть факультативными в некоторых ситуациях, например, элементы, обрамляющие основную часть письма: данные адресата, данные адресанта, дата написания письма, обращение, завершение, подпись и тому подобное.

Важным в деловом общении является определение тематической целостности, так как оно позволяет определить структурные компоненты речевого взаимодействия. Тема определяет набор речевых средств, которые зависят от коммуникативной цели [4, с. 3].

Можно выделить несколько типов деловых писем, например, письмо-благодарность, письмо-просьба, письмо-отказ, письмо-приглашение, соглашение, договор, приказ и так далее. Все эти типы писем реализуются на основе официально-делового стиля речи, так как функционируют в сфере деловой документации и корреспонденции, что неизбежно отражается на выборе лексических средств [2, с. 7].

В качестве материала для исследования нами были взяты 10 французских деловых писем компаний «Danone», «Renault» и 5 мотивационных писем и 10 русских писем компаний ОАО «Старт», ОАО «Калугапутьмаш» и также 5 мотивационных писем. И во французских, и в русских деловых письмах наблюдается большое количество клише,

что делает текст письма более легким для понимания (*Répondant à ... — Отвечая на...; Nous avons le plaisir... — Рады...; Veuillez nous communiquer... — Просим сообщить нам...; En vous remerciant à l'avance pour vos renseignements, nous vous adressons nos salutations distinguées... — Заранее благодарим Вас за предоставляемые сведения. С уважением.*). Также с лексической точки зрения можно наблюдать употребление ряда терминов, профессионализмов и неологизмов, которые чаще всего являются англицизмами (*débit, баланс, crédit, bilan, audit; sponsoring, marketing, cash-flow, маркетинг, менеджмент*). Проанализировав лексические особенности французской и русской деловой корреспонденции, можно сделать вывод, что французские письма больше ориентированы на соблюдение этикетных правил, в то время как в русском языке нарочито вежливая фраза рассматривается адресатом как насмешка.

Грамматическое построение французских и русских писем отличается, так как во французских наблюдаются более короткие и простые предложения, в то время как в русских, наоборот, целое письмо может состоять из одного сложного предложения. При анализе деловых писем нами были выделены также некоторые грамматические особенности. Наиболее важными из них являются использование большого количества вводных слов и конструкций, использование страдательных предложений; для французского делового письма характерно опущение артикля перед существительным, что делает текст более сухим и сдержанным; для русского письма — употребление глаголов совершенного вида для выражения категоричности приказа или разрешения.

Литература:

[1] Ахманова О.С. «Словарь лингвистических терминов». М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1996, 598 с.

[2] Коняева Е.А. «Деловая переписка в сфере образования и науки России и Франции: теоретический и прикладной аспекты». Автореферат. М.: РУДН, 2014.

[3] Морен М.К., Тетеревникова Н.Н. «Стилистика современного французского языка» (для институтов и факультетов иностранных языков). М.: Высшая школа. 1971, 250 с.

[4] Савченко Т.В. «Особенности речевого взаимодействия деловых партнеров (на материале русского, французского и английского языков)». Челябинск: Челябинский государственный университет. 2007.

Дмитриева Н.А.
(Россия, Москва)

**О некоторых особенностях лексико-семантического
наполнения родового понятия «эмоция» в русском и
английском языках**

Сравнительный анализ семантической структуры лексических единиц, называющих эмоции в русском и английском языках, осуществлен посредством применения метода реверсивности, который позволяет определить степень эквивалентности английских слов соответствующим лексемам русского языка; установить их омонимию, полисемию, синонимию; выявить латентные ассоциативно-семантические связи. Суть данного метода заключается в «изучении семантических аспектов системного сопоставления лексики с учетом гипонимических, синонимических и полисемических отношений путем сопоставления информации представленных в словарях одного объема, но разной направленности, например, англо-русского и русско-английского» [1]. По утверждению Л.Ю. Фадеевой, «реверсия заключается в сопоставлении семантических блоков лексемы при переводе с исходного языка на другой, а затем снова на исходный» [5]. Указанный подход представляется актуальным и для выявления

ассоциативных связей, присущих какому-либо термину в языке-источнике или возникающих при переводе, что по утверждению Е.Е. Мироновой «важно для предотвращения искажения значения и видоизменения понятий при переходе из одного языка в другой в гуманитарных дисциплинах» [2].

В ходе работы был изучен один оборот в два шага, за исключением лексемы «эмоция». Указанная единица представляется доминантной (родовой), ввиду чего изучены два ее оборота по два шага каждый.

Так, анализ по методу реверсивности позволил установить полную эквивалентность лексических пар: «эмоция» — «emotion», «страдание» — «suffering», «удивление» — «astonishment», «удивление» — «surprise», «депрессия» — «depression», «радость» — «joy», «удовольствие» — «amusement», «удовольствие» — «delight», «удовольствие» — «pleasure», «страсть» — «passion», «тоска (по родине)» — «homesickness», «тоска (по родине)» — «nostalgia», «уныние» — «dejection», «уныние» — «despondency», «уныние» — «gloom», «печаль» — «grief», «печаль» — «sadness», «печаль» — «sorrow» и т.д.

В ходе исследования были выделены следующие синонимические ряды: «emotion» — «consciousness» — «feeling» — «love» — «sensation» — «sense» (в значении «чувство»), «astonishment» — «delight» — «surprise» («удивление»), «anguish» — «boredom» — «distress» — «misery» — «tedium» («тоска»), «homesickness» — «nostalgia» («ностальгия», «тоска по родине»), «dejection» — «despondency» — «downcast mood» — «despair» — «gloom» («уныние»), «grief» — «sadness» — «sorrow» («печаль»), «anger» — «wrath» («гнев»).

Выявлены случаи полной омонимии — английская лексема «dejection» («лава», «пепел»), а также установлен факт омонимии, возникшей на базе полисемии — «passion» (в значении «крестные муки»).

Определены терминологические значения таких лексических единиц, как: «depression» (*мед., экон.* «депрессия»), «dejection» (*физиол.* «дефекация»), «distress» (*юр.* «опись имущества в обеспечение долга»), «passion» (*религ.* «Страсти Господни»), «love» (*спорт.* «нуль»). Семантика указанных лексических единиц выходит за границы исследуемой области и не имеет отношения к эмоциональной сфере.

Установлена многозначность таких лексических единиц, как: «гнев», «депрессия», «печаль», «тоска», «удивление», «удовольствие», «уныние»; «emotion», «amusement», «anger», «anguish», «astonishment», «dejection», «delight», «despair», «despondency», «distress», «homesickness», «joy», «gloom», «pleasure», «surprise», «wrath».

Выделены следующие латентные ассоциативно-семантические связи:

а) «печаль» — «горе»; «тоска» — «скука», «страдание», «нищета»; «уныние» — «отчаяние», «подавленное настроение»; «удовольствие» — «наслаждение», «развлечение»; «чувство» — «ощущение», «сознание»; «эмоция» — «волнение»;

б) «тоска» — «тревога»; «удивление» — «изумление»; «депрессия» — «упадок сил», «подавленность», «унылость».

Таким образом, результаты анализа демонстрируют эффективность метода реверсивности при исследовании семантического объема разноязычных лексических единиц и формируют подробное представление об особенностях лексико-семантического наполнения рассматриваемого родового понятия.

Литература

[1] Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. К вопросу о методах лингвистических исследований // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2010. № 1. С. 23–31.

[2] Миронова Е.Е. Сопоставительный системный анализ английской и русской лексики (на материале лексики архитектурных конструкций): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 207 с.

[3] Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. 8-е изд. М.: Русский язык, 2001. 880 с.

[4] Таубе А.М., Данглиш Р.С. Современный русско-английский словарь. М.: Русский язык, 2000. 776 с.

[5] Фадеева Л.Ю. Явление реверсивности в лингвистике: Монография. Самара: Международный институт рынка, 2008. 105 с.

Ибрагимова Б.А.

(Россия, Москва)

**Сопоставление общественно-политической лексики
русского и английского языков**

Общественно-политическая лексика (ОПЛ) является важной частью лексической системы языка, она охватывает довольно широкий круг слов, связанных с общественно-политическими процессами в государстве, политическим устройством общества и его динамикой. В ней живо отражаются все изменения в идеологии, государственном управлении, социальном устройстве.

Российская ОПЛ характеризуется рядом специфических черт, отличающих её от ОПЛ других языков и обуславливающих постоянное внимание к ней со стороны лингвистов. Особенности ОПЛ русского языка во многом зависят от того, что в течение последнего столетия она неоднократно подвергалась кардинальным, даже радикальным изменениям, связанным с важнейшими политическими событиями в стране: Октябрьской революцией и сменой политического строя; идеологическими переменами периода оттепели; перестройкой и новой сменой политического устройства общества.

Сегодня наблюдается новый этап изменений в русскоязычной ОПЛ, обусловленный начавшейся в конце 1980-х гг. перестройкой общественного устройства, более тесным включением России в мировые общественно-политические процессы, глобализацией, политическими и военными конфликтами и другими факторами. После падения «железного занавеса» в русский язык хлынул поток иноязычных заимствований, которые в первую очередь коснулись общественно-политической лексики, вследствие чего возникла необходимость осветить и систематизировать процессы, характерные для общественно-политической лексики последних 25–30 лет.

Кроме того, интерес к ОПЛ вызван тем, что она является важной содержательной частью обучения в высших учебных заведениях студентов-переводчиков, что обуславливает необходимость для них не только владеть запасом слов из общественно-политической сферы, но и понимать их лингвистическую суть, правильно оценивать сочетаемость, осознавать связь современного состояния общественно-политической лексики с историей её становления.

Изучение ОПЛ сегодня особенно важно в связи с тем, что данный слой лексики языка «является действенным средством в арсенале языковых средств психологического и идеологического воздействия». В условиях постоянной политической борьбы, активно освещаемой средствами массовой информации всех стран, ОПЛ становится одним из орудий данной борьбы. При этом для современных лингвистов несомненно, что отношения языка и политики взаимонаправлены, что не только политика влияет на язык, но и язык на политику, и задача современного учёного — приложить усилия для организации контроля над данным процессом. Несомненно также, что ОПЛ современного русского языка очень интенсивно развивается, так как «чем интенсивнее изменения в политике, тем интенсивнее изменения ОПЛ на каждом этапе ее развития».

Учёных интересуют тенденции, векторы развития ОПЛ в русском языке, о которых можно говорить, учитывая её многовековую историю. В частности, отмечаются две ведущие, но противоположные тенденции, определяющие пополнение русской ОПЛ: с одной стороны, появление точных терминов, а с другой — стремление к образности, экспрессивности, эмоциональной оценочности.

Сопоставление ОПЛ русского и английского языков позволяет оценивать причины происходящих в составе и семантике ОПЛ изменений и прогнозировать её развитие. Перед нами стоит задача выявить в ходе исследования, какие изменения претерпели в русском языке заимствованные из английского языка слова за последние 25-30 лет, и затем, обратившись к англоязычным словарям, сравнить с исходным языком их семантику, сочетаемость и деривативные возможности.

Литература

[1] Гейко Н.Р. Общественно-политическая лексика в публицистическом дискурсе / Н.Р. Гейко // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). 194–197 с.

[2] Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900-1917 гг. /А. Л. Голованевский // Филологические науки, 1986. №3. 25–31 с.

[3] Жданова Л. А. Общественно-политическая лексика (структура и динамика): дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. н. / Л. А. Жданова. М., 1996. 224 с.

[4] Мурадова Л.А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка / Л.А. Мурадова. М.: Наука, 1986. 125 с.

[5] Токарева, И.В. Аспекты терминологизации немецких лексических заимствований (сущность дефиниции терминопонятия «общественно-политическая лексика») / И.В. Токарева // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф.. Чита, 2011. 134–137 с.

Карпова П.С.

(Россия, Москва)

Особенности французского языка в Бельгии

Бельгия — страна с многовековой историей и огромным многообразием языков и диалектов, где официальными являются три языка: нидерландский, немецкий и французский. Для нас, в частности, представляет интерес французский язык, на котором говорят 32% бельгийцев, и особенности, отличающие его от французского языка Франции.

Особенности бельгийского французского языка получили название *бельгицизм*. В данной работе, вслед за Э.А. Николаевой, под «**бельгицизмом**» мы понимаем особые черты словаря или синтаксиса, специфика употребления которых в данную эпоху (значение, регистр или частота) противопоставляет французский язык, общий для всех франкоговорящих жителей Бельгии, стандартному французскому языку. [Николаева Э.А., 2004] Особенности французского бельгийского языка проявляются на всех уровнях языковой структуры.

На фонетическом уровне исследователи отмечают особый «бельгийский акцент» с его замедленным темпом речи, слабой артикуляцией звуков, а также особой интонацией, заимствованной у германоязычных фламандцев. Кроме того, отмечаются локальные особенности внутри отдельных региолектов Бельгии: тембр гласных имеет свои особенности в бельгийском французском: в силу снижения мускульного напряжения в последнем ударном слоге конечная гласная в бельгийском произношении теряет четкость. Это приводит к тому, что бельгийцы перестают различать релевантно противопоставленные гласные: [ɔ] / [o], [ɛ] / [e], [a] / [ɑ], [œ] / [ɛ] и др. Так общезападная конечная [o] в Бельгии может произноситься как [ɔ]: *vélo* [velɔ], *piano* [pjano].

Особенными для бельгийского произношения являются **случаи: дифтонгизации** (сочетание гласной и полугласной [j] или [w]) там, где во Франции обычно произносится только полугласная: *lion* [lijɔ̃] (во Фр. [ljɔ̃]), *souhaiter* [suwete], **оглушения конечных согласных**, вплоть до выпадения конечных согласных, в том числе при упрощении групп согласных: *théâtre* [te:ʒat], *table* [tap]. Все фонетические особенности представляют архаизмы общепольской нормы, региолекты и социолекты.

В грамматике особым случаем является употребление возвратного глагола в инфинитиве без форм возвратного местоимения *se*: «*Va coucher!*» (*Иди спать!*)

Особое место во французском языке Бельгии занимают образование женского рода в **существительных**, обозначающих профессии (*auteure, écrivaine, etc.*) и особенности употребления **артиклей**: *Il y a tout(es) des crasses dans le verre, je ne bois pas ça.*

Что касается **синтаксического строя** во французском языке Бельгии, то отклонения в первую очередь характерны для просторечного и фамильярного регистров. Например, бельгийцизмы *je l'ai besoin, ça je sais*, встречаются также и в общепольском просторечии. На синтаксическом уровне бельгийцизмы представлены:

- косвенным дополнением вместо прямого и наоборот: *ça ne lui regarde pas* — это его не касается, *jouer soldat* — играть в солдатики;
- служебными частями речи: *ça fait que* (вместо общепольск. *si bien que*), *moi bien* — я согласен;
- инверсией: *avoir de l'argent assez* (вместо *avoir assez d'argent*).

Лексические особенности французского языка Бельгии широко представлены в разных областях:

- административная, юридическая и общественно-политическая терминология: *livret de mariage* (свидетельство о браке), *matières personnalisables* (личные вопросы);
- кулинарная лексика: *oiseau sans tête*, *boules-frites*;
- школьная лексика: *Pierre est dans la manche de l'institutrice* (Пьер — под колпаком у учителя);
- бытовая лексика: *tapis lapin* (подстилка из меха кролика), *feu ouvert* (открытый огонь),
- фразеологизмы и реалии фольклора: *pincer son français* (манерно говорить по-французски), *Gille* (Жиль-простак, ярмарочный балаганный персонаж).

На уровне лексики отмечается огромное количество слов, таких как *cache-poussière* — серый халат (устар. во Франции), *pistolet* — круглый хлеб (устар. во Франции), которые являются **архаизмами** (лексические единицы, сохраняемые в Бельгии, в то время как во французском языке Франции они устарели), *ardoisier* — «кровельщик» (от *ardoise* — «черепица»), *naveteur* — «курсирующий человек» (от *navet* — «челнок»). Некоторые подобные единицы можно рассматривать как **неологизмы** (единицы, образованные на территории Бельгии, а также единицы, семантическое наполнение которых изменилось в Бельгии). Часто встречаются **заимствования** из английского языка: *fancy-fair* — «благотворительный праздник», *minitrip* — «небольшая организационная поездка».

Таким образом, можно констатировать большое количество отличий бельгийского французского языка от стандартного на всех языковых уровнях. Наибольшая их часть относится к уровню лексики. Важно отметить, что выделенные особенности, характеризующие язык Бельгии, представляют собой либо архаизм общефранцузской нормы, либо современную особенность тех или иных французских региолектов и социолектов.

Литература

[1] Клоков В.Т. Специфика французского языка в Бельгии. Саратовский государственный университет, 2007. С. 130–174.

[2] Лефевр М. Дис.: Языковая практика регионалистов и проблема французского языка в Бельгии. Л.: Ленинградский Орден трудового Красного знамени гос. пед. институт имени А.И. Герцена, 1978.

[3] Николаева Э.А. Специфика образных ассоциаций субстантивных компонентов ФЕ вторичного ареала (на материале бельгийской фразеологии) / Э.А. Николаева // Проблемы французской филологии. Ростов-на-Дону: Рост. гос. пед. ун-т, 2004. С. 25–32.

[4] Francard M. Entre Romania et Germania: La Belgique francophone // Le français dans l'espace francophone. T.F., 1996.

Курчаткина О.А.

(Россия, Москва)

Сравнительный анализ грамматики испанского и русского языков при обучении переводу

При подготовке переводчиков изучению переводческих дисциплин обычно предшествует изучение различных аспектов иностранного и родного языков, в т.ч. практический курс устной и письменной речи, теоретические курсы лексикологии, грамматики, стилистики и истории иностранного языка, стилистика русского языка и культура речи. Этот последовательный подход предполагает, что к началу изучения непосредственно переводческих дисциплин студенты имеют достаточную подготовку, позволяющую им оценивать процесс перевода в его семантическом, стилистическом и прагматическом аспектах на всех языковых уровнях.

Однако на практике мы нередко сталкиваемся с тем, что у будущих переводчиков возникают затруднения с применением ранее приобретенных знаний и навыков.

Связано это в первую очередь с тем, что, приступая к переводу, они уделяют основное внимание выбору лексических эквивалентов и недостаточное внимание грамматике исходного текста (ИТ), что зачастую приводит к ошибкам в переводе.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «У людей, хорошо владеющих языком, лексический и грамматический анализ неотделимы друг от друга и протекают как единый автоматический процесс. У человека, еще не получившего достаточных языковых навыков, грамматический анализ должен занимать едва ли не большее место сравнительно с анализом лексическим» [1]. Грамматические системы испанского и русского языков при всем сходстве имеют достаточно большое количество отличий. Основные отличия можно выделить при сравнении синтаксических структур. В испанском языке, как и в некоторых других романских и германских языках, существуют инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции не имеющие прямых эквивалентов в русском языке. Они требуют обязательного рассмотрения и сравнения при переводе, поскольку являются объектом применения синтаксических переводческих трансформаций.

Это же относится к некоторым типам придаточных предложений, например, безглагольным придаточным предложениям времени, например: «*Una vez en casa me cambié y me puse cómoda*». В этом случае для правильного перевода совершенно необходимо произвести анализ синтаксической структуры и определить, что словосочетание «*una vez*» не является здесь обстоятельством времени, относящимся к глаголу (в данном случае к однородным сказуемым), но является частью безглагольного придаточного предложения «*una vez en casa*». Таким образом, верным переводом этого предложения будет «*Придя домой, она переоделась и устроилась поудобнее*».

Однако не только синтаксис, но и морфология должна являться объектом предпереводческого анализа. В этом свете одну из важных проблем в паре «испанский-русский» представляет собой артикль. В русском языке артикля нет, однако важно показать студентам, что отсутствие формального способа выражения категории определенности/неопределенности существительных не означает отсутствия самого этого грамматического значения у русских существительных. Следовательно, артикль, а вернее выражаемое им грамматическое значение определенности/неопределенности, требует передачи при переводе. Этот нюанс часто упускается при переводе с испанского на русский язык, в результате чего в тексте перевода (ТП) возникает возможность двоякого толкования или даже смысловые ошибки. Например, в простой фразе «*Una de las pacientes [...] confiesa que la clínica le ha salvado la vida*» очевидно указание на то, что речь идет о некоей уже известной больнице, поскольку при слове «*clínica*» стоит определенный артикль, что, тем не менее, не мешает студентам-переводчикам переводить эту фразу, например, так: «*Одна из пациенток признается, что врачи спасли ей жизнь*». Когда на самом деле правильный перевод должен звучать так: «*Одна из пациенток признается, что в этой больнице ей спасли жизнь*». Безусловно, во многих случаях такие неточности в переводе могут быть компенсированы за счет контекста, однако задача профессионального переводчика заключается именно в том, чтобы переводить осознанно, а не по наитию.

Иногда у студентов-переводчиков возникают трудности с идентификацией части речи. Например во фразе «*...pues no tenía dinero para pagar un seguro médico*» не все понимают, что речь идет об оплате медицинской страховки. Нередки варианты перевода наподобие «*потому что у меня не было денег на хорошего врача*». Это происходит, потому что начинающий переводчик не разобрался, где во фразе существительное, а где прилагательное. В русском языке эти

две части речи всегда легко различимы по формальным признакам, в испанском же языке это не так.

Недостаточный грамматический анализ ИТ при переводе может приводить и к более серьезным ошибкам, нежели в примерах, приведенных выше. На практических занятиях по переводу необходимо уделять особое внимание сопоставлению грамматики испанского и русского языков, рассматривать наиболее сложные и неочевидные для студентов случаи на примерах, чтобы довести процесс анализа до автоматизма.

Литература

[1] Арутюнова Н.Д. Трудности перевода с испанского языка на русский: Учеб. Пособие/Н. Д. Арутюнова. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2004. 109 с.

Логина П.Г.

(Россия, Москва)

Пословицы, поговорки и крылатые выражения как средство репрезентации понятий лингвокультурной сферы «виноделие» в английском языке в сравнении с русским языком и языками романской группы

Одними из наиболее ярких языковых единиц, в которых выражается концепт «вино» в английском языке, являются пословицы и поговорки. Лингвокультурологическая значимость пословиц, поговорок и крылатых выражений проявляется в том, что они отражают концепты культуры нации и синтезируют в себе опыт многих поколений определенного этноса.

Среди лингвокультурологических характеристик, связанных с особенностями английского национального характера и менталитета при отношении англичан к винам, выделяются несколько тем для классификации. Разберем их

по семантическим группам. Проведем сравнительный анализ с русским языком и с языками романской группы.

1) Семантическая группа «любовь к вину»

Wine makes daily living easier, less hurried, with fewer tensions and more tolerance (букв. «вино облегчает повседневную жизнь, делая ее неспешной, менее напряженной, а нас — более терпимыми»). В русском языке приведем следующий эквивалент: *вино на радость нам дано*. Интересен эквивалент и во французском языке: *au matin, bois le vin blanc; le rouge au soir, pour faire le sang* (букв. «утром пей белое вино, вечером красное для лучшей циркуляции крови»).

Wine gives courage and makes men more apt for passion (букв. «вино придает мужественность и побуждает к страсти»). В русском языке интересен следующий эквивалент: *велик воин за стаканом вина!* Приведем эквивалент во французском также: *s'il y a pain et vin, le Roi peut venir* (букв. «если есть хлеб и вино, можно и короля пригласить»).

Good wine is milk for the aged (букв. «хорошее вино — молоко для стариков»). Во французском и испанском языках имеются абсолютные эквиваленты: фр.: *un bon vieillard ressemble à un bon vin qui a déposé sa lie* (букв. «хороший старик похож на славное вино, выдержанное на осадке»), исп.: *el vino es la teta del Viejo* (букв. «вино — грудное молоко (грудь) для стариков»).

With wine in hand, one reaches the happy state — where men are wise, women beautiful; and even one's children begin to look promising (букв. «выпив вина, кажется, что все мужчины — мудрые, женщины — красавицы, и даже чужие дети радуют глаз»). В русском языке интересен следующий эквивалент: *вино и немного сделает соловьем*.

Good wine needs no bush. Good wine sells itself. Приведем эквиваленты в русском языке: *хороший товар сам себя хвалит; хороший товар в ярлыке не нуждается*.

To take wine into your mouth is to savor a droplet of the river of human history (букв. «сделать глоток вина означает вкусить каплю из реки человеческой истории»).

There are two reasons for drinking wine...when you are thirsty, to cure it; the other, when you are not thirsty, to prevent it... prevention is better than cure (букв. «существуют две причины, почему стоит пить вино: когда тебя мучает жажда, для того, чтобы утолить ее, вторая причина — когда ты не хочешь пить — предотвратить появление жажды... предотвращение жажды лучше, чем ее утоление»).

2) Семантическая группа «призыв к умеренности»

Good wine is a good familiar creature if it be well used (букв. «вино—хороший и близкий товарищ, если правильно с ним обращаться»). Приведем эквиваленты в русском языке и трех языках романской группы: *умеренность — мать здоровья*, фр.: *sobriété est la mère de santé* (букв. «умеренность — мать здоровья»); исп.: *el vino moderado es salud para el cuerpo y alegría para el alma* (букв. «в меру выпитое вино дарит телу здоровье, а душе — радость»); ит.яз: *bevi l'acqua come il bue, e il vino come il re* (букв. «пей воду как бык, а вино как король»).

3) Семантическая группа «вред вина и последствия его неумеренного потребления»

Bacchus has drowned more men than Neptune (букв. «Бахус (Вакх) утопил в вине больше людей, чем Нептун в море»). Приведем эквивалент в русском языке: *где вино, там и горюшко*. Абсолютный эквивалент присутствует в испанском языке: *el vino ha ahogado a más hombres que el mar* (букв. «вино погубило больше людей, чем море»).

Drink like a fish (букв. «пить как рыба»). В русском языке имеется следующий красочный эквивалент: *пошел черт по кочкам* (в значении «запили»). В итальянском языке мы подобрали следующий эквивалент: *bersi l'anima* (букв. «быть пьяницей»).

4) Семантическая группа «растраты, потеря личности, пагубное влияние на жизнь человека»

Good wine ruins the purse, and bad the stomach (букв. «хорошее вино уничтожает кошелек и портит желудок»). В русском языке существует много эквивалентов данной пословицы: *с вином поводишься — нагишом находишься; работа денежку копит, а вино денежку топит; сегодня пир горой, а завтра пошел с сумой; вино полюбил — семью разорил*. Интересен и французский эквивалент: *aujourd'hui en fleurs, demain en pleurs* (букв. «сегодня в цветах, завтра в слезах»).

When the wine goes in, strange things come out (букв. «когда вино дурманит голову, чего только не вытворяет человек»). В русском языке имеются следующие интересные эквиваленты: *чарка вина не прибавит ума; другая да третья сводят с ума; вино с разумом не ладит*.

5) Семантическая группа «отсутствие тайны, невозможность сохранить секреты»

Wine makes secrets float to the surface (букв. «вино заставляет секреты плыть на сушу»).

If you wish to keep your affairs secret, drink no wine (букв. «если хочешь сохранить свои дела в секрете, не пей вина»).

From wine what sudden friendship arises (букв. «от вина завязывается внезапная дружба»). Приведем эквиваленты в русском языке: *вино развязывает язык; вино входит, тайна уходит*. В испанском языке интересен следующий эквивалент: *el mucho vino, no guarda secreto ni cumple* (букв. «кто много вина пьет, не держит слово»).

6) К отдельной семантической группе отнесем интересные примеры, в которых концепты «женщина» и «любовь» являются отрицательными и приравниваются к пагубному воздействию вина:

Time, wine, women, and fortune, are ever changing (букв. «время, вино, женщины и судьба(фортуна) никогда не меняются»).

Never listen to these three advisers: wine, the night, and love (букв. «никогда не бери в советчики ни вино, ни ночь, ни любовь»). Приведем несколько эквивалентов данной поговорке в испанском языке: *el amor y el vino sacan al hombre de tino* (досл. «любовь и вино губят рассудок человека»); *a donde entra mucho vino todos los vicios hacen camino* (досл. «где много вина, много пороков»); *tabaco, vino y mujer, echan al hombre a perder* (досл. «табак, вино и женщины губят человека»); *el vino y la mujer burlan del saber* (досл. «вино и женщины вредят знаниям (науке)»).

Языковые средства лингвокультурной сферы «виноделие» в английском языке представлены большим количеством пословиц, поговорок и крылатых выражений, отражающих отношение англичан к вину и к культуре потребления вин в целом с древнейших времен. В них проявляется менталитет английского народа, его оригинальный юмор и отношение к жизни в целом. Подобные эквиваленты присутствуют также во многих языках романской группы.

Литература

[1] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990.

[2] Воробьев В.В. Лингвокультурология. Учебное пособие. Москва, Издательство РУДН, 2006.

[3] Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 2005.

[4] Даль В. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

[5] Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Нелюбова Н.Ю., Задорожная Я.В.

(Россия, Москва)

Особенности французского языка в странах Тропической Африки на примере африканских печатных СМИ

При переводе различных текстов с французского языка необходимо знать и учитывать особенности его вариантов, характерных для определенных регионов его распространения, в частности, стран Тропической Африки. В речи африканцев сохранилось множество специфических по сравнению с современным французским языком Франции слов и выражений. Нам представляется интересным проследить, насколько особенности французского языка стран Тропической Африки находят свое отражение в текстах печатных СМИ, в которых традиционно соблюдаются все нормы и правила, и с какой целью они употребляются в анализируемых текстах.

Исследованием особенностей африканского варианта французского языка занимались такие ученые, как Ж. Багана, В. Т. Клоков, В. Ларбо, Ж. Макута-Мбуку, Н.С.Найденова, М. Уи, А.И. Чередниченко и др.

В результате изучения трудов вышеуказанных исследователей нами были определены лексические и грамматические особенности языка франкоговорящего населения Тропической Африки.

Нами было выявлено, что в лексике франкоговорящего населения стран Тропической Африки можно выделить несколько основных пластов: архаизмы и историзмы (историзм «*fanal*» в значении «фонарь»; архаизм «*magnat*» в значении «богач; богатый человек», потерявший свое первоначальное значение — «вельможа».); неологизмы («*gorette*» — аналог французского «*fille*»; «*engaste*» в значении «*problème*»); заимствования из английского языка («*business*» — «бизнес», «*boy*» — «мальчик; слуга»).

Одной из грамматических особенностей французского языка Африки является специфика употребления местоимений. Местоимения *moi* и *me*, *le/la* и *lui* взаимозаменяемы («*donne-la la main*» вместо «*donne-lui la main*»; «*communique-me*» вместо «*communique-moi*»). Наблюдается также одновременное использование двух прямых или двух косвенных местоимений-дополнений («*demander le directeur la permission*» вместо «*demander la permission au directeur*»). Часто встречается замена формы глагола 1-го лица на форму глагола 3-го лица («*je part*» вместо «*je pars*»). Глаголы 3-ей группы часто спрягаются по образцу спряжения глаголов 1-й группы («*il a voyé*» вместо «*il a vu*»).

В результате анализа африканских печатных СМИ (152 статей разной тематики) было выявлено частое употребление англицизмов: «*Il rate l'argent et braque un taximan — Le Progrès N° 1982 du 15 juin 2006...*»; «*Les dettes et capitaux propres du business plan avant le contrôle de RusAl avaient été bien étudiés par RWI...*» [«GuineeConakry»]

Английская лексика распространена в речи населения стран Тропической Африки ввиду многочисленных торговых контактов между англоговорящим и франкоговорящим населением континента, а также в связи с глобальным распространением английского языка.

Историзмов и архаизмов в ходе анализа печатных СМИ выявлено не было, что говорит об ориентации печатных СМИ стран Тропической Африки на население всех франкоговорящих стран.

В 36 статьях были обнаружены случаи замены у глагола формы 1-го лица на формы 3-го: «*...j'a simplement voulu redonner aux jeunes Tchadiens du rêve, de la sensualité, du bonheur de vivre et de chanter...*»; «*Bensouda avoue le complot contre Gbagbo: «Je ne peut rien y faire.»*» [«Le Messager»]. Других вышеуказанных грамматических особенностей в текстах СМИ нами обнаружено не было.

Исходя из проведенного анализа можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что печатные СМИ в странах Тропической Африки издаются на многих языках, включая автохтонные, существует ряд региональных изданий, освещающих политику и жизнь людей, печатающихся на французском языке. Однако такие издания, как правило, используют при написании статей пласт традиционной французской лексики, понятной всем носителям французского языка, а не только на территории франкоговорящих стран Тропической Африки. Черты лексики и грамматики, присущие исключительно африканскому варианту французского языка можно встретить редко.

Лексические и грамматические особенности французского языка стран Тропической Африки имеют место в основном в устной речи и, как и единицы, обозначающие исконные африканские реалии, достаточно редко встречаются в текстах СМИ ввиду того, что печатные издания ориентируются не только на Африку, но и на другие франкоговорящие страны.

Литература

[1] Багана, Ж. Грамматические особенности французского языка Африки / Ж. Багана; НИУ «БелГУ» // Грамматика разноструктурных языков : сб. науч. ст. к юбилею проф. Виктора Юрьевича Копрова / редкол.: Лебедева А.Л. и др.. Воронеж, 2011. С. 60–64.

[2] Клоков В.Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки / В.Т. Клоков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 130, 2 с.

[3] Makouta-Mboukou J.-P. La linguistique et l'enseignement du français, langue seconde en Afrique Noire: point de vue d'un enseignant français // Le français sans frontières. Paris: Le Pavillon, 1973.

[4] Найденова Наталья Сергеевна. Лексико-семантические и деривационные особенности французского языка в странах Тропической Африки: автореф. дис. на соиск. учен. степ.

к.филол.н.: спец. 10.02.05; [Рос. ун-т дружбы народов]. Москва: 2005.

Швец Н.А.

(Россия, Москва)

Разновидности андалузского диалекта испанского языка

Испанский язык — один из наиболее распространённых языков в мире как по числу говорящих (более 350 миллионов), так и по географической распространённости. В связи с этим, он имеет различные национальные варианты и диалекты. Один из них — это андалузский диалект испанского языка, который, в свою очередь, имеет свои разновидности.

Разновидности андалузского диалекта испанского языка — проблема, представляющая значительный интерес для исследования. Так же, как и в испанском языке в целом, в андалузском диалекте хорошо заметны внутренние различия. Эта гетерогенность имеет два различных проявления в Андалусии:

1) Не во всей Андалусии говорят на андалузском диалекте. С политико-географической точки зрения, в речи некоторых андалусийских провинций присутствуют черты других диалектов (язык на севере Уэльвы или в Кордобе больше похож на эстремадурский диалект, а в Гранаде или Альмерии — на мурсийский).

2) Особенности и черты, характерные для андалузского диалекта, распространены неравномерно по всему региону и имеют различные проявления (seseo вместо seseo, редуцирование или придыхание -s на конце и т. д.).

Особенное внимание мы бы хотели обратить на различия в произношении. Ученые-лингвисты выделяют три основные группы:

I. Особенности, наиболее распространённые на всей территории Андалусии:

1. Seseo, ceceo:
(solisitar/ zolizitar/ solicitar)
2. Редуцирование или придыхание -S в конце слова.
(do coche/doh cocheh)
3. Открытые гласные (tre(s), do(s))
4. Придыхательная согласная Jota (bajar = bahá(r))

II. Менее распространённые особенности:

1. Путаница между имплозивными согласными -R/-L
(arcarde, comel)
2. Ослабленный звук CH (osho)
3. Придыхание начальной буквы H (jumo, jierro)

III. Черты, не характеризующие данный диалект
(широко распространённые также и в классическом варианте испанского языка)

1. Yeísmo (одинаковое произношение LL/Y) (callado = cayado)
2. Редуцирование звука -D-, особенно в окончаниях -ado, -ido (cansao, partío)
3. Выпадение финального согласного (comé, ospitá, vírge)

При первом рассмотрении разновидностей андалузского диалекта мы можем сделать некоторые выводы. Данные разновидности представляются нам отдельной реальностью, которую можно почувствовать в Андалусии и за её пределами. Андалузская лингвистическая реальность неоднородна в своих проявлениях, а также внутренне разнообразна в способах самовыражения во всей Андалусии. Большая часть лингвистических особенностей имеют много общего с другими вариантами и диалектами испанского языка. Андалузские разновидности являются результатом исторического процесса развития от древнего кастильского до приобретения собственных форм.

Литература

- [1] Cano Aguilar, R. La historia del andaluz, Ayuntamiento de Estepa, 2001.
- [2] Girón Alconchel, J. L. Las hablas andaluzas desde la historia del español, Ayuntamiento de Estepa, Sevilla, 2006
- [3] Universidad de Sevilla, El español hablado en Andalucía, 2011 (Электронный ресурс) — Режим доступа: <http://grupo.us.es/ehandalucia/index.html> (2016).

Шершукова О.А.

(Россия, Москва)

Сходства и различия в употреблении имен функциональных множеств в португальском и русском языках

Особую специфику в естественном языке имеют имена функциональных множеств, которые обозначают объекты, либо состоящие из двух или нескольких однородных частей, либо сосредоточенные в одном месте, но которые функционируют «как единое целое» [1]. К данным именам, которые в лингвистической литературе называют, соответственно, парными и сложными, традиционно относятся обозначения органов и частей тела человека и животных, а также предметов, состоящих из двух или нескольких однородных частей. Рассмотреть данные имена с позиций сходств и различий в их числовом оформлении мы хотели бы на материале португальского и русского языков. Как правило, они относятся либо к существительным *Pluralia tantum óculos очки*, либо свободно варьируются по числу *mão/mãos ~ рука/руки (кисть)*. Особый интерес представляют имена *Pluralia tantum*, которые не всегда представлены коррелятами в португальском и русском языках, даже при обозначении частей тела и органов человека и животных: *cruzes* (мн. число Plt) ~ *крестец* (ед. число) Ср. *стينا* (ед.число) представлена двумя португальскими лексемами

costas (мн. число Plt) и *dorso* (ед./мн. число). Вариативность в выборе числовой формы при обозначении предметов, состоящих из двух или нескольких однородных частей, встречается не только в португальском и русском языках *sani trenô/ trenôs*, клещи *tenaz/ tenazes*, ножницы *tesoura/ tesouras*, ножные кандалы *peia/ peias*, но и в одном и том же языке имена одинаковых по своей структуре предметов могут обозначаться разными числовыми формами: очки *óculos*, но пенсне *luneta/ lunetas*. Выбор числовой формы имен функциональных множеств зависит не только от характера представления данного объекта в конкретном языке, но во многом и от этимологии слова, которое в единственном числе может иметь иное лексическое значение *очко ~ очки* ср. *óculo* *подзорная труба, круглое окошко, отверстие, окуляр ~ óculos* т. очки.

Имена функциональных множеств, обозначающие парные и сложные органы человека и животных, которые имеют полную числовую парадигму, часто встречаются в переносном, метафорическом употреблении: ...é uma terra de ladrões, *olho vê, mão pilha* (J. Saramago), при этом русские и португальские имена функциональных множеств в эквивалентных выражениях не всегда совпадают по числу: *ir num pé e vir noutra* *одна нога здесь, другая там*, но *de mão em mão* *из рук в руки*, *andar de mão em mão* *ходить по рукам*; *nunca mais pôr os pés* *никогда ноги (чьей-то) здесь не будет*. В ряде случаев за определенной числовой формой в таких выражениях закрепляется либо прямое, либо переносное значение.

Имена функциональных множеств в форме единственного числа обозначают единичный элемент, составляющий пару или множество, при этом особенностью португальского языка является необходимость оформлять его определенным или неопределенным артиклем: *O filho encostou-se outra vez à mesa, apoiando a cabeça numa das mãos* (L. De Sttau Monteiro) Ср. *Passou a mão pela barba* (A. M.

Magalhães, I. Alçada). Следует отметить, что у парных имен во множественном числе неопределенный артикль передает значение пары, а неопределенный артикль у парного или сложного имени в единственном числе указывает, что действие произведено единичным элементом, выделенном из пары или множества: E a formiguinha desceu *da sandália de couro* como se descesse de uma montanha (...) Já sobre a terra, com *uma das patas* bateu na testa cansada de tanto pensar (M. R. Araújo). Опущение артикля перед именами функциональных множеств характерно для устойчивых словосочетаний, когда происходит адвербиализация имени: temos que *estar de olho* nos dois filhos. Естественно, что артикль не употребляется перед именами в признаковом значении не только в форме множественного числа, но и в единственном числе как в классической португальской литературе, так и в разговорно-обиходном стиле речи: Um rapagão moreno, *de olhos pretos*... (A. M. Magalhães, I. Alçada) Ср. freiras, gordinhas, *de olho negro*... (Eça de Queirós); Sou lourinha, *de olho azul*... (Veja). Поэтому не случайно, что особый интерес представляют собой случаи стилистического употребления имен функциональных множеств в форме единственного числа при обозначении не единичного элемента, а целого множества: Se seu filho quer *um ténis* de 300 reais, «porque todos os amigos têm» e você não vai comprar, explique as razões. Diga que não é com *um ténis* que ele vai tornar alguma coisa ou que é contra seus princípios pagar tão caro por *um sapato* (Veja); ...esta última ('Carla Bruni') trocando *a habitual sapatilha* por *um Louboutin salto 4,5*, o mínimo para enfrentar a altíssima realeza espanhola (Veja).

Литература

[1] Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. С. 211.

Юнкова Е.П.

(Россия, Москва)

**О языке кабувердяну и языковой ситуации
в Республике Кабо-Верде на современном этапе**

Креольский язык Республики Кабо-Верде, известный как кабувердяну (*kabuverdianu*), относится к португальско-креольской группе иберо-романских языков [1]. С 1972 года имеет статус национального языка. Кабувердяну делится на две большие группы диалектов: барлавернту — северо-западные диалекты Наветренной группы островов (Санту-Антан, Сан-Висенти, Сан-Николау, Санта-Лузия, Сал, Боавишта) и сотавенту — юго-восточные диалекты островов Подветренной группы (Сантьягу, Маю, Фогу, Брава). Также вариант сотавенту (и его носителей) принято называть «*badiu*» (от «*vadio*», порт.), вариант барлавернту — «*sampadjudu*» (от порт. «*são palhiodos*»). Опираясь на существующие записи речи, а также на сведения информантов, мы можем сказать, что на каждом острове язык имеет свои фонетические и лексические особенности.

Целью настоящего исследования стало выявление лексических особенностей языковой ситуации в Кабо-Верде на современном этапе с учетом взаимодействия существующих диалектов кабувердяну и государственного португальского языка. Для этого, помимо всего прочего, была проведена работа с информантами, которая включала в себя письменный опрос-анкетирование, а также устные консультации. В роли информантов выступили учащиеся (бакалавры, магистры и аспиранты), а также молодые специалисты с высшим образованием. Возраст информантов — от 22 до 37 лет.

Креольский язык — язык богатой устной традиции (фольклор, созданный преимущественно на барлавернту), который до сих пор он существует преимущественно в устной форме практически во всех сферах жизни кабовердцев, за

исключением сугубо официальных ситуаций [2]. В начале XX в. в связи с расширением сфер употребления в кабувердьяну начали массово проникать португальские заимствования: лексические и грамматические лузитанизмы [1]. Опираясь на результаты опроса информантов, мы можем предположить, что активное обновление лексики продолжается: появляется все больше эквивалентов уже существующих выражений, причем новые варианты характерны для речи молодежи и нередко имеют сниженную стилистическую окраску. Например, старое расхожее выражение «Sai ta согге» («Поторопись») сегодня заменило «Subi pintxa». Приветственный вопрос «Modi ki bu sta?» («Как дела?») сначала редуцировался до «Moh ku sa?», а в речи современной молодежи превратился в емкое «Kuale?». Аналогично, в ответ на вопрос «Как дела?» сегодня намного чаще можно услышать «N'sta fixi», чем характерное для старших поколений «N'sta dretu», при этом лексически оба варианта идентичны: «У меня все хорошо».

Также мы можем отметить тенденцию к уподоблению португальским вариантам: сначала фонетически, а затем и графически (что представляется закономерным, так как креольская орфография обычно отражает креольскую фонетику). Так, например, произошло с глаголом «шить»: *chара* (старый креольский) сначала превратилось в *soçi* (от порт. *coser* — «шить»), а начиная с 90-х гг. XX в. можно встретить такой вариант: *cozi*. Глагол *paria* («говорить») служит своеобразным маркером речи старшего поколения; среди молодежи предпочтение отдается варианту *fala* (от порт. *falar* — «говорить»).

Причин такой «лузитанизации» креольского языка может быть несколько, и ввиду того, что процесс проявил себя относительно недавно, они могут быть озвучены пока лишь в виде гипотез. Во-первых, это миграция населения, ориентированность на учебу за границей, в первую очередь — в португалоговорящих странах. Во-вторых, это активное

использование социальных сетей, подразумевающих общение в письменной форме. Известно, что процесс закрепления орфографических норм языка продолжается до сих пор, и, вследствие разнообразия диалектов, их письменное отображение может очень сильно различаться. Поэтому стихийным языковым решением стал выбор «усредненных» вариантов, близких к португальскому написанию. Что, в свою очередь, повлекло уже и изменение произношения в сторону португальского.

Если в 80-х гг. XX в. было замечено негативное восприятие кабовердцами отчетливых лузитанизмов в речи [1], то в наши дни, согласно результатам опросов информантов, ярко выраженных пуристических настроений не отмечается. Однако представители интеллигенции озабочены проблемой сохранения самобытной культуры кабовердцев; на этом фоне остается актуальным вопрос о присвоении кабувердьяну статуса государственного языка [3].

Литература

[1] Кузнецов Б.Г. Креольский язык Республики Кабо-Верде. М., 1986.

[2] Кузнецов Б.Г. Языковая ситуация на островах Зеленого Мыса и в Гвинее-Бисау. // Вопросы романской филологии. Сопоставительное изучение языков. ч.1. М., 1979.

[3] Afonseca Monteiro Suely Elisângela. Contributo de Tomé Varela para a valorização e preservação da cultura cabo-verdiana. Praia, 2010.

Юрьева Ю.Б.

(Россия, Москва)

Лексико-семантические особенности австралийского национального варианта английского языка

Австралийский национальный вариант английского языка является одним из наименее изученных национальных

вариантов английского языка. Изучение лексических особенностей австралийского национального варианта связано с именами известных лингвистов: С. Бэйкера, У. Рэмсона, Дж. Тэрнера, Л. Митчелла, которые подчеркивали вклад коренного населения в формирование особенностей австралийского национального варианта английского языка.

Основное влияние на развитие лексической системы языка оказывают внеязыковые факторы: естественно-географическая среда, культурные, экономические, социальные и другие факторы.

Наибольший процесс формирования австралийского национального варианта совпадает с периодом колонизации страны и «золотой лихорадкой». Этот период характеризуется процессом взаимодействия различных диалектов, завезенных из Великобритании, а так же периодом заимствований как следствие языковых контактов с аборигенами и иммигрантами [2].

«Золотая лихорадка» в середине XIX века вызвала массовую волну иммиграции в Австралию. Данный процесс способствовал развитию и освоению отдаленных областей страны, совпал с оживлением экономики и внешнеторговых связей Австралии с внешним миром. В это время усилилась миграция населения внутри страны. Росло национальное самосознание народа. Изменение социально-экономических условий повлияло на образование австралийского национального варианта английского языка.

Первых колонизаторы и переселенцы, попавшие на материк, столкнулись с неизвестным, экзотическим миром. В английском языке не было слов, способных отражать местный колорит Австралии и, вследствие чего, в английский язык вошли различные слова туземного происхождения.

Основные заимствования английским языком слов из языков коренного населения Австралии чаще всего встречаются в следующих названиях:

- животных: koala (коала), goo (кенгуру), wallaby (каменный кенгуру), wallaroo (лесной кенгуру). Слово kangaroo, используемое в шутливой речи как синоним к слову Australian, dingo (собака динго), в переносном значении обозначает — предатель (to dingo — предавать, to turn dingo — стать предателем);

- птиц: brolga (австралийский журавль), budgerigar (волнистый попугайчик), galah (вид какаду), loo-ee-bird (австралийская кукушка), bell-bird (лесной дрозд), birds of paradise (райские птички);

- растений: gum tree (эвкалиптовое дерево), coolibah (кулибах), mulga (разновидность акации), Christmas bush (виды деревьев, расцветающих к Рождеству), flannel flower (австралийский цветок, похожий на маргаритку) [4].

Сельское хозяйство занимает основной сектор экономики Австралии, в результате чего в английском национальном варианте мы можем встретить следующие наименования: stock (скот), station (ферма), gun (пастбище), paddock (огороженный земельный участок), stockwhip (кнут) [1].

Исследователи утверждают, что около трети всех географических названий Австралии — аборигенного происхождения.

Все имеющиеся заимствования в австралийском национальном варианте английского языка из автохтонных языков коренных жителей материка пополнили английский язык лексикой, отражающей местный колорит, быт, традиции и особенности местного населения и уникальную природу материка.

Литература

[1] Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 С.

[2] Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии / Г.А. Орлов. М.: Высшая школа, 1978. С. 20–46.

[3] Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. М.: СПб.: ГЛОССА: КАРО, 2006. С. 283–287.

[4] Ramson W.S. The Vocabulary of Australian English / The Macquarie Dictionary / W.S. Ramsonю Macquarie University, 1988. P. 875–1786.

СЕКЦИЯ 6
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ануфриева А.С.
(Россия, Москва)

**Total-Physical Response (TPR),
или метод полного физического реагирования
в обучении иностранным языкам**

Одна из наиболее актуальных проблем в обучении иностранным языкам — это выявление или изобретение наиболее продуктивных методов для достижения максимально эффективного результата.

«...самая трудная задача и для детей, и для взрослых, видимо, заключается в попытках овладеть иностранным языком в школе. Судя по результатам некоторых исследований, лишь некоторые школьники — чаще всего их менее 5% — продвигаются дальше начальных знаний. Эти цифры кажутся ошеломляющими при сравнении с теми успехами, которых достигает большинство шестилетних детей, которые без школьного обучения овладевают родным языком» [1].

Важность этой проблемы непосредственно касается и нас самих и как студентов, изучающих иностранный язык, и как будущих педагогов, обучающих иностранному языку детей на ранних этапах.

Обучение в университете Кадиса в Испании предоставило мне возможность узнать о новом, интересном и достаточно продуктивном методе под названием Total Physical Response.

Метод полного физического реагирования для обучения иностранным языкам был предложен и описан американским

психологом Джеймсом Ашером в 70х годах. В основу его была положена теория о работе левого и правого полушарий головного мозга.

На занятиях, где используется метод TPR, ученики не просто слушают речь педагога, но и принимают непосредственное участие в процессе обучения: повторяют слова и фразы с различными эмоциональными оттенками, берут в руку различные предметы, двигаются, танцуют. Лексика при этом подбирается таким образом, чтобы охватить как можно больше глаголов движения.

Так же, как и любой метод, TPR имеет как свои недостатки, так и преимущества, но мне бы хотелось заострить свое внимание на эффективности данного метода в обучении иностранным языкам на раннем этапе изучения языка, так как метод предполагает использование несложных конструкций и слов, которые даются в начале любого обучения.

После того, как я узнала про данный метод, я решила провести небольшое исследование с людьми, только начинающими изучать иностранный язык.

В моем исследовании участвовало трое людей разного возраста и пола: 1) девочка 8-ми лет, 2) женщина 45-ти лет, 3) молодой человек 18-ти лет.

Как показал результат, абсолютно все участники остались довольны результатом нескольких занятий английским языком с использованием метода TPR. По итогам уже семи занятий можно было обнаружить эффективность данного метода.

Главные преимущества данного метода:

- Студенты всегда находятся в движении.
- Простые действия TPR не требуют большой подготовки со стороны учителя.
- TPR хорош для кинестетических учащихся, которые должны быть активными в классе.

- TPR является эффективным как для детей, так и для взрослых.

К основным недостаткам относится следующее:

- в ходе занятия приходится задействовать большое количество наглядного материала, который не всегда можно легко и просто принести с собой;

- метод TPR практически не использует изучение грамматики в привычном виде (правила, пояснения), что для взрослого человека может показаться серьезной проблемой при изучении английского языка;

- наконец, для взрослого бывает достаточно сложно включиться в подобное занятие в силу уже сформировавшихся стереотипов, а также в силу психологических особенностей людей этого возраста.

Этот метод является очень продуктивным еще по одной важной причине: он разработан Ашером на основании процесса овладения родным языком. Так как первоначально маленькие дети активно вслушиваются в речь взрослого, трогают руками различные предметы, повторяя их названия, реагируют на простые указания родителей и только после этого этапа пытаются начать говорить самостоятельно.

Данное исследование позволило признать эффективность метода TPR, особенно для обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Литература

[1] Asher J. Language by command. The Total Physical Response approach to learning language // The way of learning. Summer 1984, p. 35.

Белоусова Е.И., Белоусова А.С.

(Россия, Москва)

Наследие Василия Васильевича Голубкова в научно-методической подготовке современного учителя

В Федеральном государственном стандарте общего и среднего полного общего образования говорится о необходимости владения учителем основами научно-исследовательской культуры для формирования у учащихся навыков проектной и исследовательской деятельности, навыков научного мышления. Для того чтобы научить ученика учиться учитель сам должен владеть методами и приемами научного исследования.

Как это ни удивительно, но эти идеи еще в 30-х гг. XX века стали основой научно-методической концепции ученого-филолога, методиста, педагога — Василия Васильевича Голубкова.

В статье «Научно-исследовательская работа в области методики литературы», обращаясь к широкому кругу начинающих научных работников и учителей, В.В. Голубков подчеркивает, что учитель литературы должен обладать научным мышлением и знать и применять в своей практике научные приемы исследования, владение которыми необходимо практикующему учителю литературы. Ученый выделяет научные приемы исследования как необходимые в деятельности учителя литературы.

Первый прием, это прием наблюдения, владея которым, учитель литературы, имеет возможность управлять учебно-воспитательным процессом. Поднимая проблему, намечая рабочую гипотезу, он в результате проверки делает те или иные положительные выводы, или получает возможность изменить направление учебного процесса в желательную для него сторону.

Наряду с наблюдением важным приемом в педагогической деятельности учителя-исследователя ученый

считает проведение учителем литературы эксперимента, экспериментальных уроков. Не лишним будет напомнить требования к проведению таких занятий по литературе:

«1. Для проведения урока берутся два параллельных класса с возможно более сходным составом учащихся и возможно одинаковой подготовкой: один класс избирается для проведения опыта и называется экспериментальным, другой носит название контрольного.

2. Для урока в экспериментальном классе выдвигается одна, точно определенная проблема и намечается ее решение; во всем другом содержание урока (тема, план и т.п.) должно быть одинаковым и в экспериментальном, и в контрольном классе.

3. Урок должен быть «естественным экспериментом», т.е. проходить в обычной обстановке школьных занятий.

4. Он должен быть высококачественным и максимально полезным для учащихся.

5. Уроки как в экспериментальном, так и в контрольном классе стенографируются или подробно записываются и подвергаются коллективному обсуждению. При сопоставлении результатов учитывается различие классов (по составу, успеваемости и т.п.), и в общие выводы вносятся соответствующие коррективы.

6. Формы учета результатов должны быть максимально объективными и точными. Помимо отзывов присутствующих на уроках, это может быть изучение ответов учеников, их письменных работ и т.п.

7. Желательно, чтобы уроки были повторены в других параллельных классах и в других школах. Чем больше таких повторений, тем обоснованнее становятся выводы» [2].

Кроме наблюдения за своей личной практикой и проведения эксперимента, В.В. Голубков обращает внимание учителей литературы на изучение опыта современной школы.

По мнению методиста, учитель-исследователь постоянно должен быть в курсе современных достижений

методики преподавания литературы как науки: знать не только методологическую базу, но быть в курсе современных научно-методических исследований по важнейшим проблемам, знакомиться с публикациями ведущих методистов и учителей-практиков, участвовать в конференциях, посещать «открытые» уроки.

Прием, которому методист придает важное значение, касается систематического изучения самих учащихся. Учитель-исследователь должен изучать читательские интересы школьников, знать уровень их знаний по истории и культуре, уровень восприятия и понимания литературного материала.

Эффективное применение названных приемов невозможно без такого приема исследования, как критическое изучение опыта русской дореволюционной, советской и зарубежной школ. В.В. Голубков, подчеркивая его ценность в процессе исследования, говорит о его важности в двух аспектах. Во-первых, оценка деятельности дореволюционной школы помогает уточнить принципы современной методики преподавания литературы. Во-вторых, прежний опыт, его изучение и анализ иногда способствует активизации некоторых сторон и приемов учебно-воспитательной работы, которые в практике современного преподавателя по каким-то причинам оставались невостребованными.

Очевидно, что идеи методиста, касающиеся проблем совершенствования научно-исследовательской деятельности учителя литературы созвучны сегодняшним задачам, стоящим перед методикой как наукой. Обращение к наследию В.В. Голубкова заслуживает серьезного системного изучения, должного осмысления, широкого использования и развития в современной школе при подготовке к урокам литературы, русского, иностранного языка, для всех тех учебных дисциплин, которые составляют образовательную область «Филология» ФГОС.

Литература

- [1] Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Ф. Теория и методика обучения литературе. М., 2008.
- [2] Голубков В.В. Методика преподавания литературы. М., 1962.
- [3] Роткович Я.А. История преподавания литературы в советской школе. М., 1976.
- [4] Чертов В.Ф. Российский учитель-словесник в условиях модернизации образования // Преподаватель XXI век. 2012. № 3.
- [5] <http://standart.edu.ru/> (сайт Федерального государственного образовательного стандарта)

Борисова А.С., Куприянова М.Е.

(Россия, Москва)

Этапы обучения устному переводу аудиотекстов

Устный последовательный перевод аудиотекстов — неотъемлемая часть любого курса обучения переводу. Таким образом симулируется реальный процесс перевода без зрительной опоры на текст. В качестве материала целесообразно сначала выбирать не очень сложные тексты среднего темпа речи и нейтральной тематики.

1. Первый этап обучения устному переводу аудиотекста — прослушивание всего текста с целью привыкания к темпу речи, особенностям произношения, записи прецизионной информации (имен собственных и цифр).

2. Следующее упражнение — так называемое *shadowing* (от английского *shadow* — тень). Суть этого упражнения сводится к практически синхронному повтору звучащего текста вслух. Цель *shadowing* — привыкнуть к темпу речи. При этом от студентов не требуется понимания отдельных слов, это не перевод, а «настройка инструмента», подготовка к переводу. Частой ошибкой студентов является то, что они стараются разобрать каждое слово, а не понимая,

останавливаются. Этого делать не стоит, так как *shadowing* — не ювелирная работа, а достаточно грубая, приблизительная.

3. Следующий этап — расшифровка каждого предложения, то есть точный повтор. Обязательным условием является сохранение интонации оригинала, так как, к сожалению, именно на интонацию обычно меньше всего обращают внимание не только студенты, но и педагоги, больше заботясь о грамматической правильности предложения. На этапе расшифровки студентам предлагается несколько раз вслух повторить предложение, чтобы разобрать отдельные слова. Это хорошая тренировка переводческой догадки и логического мышления.

4. После расшифровки можно перейти к переводу каждого предложения последовательно. Необходимо постоянно напоминать студентам, что они должны передавать смысл предложения, а не переводить дословно, нередко нарушая нормы языка. На начальном этапе преподаватель нажимает паузу в конце каждого предложения. В более сильных группах можно давать студентам прослушать несколько предложений при параллельной записи с использованием переводческой скорописи.

5. После перевода всего текста можно дать попробовать студентам перевести текст синхронно. Главная сложность — поймать ритм, даже в условиях уже переведенного до этого текста, когда кажется, что он выучен наизусть. Однако это упражнение (синхронный перевод) очень важно для поднятия самооценки студентов, когда их желательнее хвалить и поощрять за малейшие успехи, учитывая сложность этого вида перевода.

Вышеприведенная схема совсем не обязательно используется на каждом занятии по устному переводу. В зависимости от сложности текстов какие-то этапы можно пропустить (например, *shadowing* или расшифровку предложений). Простые тексты можно попробовать перевести синхронно после первого прослушивания.

Самое важное — поддерживать и не критиковать студентов, постоянно напоминая им, что устный перевод на слух — очень нелегкий труд, который требует долгих тренировок.

Ведехина В.В.

(Россия, Москва)

**Трудности в освоении английского языка в Японии.
Педагогический аспект**

В современном мире процесс глобализации привёл к тому, что английский язык стал средством международного общения и ключом к межкультурному пониманию жизни. Япония — одна из самых загадочных стран, играющих большую роль на международной арене, сохранивших свою культурную идентичность и закрытых от влияния английского языка. В связи с этим педагогический аспект исследования трудностей в освоении английского языка в Японии представляет наибольший интерес.

Японцы обеспокоены результатами международных экзаменов по английскому языку. В 2004–2005 годах Япония оказалась на предпоследнем месте среди азиатских стран по результатам теста TOEFL со средним баллом 191. За десять лет ситуация не очень сильно изменилась. Согласно сводке данных о результатах TOEFL в 2014 году, Япония заняла четвертое место с конца среди азиатских стран, в которых сдавали экзамен TOEFL. Иностранцы, преподающие английский язык в Японии, а также сами японцы в газетах, журналах и других публикациях пишут о трудностях в освоении английского языка. Нами было проведено исследование на основе данных, полученных в результате письменного опроса на английском языке японских студентов университета Сока (Токио, Япония).

Возраст начала изучения иностранного языка играет первостепенную роль. Американец Лэри Макдональд (L. MacDonald), профессор университета Сока (Япония) дал нам интервью, в котором так высказался на этот счёт: «Начинать изучать иностранный язык в юном возрасте — хорошо, исследования показывают, что это не повредит знаниям родного языка».

Многие исследователи уверены, иностранные языки лучше всего учить детям от 4 до 8 лет. Однако некоторые японцы всё ещё склонны полагать, что нельзя учить детей английскому языку, пока они не освоили японский язык. Как показывает наш опрос, проведённый среди японских студентов университета Сока (Токио), 4 из 20 опрошенных беспокоятся о нанесении вреда их родному языку, но большинство (16) осознаёт пользу овладения иностранным языком в раннем возрасте.

Основной проблемой при введении английского языка как обязательного предмета в начальной школе в газетах и журналах называют недостаток квалифицированных кадров. В английской газете The Guardian отмечается, что 77% преподавателей сообщили о необходимости улучшения своих языковых навыков, и примерно столько же нуждается в дополнительном обучении. Многие учителя не профилируются в английском языке, а просто преподают различные предметы в начальной школе. Они стесняются говорить на английском перед классом, что, как следствие, внушает студентам страх сделать ошибку, когда они говорят на иностранном языке.

Как нам рассказали в интервью нынешние японские студенты, в начальной школе занятия по английскому языку сводятся к песням на изучаемом языке и повторению простых слов. В начальной школе даже не используются учебники. В настоящее время японское школьное образование нацелено на подготовку к вступительным экзаменам. Более 500000 студентов сдают экзамены в университеты каждый год,

соответственно, преподавание английского языка в школах сводится к объяснению грамматики и «натаскиванию» на тесты с выборочным ответом, а не на общение. По данным нашего опроса, 14 японских студентов из 20 отмечают недостаток «реального английского» — навыков коммуникации на языке из-за нацеленности школьной программы на грамматику и подготовку к экзаменам, 6 из них не уверены в своих знаниях, стеснительны и боятся сделать ошибку.

Многие японцы не видят пользы от изучения английского языка. Япония — это моноэтническое государство. Японцы составляют 98,5% населения (на март 2015 года). В 2008 году только 11 тысяч из 130 тысяч иностранных студентов в японских университетах нашли работу в Японии, большинство компаний остаются этнически гомогенными. Лишь немногие корпорации, работающие в международной торговле и бизнесе, сделали английский основным языком общения. Соответственно, окружение японцев не диктует им необходимость владения английским языком.

Были подвергнуты анализу образовательно-педагогические факторы медленной интеграции английского языка в японское общество. Как показал наш опрос, 20% японских студентов не осознают пользу овладения иностранным языком в юном возрасте. Основной проблемой при введении английского языка как обязательного предмета в начальной школе является недостаток квалифицированных кадров. Наш опрос показал недостаток преподавания коммуникативных навыков и нацеленность школьных программ на грамматику и подготовку к вступительным экзаменам в университет. Многие японские школьники считают, что им нужен английский язык только для поступления в университет и не видят пользы от его изучения. Мы выявили этническую гомогенность японского общества

как причину отсутствия мотивации в необходимости владения английским языком.

Кривошлыкова Л.В., Пушкина А.В.

(Россия, Москва)

**Метод проектов при работе
со студентами-психологами в рамках программы
«Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»**

В основе современного образовательного процесса стоит готовность и способность человека к освоению и внедрению новых идей и технологий. Главной составляющей инновационного подхода к обучению является «деятельностный подход в контексте личностно-ориентированной деятельности» [2]. Очевидно, что преподаватель иностранного языка в своей работе имеет дело со студентами разного уровня, разной подготовки, причем в рамках одной группы. Такие группы называют разноуровневыми / *mixed-ability classes*. Для одних студентов характерен слуховой тип памяти, для других — зрительный или моторный и т.д.

При выборе стратегии и принципов обучения важно учитывать структуру личности, это позволяет студентам лучше усваивать материал.

Случается, что на начальных этапах обучения преподаватель «приклеивает» к студенту такие ярлыки как «хороший», «средний» или «слабый», и далеко не каждый студент делает попытку изменить свой статус в глазах преподавателя [1].

Существует целый ряд временных и преодолимых причин, которые влияют на успешность усвоения учебного материала. Прежде всего, это отсутствие базовых знаний, неудачный предыдущий опыт изучения иностранного языка,

психические и физиологические особенности студентов, разная степень мотивации и проч.

В современной образовательной среде преподаватель обязан учитывать не только интеллектуальные, но психологические и физиологические особенности студента.

Принимая во внимание индивидуальные способности к восприятию информации, преподаватель должен попытаться выстроить занятие так, чтобы задействовать всех студентов в группе, важно мотивировать каждого студента к получению, переосмыслению и усвоению учебного материала.

Метод проектов, применяемый нами на занятиях со студентами-психологами, заключается в том, что после изучения определенной темы («Почему люди лгут», «Проблема отцов и детей», «Как распознать депрессию» и др.), студенты готовят и защищают на иностранном языке собственные проекты по данной теме, а точнее отдельные аспекты в рамках этой темы.

Проект — это результат самостоятельной исследовательской работы студентов с обязательной презентацией на иностранном языке. При этом каждый студент получает возможность проявить свои творческие способности. Наш опыт показывает, что студенты с энтузиазмом работают над каждым проектом, так как правильно распределенные роли гарантируют успешное выполнение заданий, разработанных преподавателем с учетом типа личности каждого студента.

Преподаватель выступает в роли координатора. Студенты ищут необходимый материал в интернете, снимают видео или подбирают иллюстрации, звуковое сопровождение и т.д. В результате каждый студент, работающий над проектом, достигает определенной цели, что неизбежно повышает его мотивацию к дальнейшему обучению.

Необходимо отметить, что в нашей практике не было случая провального проекта. Все студенты принимают активное участие, охотно выражают свое мнение, делятся

опытом, учатся критически оценивать работу каждого, кто работал над проектом, но самое главное то, что вся дискуссия проходит только на иностранном языке.

Мы подчеркиваем, что работа с проектами позволяет каждому студенту расширить активный и пассивный словарный запас, учит их творчески подходить к выполнению домашнего задания, добиваться успеха, чувствовать себя частью группы, полноправным членом одной команды. Это помогает студентам преодолеть страх выступления перед публикой, что особенно необходимо так называемым слабым студентам для дальнейшей мотивации.

Каждый педагог должен помнить, что максимально раскрыть и реализовать потенциальные способности студента при обучении иностранному языку представляется возможным только при учете его психологических, физиологических, интеллектуальных особенностей [1]. Каждое занятие — это творчество, а подготовка к нему — всегда мозговой штурм, «ориентированный четко на реальный практический результат, значимый для каждого студента, участвовавшего в разработке проекта» [2].

Литература

[1] Кривошлыкова Л.В., Пушкина А.В. Психологические основы современной методики обучения английскому языку. Вестник РУДН, Сер. «Вопросы образования: языки и специальность», 2011 №2, Изд-во РУДН, 2011. С.68-73.

[2] Михеева Н.Ф. Методика преподавания иностранных языков: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2010. 73 с.

Куприянова А.М., Шкинева М.А.
(Россия, Москва)
**Особенности обучения устному переводу
видеофильмов и выбор материала**

Перевод видеофильмов (как художественных, так и документальных) относится к одному из самых сложных видов устного синхронного перевода и представляет массу «подводных камней», особенно для начинающего переводчика. Актеры не говорят «под перевод», хотя, как показывает практика, даже ораторы, знающие, что их речь переводится синхронно, очень часто наслаждаясь своим подготовленным выступлением, совершенно не думают о переводчике. Быстрый темп, разнообразные регистры речи, жаргонные и сленговые выражения, реплики, накладывающиеся друг на друга, посторонние отвлекающие звуки, музыка — вполне можно понять студентов, которые очень скептически относятся к своим возможностям перевести хотя бы небольшой эпизод фильма. Многие студенты сразу отказываются даже попробовать, настолько силен страх не справиться с этим заданием. Но как показывает опыт, этот страх можно и нужно преодолевать. Как и любому навыку, переводу фильмов нужно учить не в теории, а на практике. Если исходить из того, что в реальной жизни невозможно предсказать, что именно придется переводить, для обучения гипотетически можно брать любые фильмы. Однако, мы исходим из того принципа, что первый опыт настолько важен для успеха обучения, что не стоит брать такой материал, который студенты заведомо не переведут, а лишь приобретут комплекс неполноценности, который очень сложно будет убрать впоследствии. Завышенная сложность материала (и это касается не только устного перевода) может полностью отбить желание заниматься переводом фильмов, а также устным переводом в целом. Ситуация «неуспеха» несколько не подталкивает студентов к преодолению

трудностей. К тому же, не секрет, что легче всего устный перевод дается студенту (да и вообще профессиональному переводчику) тогда, когда переводить не надо, то есть переводит кто-то другой, именно тогда мысленно подбираются прекрасные, адекватные варианты перевода. Когда же подходит твоя очередь, все навыки куда-то исчезают. Преподавателю лучше предупредить студентов об этой особенности заранее, таким образом сняв с них излишнюю неловкость и зажатость.

Учитывая все вышесказанное, на начальном этапе обучения устному переводу фильмов, целесообразно отдавать предпочтение видеоматериалам любых учебных курсов, чтобы студенты сначала привыкли к необходимости смотреть на экран, следить за действием и одновременно переводить.

Необходимо отметить, что обучение устному переводу на материале видеофильмов является прекрасным методическим приемом, который очень нравится студентам и способствует приобретению и закреплению устойчивых навыков.

Курчаткина Г.П.
(Россия, Москва)

Проектная работа как один из приоритетных элементов обучения иностранному языку в неязыковых вузах

В современном мире владение иностранным языком (одним или несколькими) все больше и больше приобретает характер универсальной профессиональной компетенции, поэтому иностранный язык является обязательной дисциплиной в российских образовательных учреждениях высшей школы.

Существуют два основных фактора, которые заставляют рассматривать вопрос обучения иностранному языку в неязыковом вузе как особую методическую задачу. Одним из

них является временной фактор: например, согласно программе учебной дисциплины «Английский язык» в МГТУ им. Н.Э. Баумана, всего на обучение отводится 408 часов, из них 50% предполагают практические занятия и 50% самостоятельную работу. Второй фактор — разный уровень довузовской языковой подготовки. Однако цели и задачи дисциплины мало отличаются от тех, которые ставятся перед преподавателями в языковых вузах, более того, в неязыковых вузах обучение иностранному языку всегда подразумевает интеграцию с основной специальностью студента, то есть профессионально-ориентированное изучение иностранного языка.

Как уже отмечено выше, самостоятельная работа — это элемент подготовки, изначально заложенный в учебную программу, причем для неязыковых вузов самостоятельная работа представляет собой один из приоритетных элементов обучения.

Самостоятельная работа сочетает аудиторную и внеаудиторную работу и позволяет до некоторой степени нивелировать недостаток аудиторных часов за счет увеличения объемов индивидуальной работы.

Для самостоятельной работы в неязыковом вузе подходят самые различные методики обучения — от классического обучения чтению текстов по широкой и узкой специальности до более современного когнитивно-коммуникативного подхода. В рамках аудиторной работы можно и нужно использовать обсуждение актуальных проблем по специальности, ролевые игры с имитацией делового и профессионального общения.

Проектная работа сочетает внеаудиторную и аудиторную разновидности самостоятельной работы, поскольку на первом этапе предполагает самостоятельное ознакомление студента с проблемой, поиск материала по проблеме, его осмысление на иностранном языке и создание доклада по теме, а на втором этапе — презентацию своей

работы, в зависимости от формы также включающую общение с аудиторией, вопросо-ответный комплекс. Опыт показывает, что именно проектная работа дает студентам наибольшие возможности для самораскрытия, для познания с использованием иностранного языка.

Формы проектной работы могут быть разными, например, чисто письменными, предполагающими написание работы практического характера с описанием проблемы и существующих путей ее решения (доклад или эссе) или сочетающими письменную и устную формы (устный и письменный доклад), а также устную и аудиовизуальную формы (устная презентация с сопровождающим визуальным рядом).

Посредством проектной работы можно добиться повышения мотивации студентов, осознания студентами сущности самостоятельной работы (поскольку проектная работа предполагает наличие цели и конкретного задания, четкое определение формы выражения результата самостоятельной работы, определение формы проверки ее результата и т.д.) [1]. Проектная работа предполагает получение языковых навыков и освоения языковых компетенций параллельно с получением новых знаний, сведений о конкретной проблеме.

Задача преподавателя заключается в определении целей, объемов и форм проектной работы с учетом уровня подготовленности студентов и других факторов, организация этой работы и контроль результатов.

Практика применения такого вида самостоятельной работы при обучении английскому языку в МГТУ имени Баумана показывает необходимость дальнейшей работы в этом направлении.

Литература

[1] Горбатова Т. Н., Кудряшова А. В., Рыбушкина С. В. Самостоятельная работа студентов в процессе обучения

иностранному языку в условиях неязыкового вуза // Молодой ученый. 2015. №10. С. 1141–1143.

[2] Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей [Текст] / Н. Ф. Коряковцева. М.: АРКТИ, 2002. 176 с.

[3] Курчаткина Г.П., Курчаткина О.А. Некоторые аспекты обучения иностранному языку в неязыковом вузе// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–3. С. 116–119.

Manso Vergara J.
(España, Madrid)
La «risolingüística»

«¿Mi pasatiempo favorito? ¡La risa!»
(Dalai Lama)

¿Qué es lo que se quiere conseguir con el presente artículo?

Uno de los grandes problemas a los que se enfrenta un docente, sobre todo cuando se ejerce la docencia lingüística en el extranjero, es idear una fórmula mediante la que pueda realizar su labor educacional respetando la idiosincrasia y cultura del país pero, a su vez, ideando métodos de enseñanza que tengan como objetivo el conseguir un mayor y más efectivo aprendizaje entre sus alumnos. A partir de esta problemática, el presente trabajo tiene como fin proponer un grupo de sugerencias que contribuyan a la mejoría de la práctica docente y al contraste de las mismas, tanto entre colegas como en la prueba empírica dada por el ejercicio en las aulas.

¿Cómo conseguirlo? A través de la motivación. **¿Cómo motivar al estudiante?** Encontrando la situación en la que se sienta más cómodo y relajado. **¿En qué situación se siente más cómodo y relajado?** En la que no exista tensión. **¿Cómo distender una situación?** A través de la empatía humorística.

¿Cómo realizar esa empatía humorística? Lo explicaré más adelante.

A) ¿Cómo podemos definir el humor?

Humor o humorismo (del latín: humor, -ōris) es definido como el modo de presentar, enjuiciar o comentar la realidad, resaltando el lado cómico, risueño o ridículo de las cosas. Podemos diferenciar, desde el punto de vista psicológico y su aplicación a la ciencia de la lingüística, dos tipos de humor:

1. El humor negativo u hostil, tal como la ironía, el sarcasmo o la burla, que genera malestar en la persona que lo recibe, ya que lo que busca es provocar la risa a costa de los demás. Personas negativas. Impedir su uso en el aula.

2. El humor positivo, o también llamado constructivo, nos ayuda a tomar distancia de los problemas, a relativizarlos, a cuestionarnos la rigidez de algunas reglas y a ser más proactivos. Personas positivas. Este es el humor que debemos utilizar promoviéndolo en la enseñanza.

B) Beneficios de la utilización del humor como herramienta pedagógica.

1. Disminuye el nivel de estrés dado que hacer uso del sentido del humor, éste nos permite afrontar y controlar las situaciones de estrés que, en ciertas ocasiones, se causan en el aula.

2. Mejora nuestra motivación y comunicación y éstas son nuestro motor de acción promovido e impulsado por la risa. 3. Estimula la creatividad y el aprendizaje porque nos ayuda a recordar el lado positivo y crear recuerdos agradables de la educación. 4. Eleva el estado de ánimo al fomentar las emociones positivas contrarrestando los estados ánimo negativos. 5. Aumenta la autoestima y hace más creativas a las personas. 6. Ayuda a crear pautas mentales.

Resumen: Cuando nos disponemos a afrontar una situación que es divertida estamos más motivados. Igualmente, cuando nos encontramos en un ambiente con energía positiva, nos comunicamos de manera más eficaz y estamos más predispuestos a recibir información.

C) ¿Cómo aplicar la «risolingüística»?

El término «risolingüística», como todos sabemos, es una palabra inventada que une con mayor o menor fortuna las palabras «risa» y lingüística. Para aplicar correctamente la «risolingüística», debemos:

1. Conocer la cultura e idiosincrasia de dónde estamos impartiendo la enseñanza. La cultura, usos, modismos, tradiciones, costumbres y tabúes del País. La función del profesor, que no del educador—dado que no son la misma figura—, es enseñar. Para ello, sería conveniente saber qué se puede hacer y qué no y cuáles temas es mejor no traer a colación.

2. Crear un buen ambiente de trabajo en el aula y fuera de ella. Un espacio de estudio presencial al que se pueda acudir, tanto por parte del profesor como de los alumnos, en el que exista una actitud positiva es un lugar al que todos los agentes de la educación acudirán con ganas; no lo verán como un aula a la antigua usanza de severidad, falta de libertad comunicativa o simplemente como un lugar de enseñanza tedioso, aburrido y carente de creatividad. Si en este espacio físico se realizan acciones que permitan aprender, a la vez que todos se divierten a través el humor, serán siempre más altas las ganas de participar en dicha situación educacional.

3. Refuerzo y motivación positivos. El refuerzo positivo, premiar una buena acción, es siempre más favorable para la educación que el refuerzo negativo o castigo por una mala acción. Cuando nos reímos, la risa por sí misma es un refuerzo positivo.

Martínez Álvarez N.
(España, Cádiz)

Análisis de la importancia de la Comunicación no verbal en los procesos de enseñanza y aprendizaje de una lengua extranjera: el gesto como rasgo cultural y comunicativo

Una de las características que define a la especie humana es que es un ser social, por lo tanto necesita comunicarse con sus iguales. Recibimos y transmitimos la información dentro de unas normas de comunicación para facilitar la convivencia en la sociedad.

Tradicionalmente, ligamos la comunicación con la perspectiva oral, pero también hay otro elemento que se integra en el intercambio de información y no es menos importante: la Comunicación no verbal (CNV).

Podemos observar la definición que el Diccionario de la Real Academia española (DRAE) nos da sobre qué es *Comunicación*:

- «1. f. Acción y efecto de comunicar o comunicarse.
2. f. Trato, correspondencia entre dos o más personas.
3. f. Transmisión de señales mediante un código común al emisor y al receptor.»

Según esta definición, la comunicación no refleja exclusivamente un uso de los componentes lingüísticos, sino que la trata como una transmisión de información a través de un conjunto de signos no verbales que acompañan la comunicación verbal y la complementa: el paralenguaje, la proxémica y la kinésica.

Centrándonos en este último, la kinésica como la disciplina que estudia los gestos y los movimientos corporales, podemos decir que un proceso comunicativo para que adquiera un sentido significativo debe apoyarse en palabras y gestos. Pero los gestos, ¿tienen un carácter universal o son culturales?

Birchwhistell, especialista en kinesis, establece que no hay gestos universales, es decir, no existe una expresión facial, una

actitud o una postura corporal que transmita el mismo significado en todas las sociedades [1]. Por lo tanto podemos establecer que el gesto gana un significado cultural propio de cada comunidad lingüística.

Por ello cuando un estudiante está inmerso en un proceso de aprendizaje de una lengua y cultura extranjera, no solo debe saber usar los recursos lingüísticos para establecer una comunicación efectiva y significativa, sino que debe apoyarse también en elementos no verbales, como por ejemplo en gestos, que enriquezcan la comunicación con un nativo, para así desarrollar una competencia intercultural.

Este aprendizaje puede verse reflejado gracias a la integración de aspectos sociales, pragmáticos y culturales dentro las programaciones docentes de la enseñanza de lenguas extranjeras, que supuso una realidad desde el año 2001, fecha de la publicación del Marco común europeo de referencia para las lenguas. Este hecho supone un enriquecimiento de índole cultural para el estudiante que será capaz de relacionar su propia cultura con la extranjera lo que llevará a un proceso de aprendizaje significativo: el alumno adquiere la tan perseguida competencia intercultural. Como sostiene F. Poyatos:

[...] pues nuestro hablante-actor extranjero deberá conocer el alcance semántico de palabras, gestos, posturas y actitudes como signos culturales de valor simbólico [5].

Tomando también como referencia el Plan curricular del Instituto Cervantes (PCIC), documento que describe el español como lengua extranjera y su correcta enseñanza, podemos ver que defiende, a raíz de las exposiciones del MCER, que la *competencia comunicativa* que adquieran los alumnos tiene que trascender de lo meramente lingüístico y del intercambio de información, para integrar la comprensión y aceptación sociocultural de la comunidad a la que accede el alumno. Por lo tanto, se desarrolla una *competencia intercultural* por parte del aprendiente, el cual es capaz de ver más allá de su propia cultura y puede adaptarse y

desenvolverse con habilidad en situaciones que requiera comunicación e interacción con los individuos locales de la comunidad.

Llegados a este punto, podemos confirmar que: dadas las diferencias culturales entre la comunidad lingüística del estudiante y las de la lengua que desea aprender como extranjera, en nuestro caso el español, existe una necesidad de enseñar los gestos en una clase de idioma extranjero, como elemento comunicativo y cultural, para facilitar la integración social y cultural del discente mediante la comunicación, así como evitar posibles malentendidos culturales en sus interacciones comunicativas con hablantes nativos.

Bibliografía

[1] Birdwhistell, R. L. (1952). Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture. Washington, DC: Department of State, Foreign Service Institute.

[2] Consejo de Europa (2001): Marco común europeo de referencia para las lenguas: aprendizaje, enseñanza, evaluación, publicado en Internet por el Instituto Cervantes: [<http://cvc.cervantes.es/obref/marco/presentacion.htm>].

[3] Diccionario de la Real Academia española. 23° Edición, 2014.

[4] Instituto Cervantes (2006). Plan curricular del Instituto Cervantes. Niveles de referencia para el español. Madrid: Instituto Cervantes Biblioteca nueva.

[5] Poyatos, F. (1968). Paralingüística y Kinésica: para una teoría del sistema comunicativo en el hablante español. Actas del III Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Centro Virtual Cervantes.

[6] <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>

Медведева К.О.

(Россия, Москва)

**Обучение иноязычной межкультурной коммуникации
студентов младших курсов лингвистических
специальностей с помощью метода проектов**

Язык выступает средством формирования и формулирования мысли. Для того, чтобы сформировать иноязычную компетенцию у студентов младших курсов лингвистических специальностей, нужно предоставить обучающимся возможность решать профессиональные проблемы, обсуждать их, искать решения, рассуждать о проблемах на иностранном языке, то есть создать условия для того, чтобы обучаемые формировали мысль на иностранном языке. Для этого недостаточно использовать на занятиях речевые или условно-речевые упражнения. Для того, чтобы учащиеся использовали язык именно как средство межкультурного общения и получения знаний и информации, в том числе и профессиональной, нужно перенести акцент с выполнения упражнений различного вида на создания условий для активной мыслительной деятельности обучаемых. Именно поэтому является необходимым использование метода проектов для обучения иноязычной коммуникации студентов.

Метод проектов дает возможность решения этой дидактической задачи в полном объеме и обсуждения на занятиях по иностранному языку практически значимых и профессионально важных для студентов проблем.

Метод проектов направлен на практико-ориентированное обучение иноязычной коммуникации. Востребованность применения подобной модели объясняется тем, что не во всех профилях обучения неязыковым специальностям удастся сформировать иноязычную компетенцию в той мере, что позволяет выпускникам вести профессиональное общение на иностранном языке, в полной

мере внедрить и актуализировать теоретические знания на практике, полученные в процессе лекционных и семинарских занятий.

В результате существующей системы обучения в вузе сложилась ситуация, когда специалисты, достаточно хорошо владеющие иностранным языком, испытывают большие затруднения в применении теоретических знаний в профессиональном общении, в выборе правильного модуля поведения, как вербального, так и невербального. Это связано с тем, что у выпускников не сформировано поликультурное мировоззрение и личностные поведенческие качества, необходимые для эффективного общения в межкультурной среде. Таким образом, сложились противоречия между:

- потребностью в специалистах, способных осуществлять деятельность на международном уровне посредством иностранного языка и отсутствием чётко функционирующей дидактической системы их подготовки;

- быстрым устареванием вузовской подготовки и необходимостью формировать и актуализировать сегодня те потребности, знания, навыки, умения, типы поведения, которые будут особенно востребованы в будущем.

Одним из таких эффективных способов обучения иноязычной коммуникации студентов младших курсов нелингвистических специальностей является метод проектов в системе высшего образования, в условиях его обновления и в свете новых социальных требований к формированию личности с широким спектром межкультурных знаний и высоким уровнем иноязычной компетенции.

Петрова М.Г.

(Россия, Якутск)

**Ценностные ориентации иноязычного образования
в национально-региональном аспекте**

Вступление Российской Федерации на путь инновационного экономического развития повлекло за собой переориентацию системы непрерывного образования на новые учебные планы и программы, обеспечивающими реализацию целей и задач, выдвинутых новыми федеральными государственными образовательными стандартами. Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации, на период до 2020 года [1] страна испытывает потребность в образованных, воспитанных, социально активных личностях, понимающих ответственность за будущее страны, а, следовательно, осознающих необходимость овладевать новыми знаниями, перенимать опыт старших поколений, и укреплять его собственными достижениями.

В процессе становления демократического, гражданского общества значительно возрастает молодежная учебная миграция. Исследования, проведенные Центром миграционных исследований [3], свидетельствуют о том, что около двух третей выпускников школ малых российских городов готовы покинуть «малую родину» для продолжения обучения в больших городах. Поэтому, как отмечают исследователи, перспектива развития малых городов при существующих масштабах и тенденциях миграции представляется проблематичной. Это не просто отток населения, а отток молодого населения в более привлекательные в экономическом отношении районы. Это требует от родителей будущих абитуриентов значительных затрат на дополнительное образование, для того, чтобы молодые люди могли поступить в желаемые учебные заведения и ориентироваться в пространстве большого

города. Подвижность молодежи растет. География поездок очень обширна и охватывает не только российские регионы, но и страны СНГ и зарубежные страны. Немало студентов вузов выезжают за рубеж, чтобы там продолжить образование, а в дальнейшем получить место работы.

Одним из аспектов как внутренней, так и внешней миграции выступает проблема нетерпимости к мигрантам.

Среди причин, вызывающих негативное отношение, являются незнание языка, традиций, норм и правил личностной, деловой и профессиональной этики, законодательных основ чужого государства, претензии на социальную поддержку. Опасения в возможном появлении угроз традиционному образу жизни коренного населения вытекают во враждебный настрой в отношении приезжих, особенно при наличии различий в национальной, религиозной, культурной и социальной принадлежности. Чаще всего такого рода опасения перерастают в стереотипы, используемые местным населением, властями и СМИ для роста мигрантофобии, в том числе, на этнической почве. В этой связи важным шагом регионального правительства, общественных организаций является проведение в жизнь языковой и культурной политики, актуальной для современного исторического этапа развития общества. Неоспорим тот факт, что под влиянием миграционных и интеграционных процессов общество становится поликультурным и полилингвальным, а в основе такого общества должен быть диалог культур. Это означает взаимопонимание, взаимное признание, взаимообогащение.

Молодежь — это будущее страны. От того, какой она будет, зависит многое в развитии отдельно взятого региона. Так, в Республике Саха (Якутия) предпринимаются серьезные меры и достаточно глубоко продуманные действия по проведению в жизнь языковой и культурной политики, которая находит отражение во всех нормативно-правовых документах правительства и местных органов власти [2].

Было бы неверным утверждать то, что в Республике Саха (Якутия) встают и не решаются межэтнические конфликты и проблемы мигрантофобии, но для их предотвращения действуют законы и постановления, касающиеся возрождения и развития с новой силой обычаев, образа и стиля жизни коренных народов, в том числе народов Арктики и северных регионов Республики Саха (Якутия), предоставления возможности изучать свою историю и культуру на родном языке. Открывшиеся международные связи и сотрудничества ученых республики с научным миром стран СНГ и Дальнего Зарубежья, сотрудничество в области образования и культуры поставили задачи улучшения качества и условий обучения/преподавания иностранных языков и культур других народов. При этом речь идет не только о знании международных языков общения, но и о становлении гражданина мира, патриота своей республики, интернационалиста, открытого для межкультурной коммуникации; воспитании творческой, мобильной и уверенной в себе личности, духовно — нравственной, интеллигентной, способной ориентироваться в европейском пространстве, находить и поддерживать контакты, распространять знания о своей стране.

В Республике Саха (Якутия) как субъекте Российской Федерации языковая политика является составной частью государственной политики и направлена на развитие и взаимодействие языков во всех сферах жизни общества. В целях выработки концептуальных подходов к сохранению, изучению и развитию родных языков и культур в течение последних лет в республике проводится ряд крупномасштабных всероссийских, международных мероприятий с участием Бюро ЮНЕСКО в Москве, Совета Европы, федеральных министерств и ведомств. Все эти инициативы способствуют соизучению языков и культур: якутского, русского, языков коренных народов, включая языки малочисленных народов Арктики и Северных регионов

Якутии, а также иностранных языков, обеспечивающих возможность международного общения и межкультурной коммуникации. Создание научно обоснованных государственных программ изучения государственных и официальных языков в республике, явилось прямым руководством к действию по реализации задач языковой политики в республике [4, 5].

Языковое образование не рассматривается вне культуры республики. В Республике Саха (Якутия) создаются условия для возрождения, сохранения сложившихся на территории республики исторических традиций, народного творчества, национальных праздников, традиционных промыслов, ремесел, архитектурных форм национального градостроения, декоративно-прикладного искусства, гарантирует равенство прав всех народов в создании, сохранении, распространении и освоении культурных ценностей.

Учитывая то, что Республика Саха (Якутия) активно подключается к международным проектам в области образования и культуры, встает вопрос о расширении возможностей изучения не только европейских языков, но и языков народов стран, граничащих с регионом: корейского, китайского.

В документах Совета Европы концепция многоязычия является определяющей в подходе к изучению языков. Многоязычие при этом понимается не как многообразие языков, которое надо понимать как знание нескольких языков или существующих нескольких языков в данном сообществе; многоязычие предполагает расширение в культурном аспекте языкового опыта индивидуума от языка, употребляемого в семье, до языка, употребляемого в обществе, и до овладения языками других народов [4]. Очевидным становится необходимость создания инновационной стратегии иноязычного образования, опирающейся на историко-педагогический опыт изучения иностранных языков в республике, отвечающей духу времени, потребностям

молодого поколения в общении, контактах с зарубежными сверстниками для лучшего познания социокультурного портрета других стран в целях образовательного и культурного туризма, участия в международных молодежных проектах и программах.

В этой связи, актуальными являются задачи научно-методической разработки основ иноязычного образования с учетом историко-педагогического опыта и национальных особенностей развития Республики Саха (Якутия).

Литература

[1] Закон Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 года №1335-IV «О культуре».

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. # 1662 р.

[3] РОО «Центр миграционных исследований» Миграция в зеркале стран СНГ (молодежный ракурс). М, 2008. С.12-14 (275с.)

[4] Государственная программа Республики Саха (Якутия): «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012 — 2016 годы», утвержденная Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12.10.2011 года N 962.

[5] Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012 — 2016 годы», утвержденная Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12.10.2011 года № 968.

Петрова М.Г.

(Россия, Якутск)

Личностно-ориентированная технология телеконкурса

Создание национальной инновационной системы образования предполагает внедрение в образовательный процесс инновационных технологий, способствующих

выявлению, раскрытию таланта, его дальнейшему развитию в той сфере деятельности, к которой студенты проявляют большой интерес.

Одной из таких технологий является технология телеконкурса, имеющей неопределимую значимость для активной молодежи, расположенной к режиссерскому и театральному искусству, охотно участвующей в художественной самодеятельности, увлекающейся песенным и танцевальным творчеством. Технология телеконкурса представляет собой синтез всей типологии проектов, представленной в научных трудах Е.С. Полат [4]. Следовательно, телеконкурс как инновационная технология, может пониматься следующим образом:

1. Телеконкурс — исследовательский проект. Телерубрики в телеконкурсе характеризуются хорошо продуманной структурой, обозначением целей, обоснованной актуальностью предмета исследования для всех участников. Они имеют структуру, приближенную к подлинно научному исследованию или полностью совпадающую с ним. Подобные проекты соответствуют уровню языковой подготовки школьников определенного этапа обучения.

2. Телеконкурс — творческий проект, предполагающий соответствующее оформление результатов. Оформление результатов требует четко продуманной структуры (видеофильм, репортаж, дизайн определенной рубрики, альбом и т.д.).

3. Телеконкурс — ролево-игровой проект, в котором структура намечается, но остается открытой до окончания проекта. Участники определенных телерубрик в телеконкурсе принимают на себя определенные роли, которые обусловлены характером и содержанием проекта. Роли могут быть от литературных и сказочных персонажей до деловых людей нашего времени. Степень творчества в подобных проектах достаточно высокая, но основным видом деятельности все-таки является ролево-игровая.

4. Телеконкурс — информационный проект, который направлен на сбор информации о каком-то событии или явлении. Участники телепроекта собирают эту информацию с целью ознакомления с ней широкой аудиторией. Требуется хорошо продуманная структура, постоянная корректировка по ходу работы. Такие проекты часто интегрируются в исследовательские проекты и становятся их определенной частью, модулем.

5. Телеконкурс — практико-ориентировочный проект, имеющий четко обозначенный результат деятельности участников, который обязательно ориентирован на социальные интересы всех участников проекта. Например, на телерубрике конкурсанты обсуждают создание какого-либо законопроекта, вносят поправки в конвенцию по правам тинейджеров, издают свод законов о поощрениях и наказаниях в школе (в прямом эфире), делают макет Якутии в третьем тысячелетии и т.д. Такой телепроект требует определенного сценария с четко распределенными обязанностями всех членов группы. Работа должна выполняться поэтапно с обсуждением по заранее разработанному плану с обсуждением и устранением.

По признаку предметно-содержательной области проекта телеконкурс выполняет функцию межпредметного проекта, так как предполагает ведение нескольких телерубрик с различной тематикой. Это могут быть небольшие телепроекты, но могут быть и объемные, продолжительные, выходящие за пределы учебного времени. Например, проекты на тему «Язык. Культура. Общество» или «Арктические регионы Якутии» и др. Здесь работают несколько творческих групп, чья работа должна быть достаточно хорошо продуманной. Тема может обсуждаться в течение нескольких телерубрик телеконкурса. При выполнении таких телепроектов необходим промежуточный контроль результатов.

Таким образом, активизация проектной деятельности в телеконкурсе на всех этапах обучения иностранному языку способствует формированию навыков самостоятельной работы, способствует осуществлению процесса интеграции с другими областями знаний, что расширяет лингвокультуроведческий кругозор студентов, формирует навыки работы с аутентичным материалом, мультимедийными средствами, учит отбирать материал, выстраивать логические взаимосвязи, делать выводы. Телеконкурсы играют значительную роль в процессе социализации, помогают раскрытию творческого потенциала личности, содействуют приобретению практического опыта публичных выступлений, позволяют использовать иностранный язык для открытия и познания разных сфер человеческой деятельности, способствуют приобретению навыков решать проблемные задания, анализировать материал, сравнивать, делать обобщения, проводить коррекцию, отстаивать свое понимание проблемы и ее разрешения.

Литература:

[1] Указ от 12 октября 2011 года N 973 «О государственной Программе Республики Саха (Якутия) «Развитие образования Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы».

[2] Зарецкая И.И. Интеграция основного и дополнительного образования как одно из условий преодоления барьеров социализации личности / И.И. Зарецкая // Методист. 2013. №6. С. 4–6.

[3] Полат Е.С. Обучение в сотрудничестве// Иностр. языки в школе. 2000. 1. С. 4–11.

[4] Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие. М., 2001.

Полякова Д.Р.

(Россия, Москва)

**Обучение взрослых иностранному (немецкому) языку
в сфере менеджмента**

Известно, что наука об обучении взрослых называется андрагогикой. Основные положения данной науки были сформулированы знаменитым американским ученым Н.Ш. Ноулз в его фундаментальном труде «Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики». В нашей стране разработкой понятийного аппарата, основных принципов и приемов андрагогики занимались такие ученые, как С.И. Змеёв, С.Г. Вершловский, Ю.Н. Кулюткин, М.Т. Громкова, В.И. Подобед, Д.М. Савичевич, Л.Н. Лесохина и другие.

Известный отечественный ученый в области андрагогики С.И. Змеёв выделяет следующие основополагающие характеристики, отличающие «взрослого» обучающегося от «невзрослого»:

1) он осознает себя самостоятельной, самоуправляемой личностью;

2) он накапливает все больший запас жизненного (бытового, профессионального, социального) опыта, который становится важным источником обучения его самого и коллег;

3) его готовность к обучению (мотивация) определяется его стремлением при помощи учебной деятельности решить свои жизненно важные проблемы и достичь конкретных целей;

4) он стремится к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков, личностных качеств и ценностных ориентаций;

5) его учебная деятельность в значительной мере обусловлена временными, пространственными, бытовыми,

профессиональными, социальными факторами (условиями) [2].

Данные характеристики взрослых обучающихся являются основными при выборе методов, форм и средств обучения.

В рамках корпоративного обучения иностранному языку главной целью выступает формирование коммуникативной компетенции, необходимой для осуществления успешного иноязычного общения.

Учитывая цели, особенности корпоративного обучения, характеристики взрослых обучающихся, эффективным представляется использование в рамках обучения иностранному языку метода кейс-стади.

Метод кейс-стади (метод проблемных ситуаций) впервые был разработан и применен в 1924 году американскими учеными во главе с Х.К. Лэнгделл для осуществления бизнес-обучения в Гарвардской бизнес-школе. Главной отличительной особенностью этого метода является создание проблемной ситуации на основе фактов реальной жизни. В настоящее время данный метод активно используется в нашей стране при обучении иностранному языку.

Метод кейс-стади уже на протяжении года применяется в рамках корпоративного обучения немецкому языку в торговой компании ГИПЕРГЛОБУС (сеть немецких гипермаркетов ГЛОБУС). Учащимися выступают менеджеры различных направлений (закупок, продаж, маркетинга и т.д.). Соответственно, тематика кейсов определяется профессиональной направленностью обучающихся.

Практика применения метода кейсов при изучении немецкого языка показывает, что решение проблемных ситуаций способствует:

1) формированию коммуникативной компетенции в ходе обсуждения проблемной ситуации;

2) формированию мотивации к изучению иностранного языка, т.к. кейсы соответствуют профессиональной направленности обучающихся;

3) безотлагательному практическому закреплению приобретенных навыков, т.к. все полученные знания могут быть незамедлительно применены в работе;

5) преодолению языкового барьера, укреплению самостоятельности обучающихся, т.к. в ходе решения кейса им приходится самостоятельно принимать решения и делать выводы.

Таким образом, метод кейс-стади отвечает главной цели корпоративного обучения и учитывает особенности взрослых обучающихся, являясь при этом достаточно эффективным методом обучения иностранному языку.

Литература

[1] Андюсев Б.Е. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей// Директор школы, 2010, №4. С. 61–69.

[2] Змеёв С.И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. М.: Perse. 2007.

Пронченко Е.Н., Бодоньи М.А.

(Россия, Пятигорск)

Лингвистическая терминология как средство формирования профессиональной компетенции студентов-лингвистов

Профессиональная подготовка в вузе предполагает освоение терминосистем области знаний будущей профессиональной деятельности обучаемых. Лингвистическое направление ВПО связано с объективными трудностями формирования иноязычной терминологической компетенции студентов. Данный процесс должен иметь место уже на начальном этапе обучения в вузе, так как освоение лингвистических терминов обеспечивает формирование и

развитие профессиональных компетенций обучаемых. Мы считаем целесообразным уже на первом курсе предусмотреть специальные учебные материалы как средство освоения лингвистических терминов испанского языка. Владение терминами становится фактором активного участия студентов в лекционных и семинарских занятиях, читаемых на иностранных языках. Также рассматриваемый нами подход к обучению терминам позволяет осуществлять подготовку бакалавров по направлению «Лингвистика» к научно-исследовательской деятельности.

Языковая подготовка студентов на младших курсах, как правило, затрагивает бытовые и учебные сферы коммуникации. Однако, мы полагаем, что первичное ознакомление с профессиональной сферой на основе освоения лингвистических терминов должно иметь место на начальном этапе, что соотносится с формированием следующей профессиональной компетенции, указанной в ФГОС ВПО и предполагающей умение использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач.

Необходимость ознакомления студентов младших курсов с лингвистическими терминами очевидна, вместе с этим возникает проблема отбора терминов и их методической обработки. При подготовке учебных материалов мы осуществили отбор на основе следующих критериев. Прежде всего, это частотность употребления терминов в учебном процессе. Для данного критерия мы проанализировали дидактические единицы учебных курсов и выявили наиболее частотные понятия.

В ходе отбора мы использовали критерий доступности, который позволил нам отнести в группу изучаемых терминов только те терминологические единицы, которые будут доступны и понятны студентам без углубления в теоретические аспекты. Кроме того, мы учитывали и тот факт,

что овладение указанными терминами будет способствовать изучению обязательного материала для усвоения в ходе практического курса испанского языка и вносить элемент научности, например, в объяснение грамматических категорий или фонетических особенностей.

Отобранные термины были распределены по следующим группам: *nociones generales de lingüística*; *términos de lexicología*; *términos de lexicografía*; *términos de fraseología*; *términos de fonética y fonología*; *términos de morfémica y formación de palabras*; *términos de gramática*; *términos de morfología y sintaxis*.

В каждой группе были выделены порядка 10-15 терминов, которые были представлены как дефиниционно на испанском языке, так и сопровождались объяснением и примерами на русском. Таким образом, отбор терминологических единиц стал основой для создания понятийной базы для студентов-лингвистов и способствовал их активному участию в учебном процессе.

В дальнейшем в ходе разработки учебных материалов для студентов мы подготовили задания, направленные на запоминание данных терминов и активизацию их употребления в речи. Нужно отметить, что мы стремились придать заданиям коммуникативный характер, что определяется, прежде всего, условиями использования подготовленных материалов и целесообразностью практико-ориентированного подхода к освоению терминосистем на начальном этапе обучения.

Следует отметить, что приемы работы над терминами варьировались в зависимости от тематических групп. Задания для освоения терминов разграничивались в соответствии с языковой направленностью упражнений и речевой, которая предполагала задания коммуникативного типа. Первая группа упражнений направлена на осознание значения термина, а также выявления его синтагматических и парадигматических характеристик. Данные упражнения носят традиционный

характер, например, соотнести термин и его описание, соотнести термин и языковые примеры, дополнить описание термина, составить описание термина на основе предложенных опор.

Вторая группа заданий носила творческий характер и предполагала в определенной степени моделирование будущей профессиональной деятельности лингвистов, а также создание условий для положительной мотивации.

Таким образом, в заключение данной статьи отметим, что в процессе подготовки лингвистов уже с первого курса важно учитывать их профессиональную направленность. Учет особенностей будущей деятельности обеспечивает более эффективное формирование профессиональной компетенции, а освоение лингвистических терминосистем является одним из средств для достижения поставленной цели.

Литература

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки Лингвистика (квалификация (степень) «Бакалавр») Зарегистрировано в Минюсте РФ 4 августа 2010 г. N 18067. — Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/prm541-1.pdf

[2] Романова Г. С. К вопросу о терминах в испанском языке // Вестник МГИМО. 2010. №2. С.239–246.

Рубина Н.Б.

(Россия, Москва)

К вопросу о развитии языковой догадки студентов в процессе чтения аутентичных текстов

При расширении межъязыковых контактов в современном мире роль чтения как актуального вида речевой деятельности не вызывает сомнений. К основным параметрам качества чтения как на родном, так и на иностранном языках относятся скорость чтения, извлечение и интерпретация

содержащейся в тексте информации. В процессе чтения иноязычного текста существенным фактором является понимание на вербальном уровне иноязычных текстовых единиц разного порядка, в том числе лексических, так как они несут основную смысловую информацию. При обучении чтению аутентичных текстов студенты сталкиваются с незнакомым языковым материалом, который представляет для них определенную трудность. Как показывает практика, они прибегают к помощи двуязычных словарей и справочников даже в тех случаях, когда тексты содержат незначительный процент незнакомых слов, так как не умеют пользоваться догадкой для понимания читаемого.

Владение умениями догадки позволяет сэкономить время, повысить мотивацию и интерес к изучаемому языку, расширить пассивный и потенциальный словарный запас обучающихся. Вопросам обучения различным видам догадки (контекстуальной, языковой, смысловой и др.) уделяется достаточно большое внимание в методической литературе (В.А.Бухбиндер, С.В.Калинина, А. Картон, П. Хэгболдт и др.).

Развитие языковой догадки студентов при чтении аутентичных текстов предполагает формирование следующих навыков:

- отнесение неизвестного слова к определенной лексической или грамматической категории;
- определение значения неизвестного слова по его словообразовательной структуре;
- понимание значения незнакомого слова по его контекстуальному окружению;
- использование индивидуально-речевого опыта, читающего для понимания неизвестных слов;
- использование межпредметных связей для осуществления догадки.

Из перечисленных выше навыков самым сложным, с точки зрения овладения им, является определение значения

неизвестного слова или словосочетания по контексту, или контекстуальная догадка, на что указывают как русские, так и зарубежные методисты.

Language learners are usually encouraged, directly or indirectly, to try to elicit meaning from text even it presents difficulties. Many language teachers, rightly or wrongly, prefer their students to guess meanings and it is frequently argued that the ability to guess meaning from context is a significant skill in language learning [1, с. 9]. Однако умение пользоваться контекстуальной догадкой во многом зависит от экстралингвистического опыта читателя. В этом смысле она всегда субъективна, хотя основывается на объективных данных контекста.

При обучении контекстуальной догадке контекст рассматривается в двух планах: экстралингвистическом и лингвистическом. Под экстралингвистическим контекстом понимают часть текста, законченную в смысловом отношении, необходимую для определения значения неизвестного слова или словосочетания, входящего в этот фрагмент. Такой контекст помогает установить смысл читаемого на основе ассоциаций, возникающих в связи с прочтением заголовка, отдельных знакомых слов и предложений, с просмотром иллюстраций. Лингвистический контекст — это лингвистическое окружение неизвестного слова или словосочетания, обуславливающее необходимость употребления данного слова в тексте или предложении. Использование иноязычным читателем предпосылок лингвистического и экстралингвистического контекстов для понимания неизвестных слов текста зависит от «его способности и умения анализировать, синтезировать, предусматривать, сравнивать, ассоциировать, классифицировать воспринимаемую информацию» [2, с. 20]. В процессе осуществления догадки оба плана контекста оказывают одновременное влияние на правильность догадки,

в результате которой читающий определяет значение и смысл незнакомого языкового элемента.

Нельзя сказать, что все аспекты обучения пониманию читаемого в настоящее время нашли свое решение. К числу вопросов, не нашедших достаточно полного освещения в методических исследованиях, относится понимание устойчивых словосочетаний при чтении аутентичных текстов. Практика обучения показывает, что наличие подобных языковых явлений в литературе затрудняет процесс чтения и вызывает ряд специфических трудностей. Восприятие текста неопытным читателем происходит линейно, то есть слово за словом. Любое словосочетание воспринимается как сочетание слов, в котором каждое обладает самостоятельным значением и имеет четкую предметную отнесенность. В устойчивых словосочетаниях значение целого не всегда равно сумме значений составляющих их компонентов. Часто это совершенно новое, переосмысленное значение. Знание исходного значения слова оказывается недостаточным для понимания его переносного значения. Фразеологизмы обладают рядом общим признаков: раздельнооформленность, семантическая цельность, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде.

В качестве ориентиров для их распознавания и понимания могут быть использованы следующие:

- сочетание двух и более слов может означать одно понятие,
- устойчивые словосочетания и фразеологизмы могут выполнять функцию одного члена предложения,
- известные значения компонентов могут не соотноситься друг с другом и контекстом.

При обучении пониманию фразеологизмов в процессе чтения аутентичных текстов необходимо принимать во внимание такие факторы, как компетентность самого читателя, межъязыковая интерференция («false friend

idioms»), синтаксические и лексико-семантические особенности фразеологизмов, а также их стилистическую окраску.

Несмотря на то, что обучение догадке не является принципиально новым в методике, многие аспекты данной проблемы нуждаются в теоретическом и экспериментальном исследовании.

Литература

[1] Грабска М. Русскоязычный потенциальный словарь в языковом сознании учащихся (теоретическое и экспериментально-эмпирическое исследование): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1994.

[2] Cornell A. Idioms: Pitfalls for learners // IRAL. Vol. XXXVII/1. 1999.

Санчес Шайда М.Т.Э.

(Россия, Москва)

Обучающие игры на уроках китайского языка

В настоящее время учителя, преподаватели и родители увеличивают нагрузку на школьников и студентов: дополнительные секции, кружки, курсы иностранных языков... Под тяжестью чрезмерной нагрузки, которая ложится на плечи учащихся, студенты порой теряют желание заниматься и теряют мотивацию к учебе.

Мотивация играет важную роль в учебной деятельности. Ученики не замечают трудностей, связанных с заданиями, готовятся к уроку добросовестно. Многие задумываются, как же создать мотивацию в учебном процессе? Педагоги и психологи пришли к выводу, что для того чтобы заинтересовать учащихся, нужно создать условия, в которых ученику будет комфортно на занятиях. Один из способов — игровые методы на уроках иностранного языка. Как же игра позволяет мотивировать учащегося? Дело в том, что каждый

из нас играл в детстве в игры, во время которых мы чувствовали радость, у нас горели глаза. Во взрослой жизни в стрессовых ситуациях нам сложно расслабиться и чувствовать себя комфортно. Поэтому применение игр на уроке иностранного языка позволяет нам вспомнить то чувство радости и ощущение комфорта, которое мы чувствовали в детстве. Игра — это идеальный способ обучения любому иностранному языку. Психологи считают, что игры в процессе обучения помогают вызвать эмоции, а те, в свою очередь повышают активность мозга, помогают сконцентрировать внимание на предмете, игры способствуют развитию памяти у человека. Потенциал игры велик : у учащихся не только повышается интерес к иностранному языку, к ним приходит осознание того, что иностранный язык — это не просто школьная дисциплина. Это — средство общения в повседневной жизни. Игра — это также способ воспитания, ученикам приходится соблюдать правила игры, стараться не нарушать дисциплину.

Обучающие игры можно проводить на всех этапах обучения иностранному языку, а также на разных возрастных этапах. Рассмотрим подробно игровые методы на примере обучения китайскому языку. Говорят, что китайский язык — это один из самых сложных языков в мире : иероглифика, грамматика, тоны... Тот, кто изучал язык Поднебесной, полностью согласится с данным мнением. Часто ученики, начавшие изучать китайский, бросают изучение из-за большого объема информации, который так сложно выучить из-за иной структуры китайского языка, отличной от русской. Поэтому все чаще преподаватели используют игры на занятиях, чтобы у учеников сложилось впечатление, что китайский язык — вовсе не такой сложный, как о нем говорят, и чтобы ученики занимались языком в свое удовольствие.

Лексические игры применяют на первых двух этапах обучения. Например, игра «Снежный ком» рассчитана на развитие слуховой памяти, внимания и на развитие

коммуникативных навыков. Правила игры : первый ученик называет предложение, второй- слушает, что сказал первый ученик, повторяет за ним предложение и при этом говорит новое предложение. Третий ученик повторяет первые два предложения и называет следующее. Последний учащийся рассказывает весь текст. Игра помогает быстро выучить большой объем информации, развивать слуховую память, а также коммуникативные навыки.

Пример:

Ученик А: 我的家有三口人。

Ученик Б: 我的家有三口人。这是我爸爸妈妈和爷爷。

Ученик В: 我的家有三口人。这是我爸爸妈妈和爷爷。爸爸是医生。

На начальном этапе во время обучения числительным от 1 до 10 целесообразно использовать игру «Десять свинок». Правила игры: учитель раздает три карточки учащимся, учащиеся выкладывают на стол карточки, посчитав сумму трех карточек. Необходимо как можно быстрее добавить к сумме такую карточку, чтобы получилось десять. Ученики запоминают числительные моментально.

На среднем и продвинутом уровне можно использовать игру «бомбочка». Учитель заранее заготавливает «бомбочку» — муляж бомбы, который тикает на батарейках, как настоящая бомба. Игра проводится в качестве разминки или для повторения материала после каникул. Играет вся группа. Первый участник игры включает «бомбочку», называет слово заданной семантической группы, затем спрашивает перевод слова с русского на китайский у следующего участника, который должен ответить быстро и правильно, ведь «бомбочка» тикает, далее — третий участник, четвертый и так далее. Проигрывает тот, кто услышит «взрыв бомбочки».

Кроме лексических игр, на уроках китайского языка проводятся и иероглифические игры. Это игры с карточками, а также излюбленные иероглифические загадки.

Иероглифические игры развивают память, помогают учащимся справиться с графическим анализом иероглифов.

Таким образом, игровой метод в обучении китайскому языку помогает повысить мотивацию учащихся и, следовательно, лучше усвоить материал урока.

Литература

[1] Алесина Е.В. Учебные игры на уроках английского языка. // «Иностранные языки в школе», 1987, № 4.

[2] Дворник М.В. Игра и игровая ситуация на начальном и среднем ступенях обучения. // Иностранные языки в школ, 1980, № 6.

Тикарадзе К.О.
(Россия, Москва)

Использование активных методов обучения иностранным языку в начальной и средней общеобразовательной школе

Научно-техническая революция второй половины XX в. во многом повлияла на представления людей о жизни, о ее ценностях, о труде и досуге. Появилась необходимость в реорганизации образовательной системы. В центре внимания исследователей педагогики оказались активные методы обучения (АМО). Сейчас они применяются во всех сферах образования: как на школьной ступени, так и в вузах. Особенно благодатной почвой для применения данных методов стали иностранные языки.

Теперь ученики все чаще стали выходить за пределы своих классов и все чаще покидать свои парты. Словесные, книжные методы дополняются практическими. Детей все чаще включают в активную деятельность на уроках, акцент делается на развитие творческих сил ребенка и его стремления к самообразованию. Школьники стали активнее

участвовать в ученическом самоуправлении и в жизни общества в целом.

Можно выделить следующие АМО [3]:

1. **Грамматико-переводной метод.** Владение языком есть владение грамматикой и словарем. Грамматика постигается дедуктивно, на основе правил и примеров. Ученики запоминают правила, потом применяют их на практике.

2. **Прямой метод.** В основе процесс освоения детьми родного языка. При обучении иностранному языку предусматривается полное исключение родного языка учащихся. Новые слова и фразы вводятся посредством реалий, изображений, пантомим или ассоциаций. Грамматические правила воспринимаются индуктивно, исходя из примеров [1]. Новые слова и конструкции вводятся через диалоги, которые заучиваются при многократном повторении.

3. **Аудиолингвальный метод** предусматривает использование в процессе занятий слухового канала восприятия, многократное прослушивание и воспроизведение вслед за диктором единиц языка, что ведет к образованию речевых автоматизмов [2].

4. **Метод молчания** был разработан в 60-х годах XX века Калемом Гатеньо. Преподаватель не говорит ни слова на изучаемом языке, чтобы не сбивать у обучаемых их субъективное восприятие языка. Используются цветные таблицы, на которых каждый цвет или символ обозначает определенный звук. Ученики начинают со звуков, вводимых через звуковые таблицы с цветовой кодировкой, где указаны блоки гласных и согласных. Указкой показываются звуки в виде последовательности фонем иностранного языка, которые ученики непрерывно воспроизводят.

5. **Суггестопедия.** На период обучения можно стать другим человеком — носителем языка. Ученики выбирают себе новую личность (имя, профессию) на изучаемом языке и

в соответствии с культурой страны. Используются диалоги с пояснительными пометками и переводами на родной язык. Каждый диалог разыгрывается два раза под музыку. Затем ученики добиваются беглости в обращении с новым материалом путем драматизации, игр, песен, вопросов и ответов.

6. Метод «общины» (метод «советника») заключается в шести обязательных элементах — безопасность, настойчивость (у учеников есть возможность отстаивать свою точку зрения), внимание, размышление (о языке и опыте изучения), запоминание и установление различий (между родным и изучаемым языком). Обучаемые спонтанно выбирают интересующую их тему. Программа обучения специально не разрабатывается. Учитель находится на втором плане и лишь дает советы. Основным приёмом обучения является перевод с родного языка на иностранный.

7. Идея метода полного физического реагирования состоит в том, чтобы очень много слушать изначально. Затем после навыка речи приобретается навык чтения, после чего — навык письма. В начале занятия учитель дает инструкции, ученики демонстрируют понимание, следуя им. Инструкции даются в виде рассказа, зачастую юмористического. Далее занятие проходит в форме игры. Схема ввода нового слова производится исключительно через команды, которые учитель сначала обыгрывает сам, чтобы ученики поняли, что он от них требует.

8. Коммуникативный метод направлен на одновременное развитие всех основных языковых навыков в процессе живого, непринужденного общения. Говорящий может сам выбрать что и как сказать, получая ответную реакцию от слушателей, которая покажет, достигнута ли цель. Ученики обычно работают небольшими группами и сами инициируют дискуссии на интересующие их темы.

Литература

[1] Найденова Н.С. Прямой метод обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] // Вестник РУДН, Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2008. №3. С. 119–122

[2] Смолкин А.М. Формирование мотивации учения: Кн. для учителя [Текст] /А.М. Смолкин. М.: Просвещение, 1990. 242 с.

[3] Snow D. Eight Approaches to Language Teaching [Online Resources] // Center for Applied Linguistics, December 1992.

Цапина Е.А.

(Россия, Москва)

Проблемы и концепция формирования познавательной мотивации студентов 1–2 курсов в процессе обучения испанскому языку

Рассматриваются проблемы формирования познавательной (внутренней) мотивации учебной деятельности с учетом возрастных особенностей и психологической готовности студентов младших курсов к переходу от системы школьного обучения к образовательному процессу в вузе. Представлена концепция дидактических задач современного преподавателя испанского языка, выступающего в качестве «универсального учителя».

Современная лингводидактика и методика преподавания иностранных языков предлагает преподавателю на выбор широкий спектр практических инструментов — приемов и технологий — для достижения целей обучения, которые ставят перед собой как педагог, так и студент. Однако мы считаем, что перед тем, как делать выбор в пользу той или иной педагогической технологии для обеспечения эффективности процесса обучения иностранному языку, в том числе испанскому, в высшем учебном заведении, необходимо проанализировать и принять во внимание:

1. исходный мотив учебной деятельности, с которым пришел студент на первое занятие иностранного языка;
2. психовозрастные особенности студентов младших курсов (1–2 годов обучения);
3. образовательные задачи современного преподавателя иностранного языка;
4. эффективность и процесс использования выбранного инструмента формирования и поддержания внутреннего мотива учебной деятельности.

Во многом эффективность обучения иностранному языку определяется не только мотивами студента, но и отношением самого преподавателя к обучению не как к какому-то отдельно взятому процессу, уроку, занятию, а скорее как к целостной многокомпонентной системе, комплексу процессов, который всегда начинается с формирования мотивации и целеполагания. Без понимания того, с каким отношением и по каким причинам приходят студенты изучать иностранный язык, трудно грамотно организовать учебный процесс.

Опираясь на классификацию мотивов учебной деятельности Матюхиной М.В. и на практический опыт преподавателей иностранного языка, в том числе испанского, можно отметить следующую закономерность: единицы студентов 1 и 2 курсов приходят на первое занятие с уже сформированным внутренним мотивом к познанию языка. Зачастую в нашей деятельности мы наблюдаем внешнюю мотивацию учащихся, которая определяется разными социальными (осознание долга и ответственности; самоопределение и самосовершенствование) и узколичностными мотивами (стремление получить одобрение со стороны семьи, друзей, преподавателей; хорошие оценки, диплом, сертификат; стремление избежать ответственности, неудачи). Каждому преподавателю следует помнить о том, что такая ситуация является закономерной, поскольку во многом наши студенты зависят от внешних факторов

окружающей среды и условий их жизни. Кроме того, внешний мотив вовсе не обязательно должен негативно сказываться на процессе обучения иностранному языку, поскольку оба вида мотива (внешний и внутренний) предполагают наличие у учащихся ответа на главный вопрос учебной деятельности: «Зачем изучать испанский язык? Почему это так важно для меня? Какую практическую пользу в будущем это принесет?». На наш взгляд, преподавателю сложнее справиться с ситуацией отсутствия осознанного мотива, когда студент вынужден изучать язык без собственного понимания причин, зачем ему это нужно (например, когда решение о выборе предмета изучения принимают родители).

Особое внимание мы хотели бы также уделить психовозрастным особенностям студентов младших курсов. Студенчеству как отдельной возрастной категории (юношество) посвящено много теоретических и эмпирических исследований известных психологов, таких как Ананьев Б.Г., Баранова Л.А., Дворяшина М.Д., Степанова Е.И., Фоменко Л.Н. и др. Если обратиться к истории данного раздела возрастной психологии, то можно заметить, что современный взгляд на юношеский возраст принципиально отличается от ранних концепций, согласно которым юность оставалась в пределах детских возрастов. Выготский Л.С. был первым, кто назвал юность «началом зрелой жизни», периодом становления взрослого человека — самостоятельного, ответственного, постоянно развивающегося [1]. Другими словами, юность — это сложный период перехода от детского восприятия жизни к зрелости, от системы школьного образования к особенностям учебного процесса в ВУЗе. На наш взгляд, этот момент крайне важно учитывать при организации процесса обучения иностранному языку, поскольку студенты младших курсов — уже бывшие ученики школы ещё пока не до конца осознают степень своей самостоятельности в принятии решений, самоорганизации в процессе изучения испанского языка. Как

правило, учитель школы не просто планирует урок, а предопределяет, заранее угадывает дальнейшие действия ученика и направляет его путем решения задач по аналогии с изучаемым теоретическим материалом по школьной программе. Вследствие этого на момент поступления в ВУЗ будущий студент оказывается не готов к самостоятельности, самоорганизации и постоянному планомерному саморазвитию, что сильно демотивирует его и отдаляет от успеха в освоении языка.

Можно предположить, что основная цель обучения для любого преподавателя — это достижение высоких результатов его студентов в процессе усвоения и практического применения полученных знаний и навыков. Однако мы убеждены, что реализация этой цели станет возможной при 2-х условиях:

1. преподаватель учитывает вышеупомянутые психовозрастные особенности и интеллектуальный потенциал студентов младших курсов;

2. преподаватель выступает не только в роли «учителя-предметника», но и «универсального учителя».

Типичный преподаватель иностранного языка, особенно в системе высшего профессионального и дополнительного образования, ставит перед собой очевидную задачу: вне зависимости от уровня владения языком и языкового направления (язык делового общения, для специальных целей, повседневный и т.д.) обучить:

- 3 языковым аспектам (фонетика, лексика, грамматика) и

- 4 видам речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо).

Вероятно, такая постановка дидактических задач в педагогическом процессе может эффективно сработать со студенческой аудиторией, но только в случае, если сами учащиеся способны самостоятельно дать ответ на следующие вопросы:

1. Зачем/ для чего я изучаю испанский язык?
2. Какого уровня владения испанским языком я хочу достичь?
3. Как мне спланировать и организовать своё время так, чтобы его было достаточно для стабильной языковой практики?
4. Что мне нужно сделать для того, чтобы выполнить домашнее задание (написать сочинение, пересказать текст, выучить активную лексику и т.п.)?
5. Семестр позади. Каких результатов за это время я достиг? Над чем ещё мне следует поработать?

Если студент не может ответить хотя бы на один из этих вопросов, то это, в свою очередь, может стать причиной его низкой успеваемости или даже привести к печальному результату: студент бросает изучение иностранного языка.

Какая роль отведена в таком случае преподавателю испанского языка? Достаточно ли будет для получения высоких результатов обучения просто идти по заданной программе даже при наличии качественного, интересного учебного материала и разнообразия упражнений и заданий на уроке?

Мы убеждены, что преподаватель иностранного языка при организации процесса обучения выступает ещё и в качестве «универсального учителя» [3], который:

1. при отсутствии мотива к учебной деятельности, и в частности к процессу изучения языка, формирует его;
2. при наличии внешнего мотива помогает совершить переход к внутреннему (познавательному) стремлению к изучению испанского языка;
3. помогает студенту подготовиться к самостоятельной учебной деятельности, которая характерна для образовательного процесса в ВУЗе.

Остаётся вопрос: способен ли внутренний мотив (по сравнению с внешним) ускорить процесс достижения главной цели освоения языка? Безусловно, да. Поскольку внутренний

мотив напрямую связан с удовольствием от процесса обучения в целом, от процесса освоения испанского языка и удовлетворением от полученных результатов. Эмоциональная составляющая в данном случае может послужить катализатором к значительному повышению уровня владения испанским языком, к желанию общаться на языке, использовать его в реальной жизни, а не только на занятии.

Однако удовлетворение от успехов и желание продолжать изучать испанский язык невозможно достичь без навыков самостоятельной деятельности. Если студент не был обучен в школе тому, как нужно учиться, как нужно изучать язык, как самостоятельно справиться со сложным домашним заданием (написание эссе, сочинения, пересказ, перевод и т.д.), то шансы на формирование внутреннего мотива падают, как и на достижение высоких результатов освоения языка.

Таким образом, перед преподавателем испанского языка стоят две дополнительные дидактические задачи — (1) сформировать и поддержать внутренний мотив познавательной деятельности через (2) обучение студента навыкам самостоятельного изучения иностранного языка. Мы считаем, что одновременное и эффективное выполнение этих задач возможно через создание ситуации успеха. В следующей статье мы опишем процесс реализации данного инструмента на практических занятиях испанского языка.

Литература

[1] Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. М.: Лабиринт, 2012. 352 с.

[2] Калинина А.И. Сущность самообразования/ А. И. Калинина // Вестник Московского университета. Сер. 20, Педагогическое образование. 2013. № 3. С. 99-107.

[3] Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. Т.2—М.: Изд-во Педагогика, 1982. 576 с.

[4] Матюхина М.В. Мотивация учения младших школьников. М.: Просвещение, 1984. 298 с.

[5] Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Продвинутый курс: Пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. М.: АСТ: Астрель, 2008. 272 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Челышева И.И. (<i>Россия, Москва</i>) Роль диахронических лингвистических дисциплин в подготовке филолога-романиста.....	5
Михеева Н.Ф. (<i>Россия, Москва</i>) Билингвальное образование Испании	7
Оболенская Ю.Л. (<i>Россия, Москва</i>) Результаты 600 лет взаимодействия цыганской и испанской (кастильской) лингвокультурных традиций	11
Раевская М.М. (<i>Россия, Москва</i>) Quiénes son los hispanohablantes contemporáneos: reflexiones sobre la realidad lingüística hispánica.....	15
Сапрыкина О.А. (<i>Россия, Москва</i>) В мире лузофонии: лингвокультурный профиль Мозамбика	18
Ларина Т.В. (<i>Россия, Москва</i>) Функционально-прагматические особенности эмоциональной коммуникации в межкультурном контексте	21
Чеснокова О.С. (<i>Россия, Москва</i>) Баскская топонимия в пространстве и времени	25
Чекулай И.В., Прохорова О.Н. (<i>Россия, Белгород</i>) Основные метафорические модели в системе ценностной концептуализации современного английского языка	29
Моисеенко Л.В. (<i>Россия, Москва</i>) Конструирование интегративных единиц смысла в интернет-коммуникации	31
Полякова А.А. (<i>Россия, Сочи</i>) О когнитивном моделировании в образовательном пространстве вуза в аспекте межкультурной коммуникации	34

Багана Ж. (Россия, Белгород) Семантические особенности лексем, называющие родственные отношения (на материале французского языка Африки)	36
Куприева И.А. (Россия, Белгород) Семиотическая система Weblish в аспекте межкультурной коммуникации	39
Ретинская Т.И. (Россия, Орел) Об основных направлениях исследования региональных вариантов национального языка (на материале шампанского и арденнского региолектов французского языка)	42
Литвиненко Т.Е. (Россия, Иркутск) Интертекстуальные модификации в учебно-педагогическом дискурсе	45
Найденова Н.С. (Россия, Москва) Этнокультурные стереотипы как основа построения рекламного текста ..	48
Цыбова И.А. (Россия, Москва) Проблемы межъязыковой лакунарности (на примере отыменных прилагательных во французском и русском языках).....	50
Садиков А.В. (Россия, Москва) Коммуникативное значение слова как объект лексикографического описания.....	53

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Арнус М.А. (Россия, Москва) Особенности топонимов Сирии	57
Балан Е.Г. (Россия, Москва) Проблема топонимов в современной Испании на фоне смены политического режима.....	60
Бобылева Е.С. (Россия, Москва) Структурно-семантический анализ оронимов Чили	62

Вепренцева М.А. (Россия, Москва) Место архитектурной терминологии в лексической системе языка (на материале испанского языка)	65
Веселова С.С. (Россия, Москва) Испанские пословицы и поговорки о религии	69
Журавлева Е.В., Журавлева Н.Ю. (Россия, Москва) Национальная культура и фразеология	71
Исмагилова Д.И. (Россия, Москва) Acerca del léxico automovilístico en español moderno	74
Косова Е.Г. (Россия, Москва) Функционирование фразеологизмов в немецких новостных онлайн-изданиях (на примере <i>Deutsche Welle</i> и <i>Spiegel Online</i>)	77
Котеняткина И.Б. (Россия, Москва) Algunas innovaciones en el español actual (a base de la prensa española)	80
Куртаева М.О. (Россия, Иркутск) Заимствование как способ номинации субъектов в испанской биржевой терминологии	82
Лаврентьева Н.Б. (Россия, Москва) О некоторых способах усиления речевого воздействия фразеологизмов в заголовках испанской прессы	85
Мартыненко И.А. (Россия, Москва) Псевдо-испанская этимология некоторых топонимаций США	87
Никифорова С.А. (Россия, Москва) Экспрессивность испанских лексико-фразеологических ресурсов в аспекте межкультурной коммуникации	90
Присяжнюк Ю.Г. (Россия, Москва) Французские заимствования в английском языке	93
Прудникова А.А. (Россия, Москва) Понятие американизм в его историческом аспекте	96
Радович М. (Сербия, Белград) Некоторые особенности уругвайской топонимики	98

СЕКЦИЯ 2. ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ, ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДА И ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА

Андрюшенко И.С. (Россия, Москва) Транскрипция как способ перевода имен собственных	101
Ануфриев А.А. (Россия, Москва) Особенности сочетаемости глаголов внутреннего состояния в конструкции эксплицитного модуса (на материале испанского языка)	104
Боброва С.Е. (Россия, Москва) О новых понятиях и терминах в переводоведении	107
Бройтман М.С. (Россия, Москва) К вопросу формирования кастильских форм местоименных глаголов	110
Головчинер М.Д. (Россия, Москва) Литота и мейозис как механизмы образования эвфемизмов	112
Дружков Я.М. (Россия, Москва) Dificultades de la traducción de refranes como unidades fraseológicas	115
Козловская Е.С. (Россия, Москва) Значимость метода герменевтического круга для объективной интерпретации текста	118
Костеева Д.Ю. (Россия, Москва) Артикль в переводе стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» на французский язык	121
Кузнецова Ю.В. (Россия, Москва) Академический дискурс русского и английского языков	123
Пономаренко Е.Б. (Россия, Москва) Языковые маркеры информационной войны в текстах СМИ	127
Попова Е.Н., Томашевич С.Б. (Россия, Москва) Морфемное строение и слоговая структура английского и русского слова: типологический аспект	129
Регнацкая И.В. (Россия, Москва) Семиотический метод исследования испанского песенного дискурса (на примере песенных текстов Алехандро Санса)	132

Рехнюк Д.С. (<i>Россия, Москва</i>) «Спираль: мемуары трейдера» Жерома Кервьеля: лингвостилистический анализ	134
Старченко Т.Е. (<i>Россия, Иркутск</i>) К вопросу о пунктуационном оформлении придаточных условия в современном испанском языке	137
Тасенко П.С. (<i>Россия, Москва</i>) Использование приёма адаптации при переводе текстов художественной литературы (<i>на примере перевода французских художественных произведений</i>)	140
Шалеева Е.Ф. (<i>Россия, Москва</i>) Лексические и грамматические средства репрезентации эмоции удивления в политическом дискурсе	143

СЕКЦИЯ 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЭТНОСОЦИОЛИНГВИСТИКА

Ахренов А.В. (<i>Россия, Москва</i>) Национально-культурная специфика фразеологических единиц панамского национального варианта испанского языка	146
Болотина К.Э. (<i>Россия, Москва</i>) Личные имена квебекцев: лингвокультурологический аспект	149
Борисова А.А. (<i>Россия, Москва</i>) Нигерийское культурное пространство в нигерийском национальном варианте английского языка	153
Дуке Энао Х.П. (<i>Колумбия, Сантьяго-де-Кали</i>) Observaciones sobre la interferencia del ruso en el español latinoamericano	157
Жамалетдинова Э.Х. (<i>Россия, Москва</i>) Репрезентация базовой ценности «вера» в русском языковом сознании	159

Зеленина К.И. (<i>Россия, Москва</i>) Влияние флоры и фауны на формирование языковой картины мира мексиканцев (<i>на примерах газетных статей политической тематики</i>)	162
Зябкина Е.И. (<i>Россия, Москва</i>) Креолизованный текст в британской прессе как отражение национального характера англичан	165
Ильина А.Ю. (<i>Россия, Москва</i>) Лингвокультурный потенциал топонимов канады (<i>на примере провинции Британская Колумбия</i>)	168
Ильина Н.Ю. (<i>Россия, Москва</i>) Отражение космогонических представлений нигерийцев в англоязычном художественном дискурсе	171
Кургузенкова Ж.В., Донская М.В. (<i>Россия, Москва</i>) Концептуализация женского образа во французской языковой культуре	174
Лавриненко Л.С. (<i>Россия, Москва</i>) Особенности переключения кодов в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»	177
Тутова Е.В. (<i>Россия, Москва</i>) Когнитивная составляющая процесса переключения лингвистического кода	180
Чжу Жуйшуан (<i>Россия, Москва</i>) Традиционные китайские моральные ценности.....	183

СЕКЦИЯ 4. ПРАГМАТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Авсинева Н.М., Левинтон О.М. (<i>Россия, Москва</i>) Общекультурные нормы коммуникативного поведения арабов и французов	185
Гладкова П.А. (<i>Испания, Кадис</i>) Проблемы адаптации российских детей в Испании	187

Гуторенко Л.С. (<i>Россия, Москва</i>) Особенности мемов юмористического характера среди испаноязычных пользователей в современной Интернет-коммуникации	191
Захарова Е.В., Ульянищева Л.В. (<i>Россия, Москва</i>) Гендерная идентификация языковой личности: лингвопрагматический аспект	194
Колесникович В.В. (<i>Россия, Москва</i>) Особенности отражения языковой картины мира англичан и французов в идиоматических выражениях «время» и «деньги».....	197
Пильгун Е.В. (<i>Беларусь, Минск</i>) Коммуникативные тактики ведения информационной войны.....	200
Самигуллина К.Р. (<i>Россия, Москва</i>) Молодёжный сленг в Перу	203
Семенова М.А. (<i>Россия, Москва</i>) Место и роль исламского фактора в общественно-политической и повседневной жизни арабского населения в восприятии русского общества	205
Сидоревич-Стахнова О.В. (<i>Беларусь, Минск</i>) Альтероцентричность испанского языка и влияние его форм вежливости на другие языки.....	208
Смаилова Э.А. (<i>Россия, Москва</i>) О видах стереотипов.....	211
Финская Т.Е. (<i>Россия, Москва</i>) Этимологический анализ концепта вежливости в русском, французском и английском языках.....	214
Шамова Е.А. (<i>Россия, Москва</i>) Способы выражения эмоций в субтитрах.....	217
Шейпак С.А. (<i>Россия, Москва</i>) Ложь, этикет и вежливость во французской лингвокультуре.....	220

СЕКЦИЯ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Абдурагимова М.А. (<i>Россия, Москва</i>) Французский язык в Бельгии (влияние контактирующих языков и диалектов).....	224
Гурова А.В. (<i>Россия, Москва</i>) Сопоставительный анализ французских и русских деловых писем.....	227
Дмитриева Н.А. (<i>Россия, Москва</i>) О некоторых особенностях лексико-семантического наполнения родового понятия «эмоция» в русском и английском языках.....	230
Ибрагимова Б.А. (<i>Россия, Москва</i>) Сопоставление общественно-политической лексики русского и английского языков	233
Карпова П.С. (<i>Россия, Москва</i>) Особенности французского языка в Бельгии	236
Курчаткина О.А. (<i>Россия, Москва</i>) Сравнительный анализ грамматики испанского и русского языков при обучении переводу.....	239
Логина П.Г. (<i>Россия, Москва</i>) Пословицы, поговорки и крылатые выражения как средство репрезентации понятий лингвокультурной сферы «виноделие» в английском языке в сравнении с русским языком и языками романской группы	242
Нелюбова Н.Ю., Задорожня Я.В. (<i>Россия, г. Москва</i>) Особенности французского языка в странах Тропической Африки на примере африканских печатных СМИ.....	247
Швец Н.А. (<i>Россия, Москва</i>) Разновидности андалузского диалекта испанского языка	250
Шершукова О.А. (<i>Россия, Москва</i>) Сходства и различия в употреблении имен функциональных множеств в португальском и русском языках	252

Юнкова Е.П. (<i>Россия, Москва</i>) О языке кабувердьяну и языковой ситуации в Республике Кабо-Верде на современном этапе.....	255
Юрьева Ю.Б. (<i>Россия, Москва</i>) Лексико-семантические особенности австралийского национального варианта английского языка	257

СЕКЦИЯ 6. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ануфриева А.С. (<i>Россия, Москва</i>) Total-Physical Response (TPR), или метод полного физического реагирования в обучении иностранным языкам.....	261
Белоусова Е.И., Белоусова А.С. (<i>Россия, Москва</i>) Наследие Василия Васильевича Голубкова в научно-методической подготовке современного учителя	264
Борисова А.С., Куприянова М.Е. (<i>Россия, Москва</i>) Этапы обучения устному переводу аудиотекстов	267
Ведехина В.В. (<i>Россия, Москва</i>) Трудности в освоении английского языка в Японии. Педагогический аспект..	269
Кривошлыкова Л.В., Пушкина А.В. (<i>Россия, Москва</i>) Метод проектов при работе со студентами-психологами в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»	272
Куприянова А.М., Шкинева М.А. (<i>Россия, Москва</i>) Особенности обучения устному переводу видеофильмов и выбор материала	274
Курчаткина Г.П. (<i>Россия, Москва</i>) Проектная работа как один из приоритетных элементов обучения иностранному языку в неязыковых вузах	276
Мансо Вергара Х. (<i>Испания, Мадрид</i>) La «risolingüística».....	279

Мартинес Альварес Н. (<i>Испания, Кадис</i>) Análisis de la importancia de la Comunicación no verbal en los procesos de enseñanza y aprendizaje de una lengua extranjera: el gesto como rasgo cultural y comunicativo	282
Медведева К.О. (<i>Россия, Москва</i>) Обучение иноязычной межкультурной коммуникации студентов младших курсов лингвистических специальностей с помощью метода проектов	285
Петрова М.Г. (<i>Россия, Якутск</i>) Ценностные ориентации иноязычного образования в национально-региональном аспекте.....	287
Петрова М.Г. (<i>Россия, Якутск</i>) Личностно-ориентированная технология телеконкурса	291
Полякова Д.Р. (<i>Россия, Москва</i>) Обучение взрослых иностранному (немецкому) языку в сфере менеджмента.....	295
Пронченко Е.Н., Бодоньи М.А. (<i>Россия, Пятигорск</i>) Лингвистическая терминология как средство формирования профессиональной компетенции студентов-лингвистов.....	297
Рубина Н.Б. (<i>Россия, Москва</i>) К вопросу о развитии языковой догадки студентов в процессе чтения аутентичных текстов	300
Санчес Шайда М.Т.Э. (<i>Россия, Москва</i>) Обучающие игры на уроках китайского языка	304
Тикарадзе К.О. (<i>Россия, Москва</i>) Использование активных методов обучения иностранному языку в начальной и средней общеобразовательной школе.....	307
Цапина Е.А. (<i>Россия, Москва</i>) Проблемы и концепция формирования познавательной мотивации студентов 1-2 курсов в процессе обучения испанскому языку	310

Научное издание

II ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 15.04.2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19,07. Тираж 150 экз. Заказ 504.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41